

PROCEEDINGS * УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ

№ 5

OF INTERNATIONAL BANKING INSTITUTE

2013

У 91 Ученые записки Международного банковского института. Вып. № 5. От Древней Руси до современной Англии / Под науч. ред. А.С. Харланова. – СПб.: Изд-во МБИ, 2013. – 212 с.

ISBN 978-5-4228-0033-9

Специальный выпуск содержит научные статьи, подготовленные доцентом кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Международного банковского института М.В. Кривошеевым. Статьи отражают широкий круг научных интересов автора, простирающихся от исследования истории Древней Руси до оригинальных заметок о современной Англии.

Предназначен для научных работников, преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов вузов, а также специалистов-практиков, занимающихся проблемами отечественной истории, исследованием роли России в формировании геополитической картины мира.

У 91 International Banking Institute Proceedings. Issue № 5. Edited by A.S. Harlanov. – St. Petersburg: IBI publishing, 2013. – 212 с.

The special issue contains scientific articles written by Maxim Krivosheyev, candidate of historical sciences, Associate Professor of International Banking Institute. Articles reflect a wide range of scientific interests of the author which cover the studies from the history of ancient Russia and to the original notes of contemporary England.

This work is intended for researchers, teachers, students, graduates, post-graduate students and other specialists dealing with the country's history, studying Russia's role in building up the geopolitical picture of the world.

ББК 65

Главный редактор

Харланов А.С., ректор МБИ, д-р экономических наук, доцент

Редколлегия:

Павлова И.П. – зав. кафедрой экономической теории МБИ, д-р экон. наук, профессор, засл. деятель науки РФ, действительный член МАН ВШ;

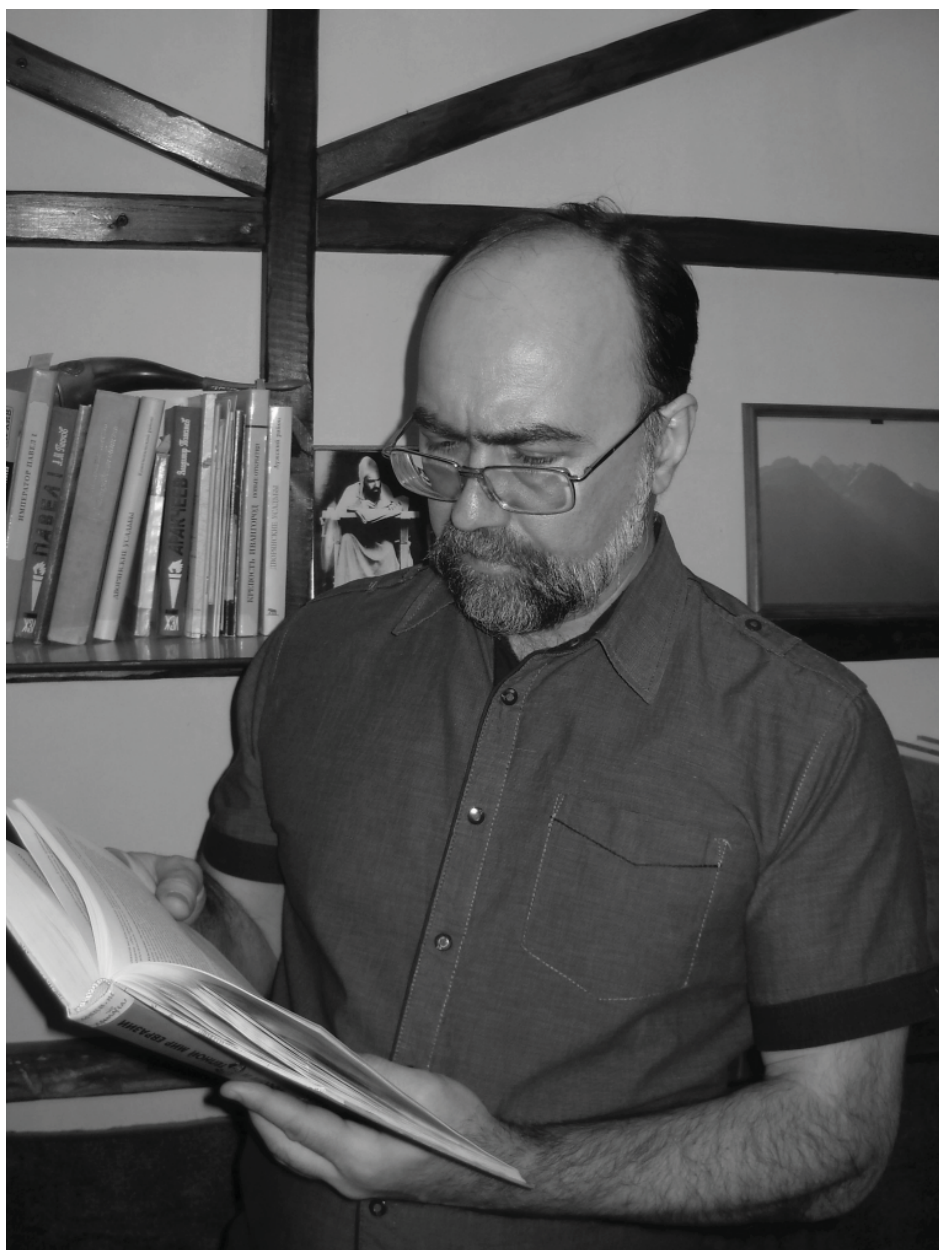
Попова Е.М. – зав. кафедрой банковского дела МБИ, д-р экон. наук, профессор, действительный член МАН ВШ;

Погостинская Н.Н. – зав. кафедрой финансов МБИ, д.э.н., профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАН ВШ;

Погорлецкий А.И. – зав. кафедрой мировой экономики и международного бизнеса МБИ, д-р экон. наук, профессор.

Ответственный за выпуск

Изранцев В.В., д-р техн. наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы.

Кривошеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Международного банковского института. Автор многочисленных научных, научно-публицистических и учебно-методических работ. Среди важнейших трудов – монография «Муромо-Рязанская земля» (2003), участие в создании коллективных монографий и учебников «Россия и Восток» (2002), «Россия и степной мир Евразии» (2006), «История древней и средневековой Руси» (2005), «История Российской империи» (2000).

В круг его научных интересов входит история Древней Руси, геополитика России, а также краеведение северо-запада России.

ОБ АВТОРЕ

Кривошеев Максим Владимирович

Автономная негосударственная организация высшего профессионального образования «Международный банковский институт». Россия. Санкт-Петербург.

E-mail: kmb4@yandex.ru

Россия, Ленинградская область, г. Гатчина, ул. Лейтенанта Шмидта, д. 7, кв. 16.

Тел. 8 911 7550816

Доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, кандидат исторических наук.

Maxim Vladimirovich Krivosheyev

Autonomous non-governmental Organization of higher professional education «International Banking Institute», Russia, St. Petersburg.

E-mail: kmb4@yandex.ru

7 Lieutenant Schmidt street, Apt. 16, Gatchina, Leningrad region, Russia.

Tel. 8 911 7550816

Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, candidate of historical sciences.

Ключевые слова:

Геополитика; история; Крым; Крымское ханство; митрополит Иларион; «Повесть о Петре и Февронии»; князь Пётр; Феврония; «Слово о Законе и Благодати»; Муром; Рязань; историческая повесть; житие; Киев; Древняя Русь; Средняя Азия; Коканд; Бухара; Хива; Ташкент; внешняя политика; фольклор; Англия; Мангуп; Турция; Москва; Иван Грозный; Екатерина II.

Keywords:

Geopolitics, history, Crimea, the Crimean Khanate, Metropolitan Hilarion, «The Tale of Peter and Fevronia», Prince Peter, Fevronia, «Word on Law and Grace»; Murom; Ryazan; historical novel; hagiography; Kiev; Ancient Russia; Central Asia; Kokand; Bukhara; Khiva; Tashkent; foreign policy; folklore; England; Mangoup; Turkey; Moscow; Ivan the Terrible; Catherine II.

К ЧИТАТЕЛЮ

50 лет – очень значимая веха в жизни каждого человека. Это момент, когда уже можно оглянуться, оценить все важное, что было, и еще можно строить планы новых свершений, находясь в расцвете физических и духовных сил. При этом приходит понимание того, насколько успешность связана с правильным выбором жизненного пути.

Максим Кривошеев родился 2 июня 1963 года в учительской семье. С детства он рос в атмосфере, где высоко ценились знания, умение передать их другим людям. Уже юношей он все больше интересуется историей России, истоками формирования российской культуры. Пройдя сквозь армейские тернии, он решает стать историком, поступает в вуз и в 1989 году с отличием заканчивает исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова по специальности «История». Уже там начинается его научная деятельность, а вскоре он становится кандидатом исторических наук.

Педагогическая деятельность провела его через среднее образовательное звено. С 1999 года он приступает к работе в Международном банковском институте на договорной основе, а в 2001 году становится штатным сотрудником в должности доцента кафедры гуманитарных и социальных дисциплин.

За время работы в институте Максим Владимирович зарекомендовал себя прежде всего как талантливый преподаватель. Читаемые им дисциплины – «Отечественная история», «Культурология», «Политология» – неизменно вызывают у слушателей неподдельный интерес к данным наукам. Он регулярно отмечается руководством вуза в числе лучших преподавателей института. Его знания и умения, применение современных методик в образовательном процессе во многом обеспечили высокий уровень системных гуманитарных знаний у студентов.

Наряду с преподавательской деятельностью Максим Владимирович серьезное значение придает науке. В сферу его научных интересов входят следующие темы: «Древняя Русь», «Белое движение на Северо-Западе России», «Краеведение», «Крымоведение», «Историческая геополитика». Он является автором многочисленных научных и научно-публицистических статей, а также ряда монографий и учебно-методических пособий. Будучи сторонником активного образа жизни, Максим Владимирович часто совершает путешествия, которые также носят научно-прикладной характер.

Свои профессиональные знания и умения Кривошеев Максим Владимирович старается передать студенчеству и всем желающим. Ярким подтверждением этого являются ежегодные этно-культурологические экспедиции по Крыму и Северному Кавказу, которые имеют уже более чем десятилетнюю историю. По результатам экспедиций выпускается редактируемый им «Крымский альманах».

Эрудированность, профессионализм, доброжелательность в сочетании с требовательностью, настойчивостью в выполнении решений кафедры и института, тактичность, толерантность, открытость к общению – все это снискало Максиму Владимировичу авторитет и уважение среди руководства, сотрудников и студентов МБИ.

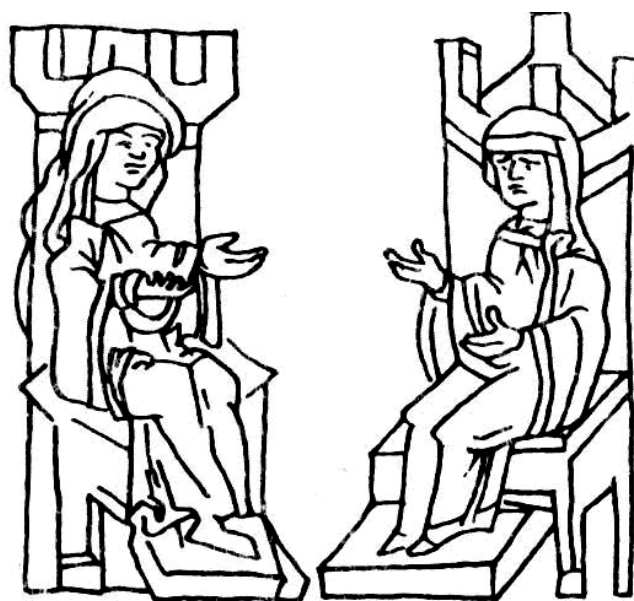
Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что Максим Владимирович вполне состоялся как ученый и педагог, как исследователь и путешественник, как мужчина и отец. Но жизненный и творческий потенциал еще далеко не исчерпан, есть у него перспективы и планы, реальные для воплощения.

От себя и всех коллег поздравляю Вас, Максим Владимирович, с юбилеем, желаю крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов и удачи во всех начинаниях.

*Ю.В. Высоцкий,
заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, доктор философских наук,
профессор, действительный член МАН ВШ*

Повесть о Петре и Февронии

*Очерки социально-политической истории
Мурома-Рязанской земли*

ВВЕДЕНИЕ

Муро-Рязанская земля – окраина Древней Руси. Порубежье со степью. Здесь строили города-форпосты, города, которые могли защитить, приютить окружное население в условиях разорительных междоусобиц. Могли сбить наступательный натиск непредсказуемых степняков или вообще его поглотить. Да и строились они с умом. Даже современный взгляд на застроенные ныне и незастроенные, к счастью для историков, древние городища при определённом воображении рисует картину неприступности стен и какой-то скрытой от нас важности происходившего там на заре русской истории. Бродя по древним валам Старой Рязани или стоя на крутом берегу Муромской Оки, невольно задаёшься вопросами, какие же политические и жизненные страсти могли бушевать здесь? Или же, наоборот, всё было спокойно и чинно? Что мы об этом знаем?

Социально-политический фон событий в Муромо-Рязанской земле до середины XI в. почти неизвестен, как малоизучен и остаётся неясным и в последующий – домонгольский – период. Во многом это происходило из-за малочисленности известных источников. Автор попытался несколько расширить традиционную базу путём привлечения оригинальных источников – повестей Муромо-Рязанского цикла. В этом поистине увлекательном процессе было интересно выяснить общие социально-политические явления, а также конкретно-достоверные исторические факты, встречающиеся в ряде повестей названного цикла, сопоставить их как с данными других источников, так и с фактами исторической ситуации на Руси в целом. Тем самым представилась возможность ввести выявленные материалы в ранг вероятных исторических реалий, расширив общее число источников рассматриваемого региона без отрыва его от общего исторического процесса, свойственного всей Руси XI–начала XIII вв.¹ В число рассматриваемых повестей обычно включают «Житие Константина Муромского с чады его: Михаилом и Феодором», более известную как «Повесть о водворении христианства в Муроме», «Повесть о рязанском епископе Василии», «Повесть о Марфе и Марии» и «Повесть о Петре и Февронии». Изучение каждой из них вносило свою лепту в исторические знания. Получилось определить социально-политические черты городских общин и их основных институтов – веча, княжеской власти, боярского совета. Сопоставить проявления ортодоксального христианского и языческого мировоззрений в процессе распространения первого и присутствия второго в психологии и менталитете народных масс. Рассмотреть роль князей в контексте способствования им распространения христианства и сохранения в то же время политеистических представлений. Изучить вопросы, связанные с внешними факторами развития общин.

¹ Полную версию очерков социально-политической истории XI–начала XIII вв. по материалам повестей Муромо-Рязанского цикла см.: *Кривошеев М. В.* Муромо-Рязанская земля. – Гатчина, 2003.

Вашему вниманию представляется скрупулезный анализ одной из повестей Муромо-Рязанского цикла – «Повести о Петре и Февронии», ставшей широко известной в последние двадцать лет, благодаря, в том числе, и проделанной автором работе.

К вопросу о жанре «Повести о Петре и Февронии»

Поэтическое наследие Древней Руси насчитывает не одно произведение. Однако по глубине художественной мысли, по тонкости психологического анализа и по совершенству формы «Повесть о Петре и Февронии» по праву занимает особое место и в ряду древнерусских литературных памятников, и в мировой литературе. Вместе с тем «Повесть о Петре и Февронии» является и своеобразным историческим источником, содержащим сведения по истории Древней Руси. Это свойство её обусловлено тем, что она по своему характеру принадлежит к преданиям, восходящим к фольклорной традиции. И хотя в 1547 г. она была признана житием и стала называться «Повестью от житий святых новых чудотворцев муромских Петра и Февронии», большинство исследователей, обращавших свои взоры к «Повести о Петре и Февронии», признавало за ней народнопоэтическую основу.² Акценты расставлялись разве что в сторону автора Повести, чтобы оценить его литературное творчество.

² *Буслаев Ф. И.* Песни древней Эдды о Зигурде и муромская легенда // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 269–300; *Веселовский А. Н.* Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Рагнаре Лодброке // ЖМНП, 1871. № 4, отд. 2. С. 95–142; *Попов А.* Книга Еразма о Святой Троице // ЧОИДР. 1880. Октябрь–декабрь. Кн. 4. М., 1880. С. 1; *Сиповский В. В.* История Русской словесности. Ч. 1, вып. II. СПб., 1912. С. 114–116; *Ржига В. Ф.* 1) Повесть о Петре и Февронии в русской литературе конца XVIII в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1957. Т. 13. С. 429–436; 2) Литературная деятельность Ермолая-Еразма // ЛЗАК, 1926. Вып. 33. С. 112–147; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 47; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 15; *Паушто В. Т.* За марксистско-ленинскую историю литературы // ВИ. М., 1950. № 3. С. 120; *Подобедова О. И.* «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 291; *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии в ее отношении к русской сказке // ТОДРЛ. М.; Л., 1949; *Лихачёв Д. С.* Предвозрождение на Руси в конце XIV–первой половине XV века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 161; *Лурье Я. С.* Элементы Возрождения на Руси в конце XV–первой половине XVI века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 193–194; *Дмитриева Р. П.* Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. С. 5; *Перверзев В. Ф.* Литература Древней Руси. М., 1971. С. 140–144; *Шайкин А. А.* Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии муромских» // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М., 1987. С. 23; *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1997. С. 208.

По поводу автора, а также времени создания памятника, высказывались различные соображения. Так, одни исследователи относили написание «Повести о Петре и Февронии» неизвестным автором к XV в.³, другие, считая автором Ермолая-Еразма, – к сороковым годам XVI в.⁴ Исследованием Р. П. Дмитриевой этого вопроса убедительно доказано последнее.⁵

Л. А. Дмитриев увеличивает роль автора, считая, что «Повесть о Петре и Февронии» «следует оценивать как литературное произведение, а не как запись устного предания или легенды, или незначительную литературную обработку устного материала».⁶ Тем не менее исследователь все же определил произведение как «легендарное житие».⁷ Близкое суждение принадлежит Н. С. Демковой, считающей, что при всей ориентации автора на устно-поэтические источники «Повесть о Петре и Февронии» в большей степени «является средневековой литературной притчей».⁸

«Искусственным» произведением богословско-дидактического смысла повесть считает М. Б. Плюханова. По её мнению, «при всём сходстве жития («Повести о Петре и Февронии» – М. К.) с фольклором, ни одному стороннику идеи фольклорного происхождения памятника не удалось до сих пор найти ему полную фольклорную аналогию». Исключительность такой позиции проистекает из постулата о неизвестности устных преданий о Петре и Февронии до их церковного прославления и невозможности их реконструировать из собственно жития о муромских святых, «поскольку фольклорное происхождение текста само нуждается в доказательствах».⁹

Не умаляя роли автора «Повести о Петре и Февронии» в составлении рассматриваемого памятника, все же представляется, что он был в большей степени зависим от фольклорных традиций, восходящих к местным муромским устным легендам, что, на наш взгляд, убедительно доказано в выше-названных работах.

³ *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии в её отношении к русской сказке. С. 139; *Подобедова О. И.* «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века. С. 291.

⁴ *Филарет.* Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. С. 211; *Шляпкин И. А.* Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 545–568; *Ржига В. Ф.* Литературная деятельность... С. 163; *Клибанов А. И.* Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли // ИЗ 1959. № 65. С. 303–315; *Зимин А. А.* Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XVI. С. 229–234.

⁵ *Дмитриева Р. П.* Повесть о Петре и Февронии. С. 118.

⁶ *Дмитриев Л. А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 253.

⁷ Там же. С. 211.

⁸ *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 79–80.

⁹ *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 205–206.

Более того, мы не можем пренебрегать и теми фактами, что наряду с культом святых, известному в Муроме ещё с XV в. и предопределившему появление независимого от Повести живописного воплощения образов героев¹⁰, а также служб им, проходивших уже на рубеже XV–XVI вв.¹¹, существуют и мощи благоверных Петра и Февронии, покоящиеся ныне в одной раке в Троицком соборе Свято-Троицкого Новодевичьего монастыря. До обретения они находились, по свидетельству Л. Белоцветова, священника начала XIX в. вышеназванного собора, под южной стороной собора Рождества Богородицы «под спудом», а ещё ранее «были на вскрытии».¹² Обстоятельства и время обретения мощей остаются неизвестными. Мощи существуют, стало быть, и люди (видимо, не совсем «среднестатистические») существовали, следовательно мы не можем этого не замечать (если, конечно, мы не имеем дело с чудовищным обманом или ошибкой, связанной с какой-либо подменной мощей). А о необычных людях почти всегда существуют легенды. А если говорить о Петре и Февронии как о святых, то святыми становились реально жившие люди.¹³ И с этим тоже, видимо, приходится считаться.

Муромский Богородицкий собор (а вместе с ним и Пётр и Феврония) чуть было не стал местом драматического действия. Во время противостояния Дмитрия Шемяки и Василия II дети пленённого великого князя Иван и Юрий спасались в Муроме. Именно в названном соборе состоялась передача малолетних законных наследников великокняжеского престола «на епитрахиль»¹⁴ рязанскому епископу Ионе¹⁵, выступавшим своеобразным посредником между Дмитрием и Василием. Опасность положения Ионы была напрямую сопряжена с безопасностью сыновей Василия. Никто не мог дать гарантии благополучного исхода ни для них, ни для епископа. Не вдаваясь в подробности упомянутых событий, сообщим лишь то, что после выдачи Ивана и Юрия Шемяке, они соединились с отцом в заточении, а власть коварного временщика начала постепенно уходить из-под его ног¹⁶.

Косвенным образом события в Муромском Богородичном соборе явили собой начало счастливо разрешённых для великокняжеской семьи событий и тем самым сделали возможным для Василия и его наследников считать покоящихся в Соборе¹⁷ Петра и Февронию «сродниками своими», спасителями

¹⁰ Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Пётр и Феврония муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 138.

¹¹ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 99.

¹² Белоцветов Л. Муромский Богородицкий собор. Муром, 1907. С. 17.

¹³ Дмитриев Л. А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV в. С. 209.

¹⁴ Епитрахиль – часть облачения священника, расшитый узорами передник, надеваемый на шею и носимый под ризой.

¹⁵ См. напр.: ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 180; ПСРЛ. Т. XXV. М., Л., 1949. С. 215.

¹⁶ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 34–38.

¹⁷ Собор Рождества Богородицы испытал на себе все перипетии отечественной истории. В 1924 г. Собор был закрыт, а в 1939–1940 гг. разрушен. Мощи св. Петра и св.

и покровителями.¹⁸ Почитание Петра и Февронии продолжилось и далее. Известно, что и «государь всея Руси» Иван III в 1468 г. приезжал «на поклонение» к святым мощам «своих сородичей». Молился у гробницы «своих сродников» и Иван IV, присылая в собор и «царские дары». В 1594 г. чета последних Рюриковичей, Фёдор Иванович и Ирина, «вложили к мощам святых покров, шитый в знаменитой мастерской этой царицы». ¹⁹ Ирина (урождённая Годунова) молила Петра и его супругу о даровании ей детей.

На фоне поклонения царствующих особ муромским святым Петру и Февронии логично выглядело появление их имён в списке для канонизации. С 1547 г. они чтятся местно, а с 1549 г. в общерусском масштабе. И тем не менее появившееся Житие о муромских чудотворцах было настолько далеко от житийных канонов, что митрополит Макарий в XVI в. не включил его в состав нового сборника Великих Миней Четий. И для того чтобы приблизить произведение к житийной тематике, например составителю поздней Причудской редакции, наиболее отвечающей требованиям житийного жанра, «пришлось прибегнуть к самостоятельному переложению фабулы, а автор Проложной статьи, исключив событийный ряд, ограничился общими фразами о благочестивом образе жизни этих святых».²⁰

Нет необходимости перечислять мнения исследователей, высказывавшихся в пользу инициированного В. О. Ключевским суждения, что сюжет «Повести о Петре и Февронии» очень мало напоминает агиографический жанр.²¹ Одно из самых выразительных и безапелляционных высказываний принадлежит М. О. Скрипилю: «... житийного в ней (Повести о Петре и Февронии – М. К.) ничего нет».²² В дальнейшем спектр доказательств антижитийности Повести только расширялся. Что же могло не понравиться владыке, почему написанная на заказ повесть о муромских чудотворцах не прошла каноническую экспертизу?

Развернувшаяся в середине XVI в. титаническая работа по составлению Великих Миней Четий привела к появлению торжественного и велеречивого стиля «второго монументализма», искусственно напыщенного, наполненного риторическими формулами и эклектичного. В подобные рамки явно не

Февронии были вскрыты в 1919 г., а в 1923 г. – переданы в музей. Лишь в 1989 г. они обрели пристанище в храме – в Муромском Благовещенском Соборе, где и находились вплоть до 1992 г. (Сухова О. А. Града Муром святые. Муром, 1993. С. 47–61).

¹⁸ Тагунова В. И. К вопросу о появлении культа Петра и Февронии в связи с идейным содержанием их жития и временем возникновения его первоначальной редакции // ТОДРЛ. Т. XVII. М., Л., 1961. С. 339.

¹⁹ Сухова О. А. Града Муром святые. С. 48.

²⁰ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 7.

²¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 287.

²² Скрипиль М. О. Повесть о Пете и Февронии в её отношении к русской сказке. С. 132.

вписывалась «Повесть о Петре и Февронии».²³ Отход от русских агиографических традиций мог быть вызван либо неумелостью, либо смелостью, присущей деятелям новой школы круга Макария. Смелостью книжников и иконописцев, введших в русскую словесность прежде не использовавшиеся в ней образы и композиции, объясняет М. Б. Плюханова этот отход. «Повесть о Петре и Февронии» может быть рассмотрена, с её точки зрения, как конкретизация богословских идей «Книги о Троице» посредством повествования в определённых символах.²⁴ Символическое, притчевое начало «Повести о Петре и Февронии», искони присущее различным видам христианского средневекового искусства и повествовательной прозе, непонятное рядовому массовому сознанию, интерпретированное защитниками «старого» искусства как «своемудрствование», а не сотворённое по Писанию, было, по мнению Н. С. Демковой, причиной непризнания за Повестью права быть в составе Великих Четий Миней.²⁵

Филарет в своде о русских святых сделал прозрачное объяснение относительно того, почему митрополит Макарий отверг Повесть как житие: «В прологе из Еразмовой повести удержано вероятное, хотя и не всё, и отвергнуто всё сказочное».²⁶ Филарет, объясняя мотивы владыки, сетует на то, что «Повесть о Петре и Февронии» весьма реалистична, и по этой причине, видимо, и не была востребована по предполагаемому назначению – как житие.²⁷ Связь ее с фольклорными произведениями для большинства исследователей была одним из оснований считать повесть несоответствующей классической агиографии. То есть насколько повесть была приближена к фольклору, настолько отдалена от агиографии.

О фольклорной основе «Повести о Петре и Февронии»

Ещё одно обстоятельство позволяет считать «Повесть о Петре и Февронии» нетипичной церковной литературой – частое и вполне обоснованное ввиду своего фольклорного происхождения, хотя и невольное со стороны автора, обращение к языческому прошлому вследствие отражения фольклором соответствующих реалий. Что же такое языческое можно увидеть при пристальном рассмотрении текста, какие реалии преподнесла читателям «Повести о Петре и Февронии» «жанровая память»?

²³ Дмитриева Р. П. Агиографическая школа митрополита Макария // ТОДРЛ. Т. 48. 1993. С. 213.

²⁴ Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. С. 211.

²⁵ Демкова Н. С. Средневековая русская литература. С. 88–89.

²⁶ Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Месяц май, июнь, июль, август. СПб., 1882. С. 46.

²⁷ Схожая мысль подмечена и А. А. Шайкиным (Шайкин А. А. Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии муромских». С. 23–24.).

Ещё А. Попов, вдумчивый и пунктуальный исследователь, отмечал в «Повести» не только притязания на остроумие, но и «примеси суеверия».²⁸ Суеверие рождено языческим мировоззрением, восходящим к архаическим временам. Попытаемся найти элементы дохристианских морали и традиций в тексте.

Образ Февронии всегда вызывал двойственное отношение к себе. С одной стороны, она выступает как христианская святая, с другой – как сказочная кудесница.²⁹ Её образ более привлекателен, активен и является основным в повести.³⁰ Причиной тому не только её сказочная мудрость, но и в какой-то степени реалистичность, а попытки Ермолая-Еразма создать из Февронии житийную подвижницу аскетической направленности явно проигрывают устоявшемуся в народной традиции образу. Более того, искусственный авторский персонаж выглядел бы блёкло, если бы вообще имел право на существование. Вероятно, данное обстоятельство понимал и сам автор, на смогший завуалировать, а то и удалить из народного предания, несозвучные житийному жанру черты.

Интересна и симптоматична первая встреча с героиней. «Един же от предстоящих ему (князю Петру – *М. К.*) юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же. И вниде в дом и не бе, кто бы чул. И вниде в храмину и зря видение чудно: сидяще бо едина девица, ткаше красна, пред нею же скача заяц».³¹ Состоявшийся далее диалог между хозяйкой дома и недоумённым посланцем заболевшего Петра привёл к ещё большему непониманию юноши. И на логичные, вследствие этого непонимания, вопросы Феврония даёт обоснованные ответы, кроме, пожалуй, одного, о чём тоже вопрошал петров слуга: «Внидох к тебе, зря ты делающу, и видех заяц пред тобой скача ... и не вем ...» Может быть, Феврония сознательно не даёт объяснение на данный вопрос? Дело в том, что заяц – животное культовое, символическое.

Заяц (кролик) – персонаж в фольклоре устоявшийся и многофункциональный. Он представлялся как предвестник несчастья – встреча с ним именно так и расценивалась, не случайно его называли «чертоног».³² Заяц встречается и как оборотень и почти всегда, так или иначе, связан с миром нечистой силы.³³ Однако в подавляющем большинстве упоминаний в сла-

²⁸ Попов А. Книга Еразма о Святой Троице. С. 1.

²⁹ Переверзев В. Ф. Литература Древней Руси. С. 144.

³⁰ Другой подход к образу Февронии демонстрирует Н. С. Демкова, вопреки распространённому мнению об активности Февронии и пассивности Петра утверждающая обратное: фигура Февронии статична (*Демкова Н.С. Средневековая русская литература. С. 83*).

³¹ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 214.

³² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 717.

³³ Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 176–179.

вянском фольклоре заяц выступал как символ мужской оплодотворительной³⁴ силы: с ним связано много эротических песенок и присловий, широко применявшихся у славянских народов в процессе свадебной обрядности. Отмечается связь зайца с фаллическим культом.³⁵ На Украине и в Германии сохранились объяснения детям, что их приносят зайцы. Заячья кровь у сербов в народной медицине служила средством от бесплодия, а близкая встреча с зайцем сулила способствованию плодовитости.³⁶ Кроме того, в представлениях древнерусского человека дела интимного свойства и связанные с ними чары находились в основном в руках женщин, поскольку привлечение к своей особе лиц противоположного пола обеспечивало девушке счастье и благополучие.³⁷

Кто знает, чем было навеяно желание супруги последнего из Рюриковичей обратиться именно к Февронии. Отсутствие наследника у монарха приводило к прекращению династии, а бездетность Ирины Годуновой могла при неблагоприятной политической конъюнктуре закончиться в монастыре. Считая Февронию своей святой, царица обращалась к ней с сокровенным желанием, надеясь на чудо, используя, возможно, свой последний шанс и не важно, к христианским ли или к языческим символам она обращалась. Итак, впервые увидев Февронию, читатель, между прочим, сталкивается с зайцем – символом далеко не христианским, исчезающим из текста самой «житийной» Причудской редакции «Повести о Петре и Февронии».

Ещё меньше житийной святости в методе исцеления заболевшего от змея (змеи) муромского князя Петра. «Князь же мой имея болезнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго змия...»,³⁸ – сообщал юноша Февронии, сетуя на незнание, где искать врачей. Услышав анамнез Петра, Феврония согласилась «уврачевать» князя, нисколько не сомневаясь в результатах лечения, как будто она всю жизнь этим (врачеванием) и занималась. Рецепт излечения князя оказался для читателей весьма прост, если, конечно, не вдаваться в подробности (которых мы и не знаем) состава «кисляжди»: «Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своя, и дуну на ня, и рек: «Да учредят князю вашему баню и да помазует сим по телу своему, иде же есть струпы и язвы».³⁹ Таким образом, весь процесс оздоровления

³⁴ Заяц ещё рассматривается как символ плодородия, в меньшей степени – духовного богатства и правды. (*Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии муромских в её отношении к русской сказке. С. 159).

³⁵ *Гура А. В.* Статья «Заяц» в проекте словника этнолингвистического словаря славянских древностей. М., 1984. С.129–149.

³⁶ *Гура А. В.* Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре. С. 173.

³⁷ *Грузнова Е. Б.* Женщина средневековой Руси в сфере культа // Историческая психология и ментальность. СПб., 1999. С. 269.

³⁸ *Дмитриева Р. П.* Повесть о Петре и Февронии. С. 215.

³⁹ *Дмитриева Р. П.* Повесть о Петре и Февронии. С. 215.

Петра должен был пройти следующие фазы: доставление в «храмину» Февронии Петра, обещание князя женитьбы на ней, приготовление «кисляжди», омовение в бане и смазывание поражённых участков тела заражённого. Снадобье⁴⁰ можно расценить как своего рода отвар, «зелье», а его приготовление магией («дуну на ня»), колдовством, «ведовством», передачей силы волшебного слова вместе с заговорённым предметом. Само же лечение в таком случае становится знахарством.⁴¹ Заметим, что оно происходит без помощи молитвы и реквизита христианской мистики, как должно было быть по роду житийного жанра.⁴² Историк народной медицины Н. Ф. Высоцкий отмечал использование Февронией обычных для языческих знахарок методов приготовления лекарства.⁴³

Примечательно, что смазывание князя «кисляждью» происходит в бане. Сама баня у славянского мира сопряжена с архаическим прошлым. Вспомним беседу Яна Вышатича с волхвами в 1071 г., в ходе которой выяснилось представление кудесников о происхождении человека, воспроизведённое словами летописца: «Бог мывся в мовници и вспотився, отерся вехтем, и верже с небесе на землю; и распреся сотона с Богом, кому в нём сотворити человека? И створи дьявол человека, а Бог душу во нь вложи ...».⁴⁴ Подобные языческие представления имели довольно широкое хождение в древнерусском обществе.

Но для нас важно здесь упоминание бани. С ней было связано языческое происхождение человека. Вероятно, не случайно, что развитый и не утративший своего значения вплоть до средневековья культ предков или общения с покойниками находил своё отражение в общении живых с усопшими в том числе и через бани. Именно для мёртвых (или для их душ) топили бани в определённые дни (обычно – в страстной четверг), где перед мытьём оставляли различные угощения, а пол посыпали пеплом, чтобы по птичьим следам, оставленным на полу, можно было судить о посещении бани покойниками (навьями). Выбор бани для встречи, по мнению Б. А. Рыбакова, не случаен, поскольку именно там было определено место встречи с навьями – чужими,

⁴⁰ В. Ф. Переверзев отметил магическое действие в процессе превращения хлебной закваски («кисляжди») в волшебную мазь. (*Переверзев В. Ф. Литература Древней Руси. С. 144*).

⁴¹ Лечебная, любовная, вредоносная магии, как показал исследователь мордовского этноса Н. Ф. Мокшин, были широко распространены в Поволжье и в приокских землях в дохристианскую эпоху (*Мокшин Н. Ф. Дохристианские верования мордвы. Автореферат дисс. на соискание степени канд. ист. наук. Саранск, 1963. С. 7*).

⁴² Очевидность противоречия с церковными традициями способа лечения Февронией Петра «кисляждью» была замечена и Н. С. Демковой (*Демкова Н. С. Средневековая русская литература. С. 93*).

⁴³ *Высоцкий Н. Ф. Роль женщины в истории нашей народной медицины. Казань, 1908. С. 11.*

⁴⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 318.

враждебными (курсив мой – М. К.) мертвецами.⁴⁵ Этнографы утверждают, что баня ещё долгое время на Руси считалась нечистым, с точки зрения христианства, местом. В северных землях в ней не вешали икон, а когда шли мыться, снимали с шеи кресты. «Бани – излюбленное место для нечистой силы, о проделках которой ходили страшные рассказы», – писал большой знаток язычества С. А. Токарев.⁴⁶

Таким образом, баня в «Повести о Петре и Февронии» может фигурировать не столько как символ нравственного очищения князя Петра от грехов человеческих (грехи – язвы на теле Петра) в духе христианской символики,⁴⁷ сколько как место общения с ушедшими из жизни по воззрениям славянского язычества.

Итак, если следовать логике языческих воззрений, объяснённых этнографами, оструплённый князь Пётр в бане мог встретиться (пообщаться каким-либо образом) с покойниками, что, в свою очередь, могло способствовать его излечению. В сюжете «Повести о Петре и Февронии» фигурируют, за исключением главных героев и вскользь упомянутых бояр, которые «погибоша от меча» в период бескняжья в Муроме, всего двое усопших: это предшественник Петра на муромском княжеском престоле его брат Павел и убитый Петром «змей неприязновый». Однако лечение Петра осуществляется тогда, когда по сюжету убит только змей. Следовательно, свидание Петра могло происходить только с безвременно ушедшим из жизни змеем.

Образ змея чрезвычайно сложен. «Змей вообще не поддаётся никакому единому объяснению, – справедливо пишет В. Я. Пропп. – Его значение многообразно и разносторонне. Всякие попытки свести весь комплекс змея к чему-то единому ... заранее обречены на неудачу».⁴⁸ Вместе с тем в этом «змеином» многообразии функций в более поздних формах фольклора змей фигурирует и как отец, и как предок. Будучи символом фалла, он «представляет собой отцовское начало, а через некоторое время он становится предком».⁴⁹ Согласно балканской фольклорной традиции, основная функция змея как мифического предка состоит, по словам Н. Н. Велецкой, «в поддержании здорового, крепкого, чистого духом потомства».⁵⁰ Исследуя былинную историю, И. Я. Фроянов и Ю. И. Юдин конкретизировали роль змея как родоначальника именно княжеского рода, хранителя его чистоты, бесприимственности, что вполне согласуется с тотемными, языческими воззрениями населения Древней Руси периода X–XII вв.⁵¹

⁴⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 515.

⁴⁶ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX–начала XX в. М., 1957. С. 98.

⁴⁷ Демкова Н. С. Средневековая русская литература. С. 84.

⁴⁸ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 257–58.

⁴⁹ Там же. С. 275–276.

⁵⁰ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. С. 35.

⁵¹ Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997. С. 252.

Змей «Повести о Петре и Февронии» не вписывается в волшебные сказочные персонажи, как, собственно, и первая часть всей повести, связанная со змееборческими мотивами.⁵² Близость повести к эпосу через летописные рассказы о змее отмечал М. О. Скрипиль. У него не вызывала сомнений генетическая связь этих рассказов с древнерусскими представлениями о змее – насильнике и оборотне – имевших место намного раньше того времени, к которому приписывается создание «Повести о Петре и Февронии».⁵³ Важно отметить, что образ змея как в русском поэтическом творчестве, так и в «Повести о Петре и Февронии» весьма мало напоминает дракона агиографической переводной литературы. Он в повести, со слов А. А. Шайкина, «низведён до роли любовника, никому не желает смерти и никого не похищает».⁵⁴ Летал же Змей «к жене князя того (Павла – М. К.) на блуд» – вот его единственный грех. «И являшеся ей своими мечты, яко же бяше и естеством; приходящим же людем являшеся, яко же князь сам сидяше з женою своею».⁵⁵ Заметим, что жена Павла, княгиня, принимала Змея не только в мечтах, но и «естеством», то есть сознательно и только от природной своей честности («сего не таяше») призналась во всём князю. Вот здесь сюжет «Повести о Петре и Февронии» ясно согласуется с вышеприведёнными размышлениями о змее – продолжателе княжеского рода, хранителе его чистоты. Особенно важно, что Змей должен становиться не предком вообще, а предком княжеского (в данном случае – муромского) рода, рода вождя, руководителя. Связь с ним по женской линии в таком варианте особенно желанна. Змей, обладая космической сутью, фаллической символикой и оборотничеством, способствует появлению у земных женщин потомства, наделённого сверхъестественными качествами, от необычайной силы до баснословной красоты. Благодаря этим силам никто из простых людей одолеть потомков Змея не может. Все качества, приобретённые от Змея, как правило, приписывались в народной традиции отпрыскам княжеского рода. Мифологическим мотивам о змее как космическом предке созвучны представления о защитной силе змеи – покровителя дома (в рассматриваемом случае – княжеского рода), хранителя семейного очага как воплощения мифического предка, как облик, в котором являются души умерших сородичей.⁵⁶

⁵² Дмитриева Р. П. Повесть о Пете и Февронии. С. 12.

⁵³ Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии муромских в её отношении к русской сказке // ТОДРЛ. Т. 7. М., Л., 1949. С. 141–143. Подобная связь «Повести о Петре и Февронии» с мифологическим былинным наследием была отмечена И. Я. Фрояновым и Ю. И. Юдиным: Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Русский былинный эпос. Курск, 1995. С. 7.

⁵⁴ Шайкин А. А. Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии муромских». С. 25.

⁵⁵ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 211.

⁵⁶ Велецкая Н. Н. О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 207–208.

В «Повести о Петре и Февронии» Пётр нарушает мифологическую схему благополучия княжеской семьи, продолжения княжеского рода: «И взял меч, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей, и видя змия зраком аки брата си, и твёрдо уверися, яко несть брат его, но прелестный змий, и удари его мечем. Змий же явился, яков же бяше и естеством, и нача трепетатися, и бысть мёртв».⁵⁷ Каков же результат вмешательства Петра в жизнь своего брата? Повесть даёт нам ответ на этот вопрос: «По мале же дний предречённый князь Павел отходит жития своего. Благоверный же князь Пётр по брате своём един самодержец бывает граду своему».⁵⁸ Итак, убив Змея, Пётр лишил брата наследника, став после смерти Павла таковым сам.⁵⁹ Но нарушение братского семейного очага, в каком бы виде оно не было представлено, и лишение покровительства княжеского рода от Змея есть своеобразный тотемный грех, в Повести где-то даже своекорыстный со стороны Петра. Любой грех предусматривает наказание и, в дальнейшем, искупление. Наказание Пётр получает мгновенно после смерти своего мифологического визави: бьющийся в агонии Змей окропил Петра своей кровью, который «от неприязнивыя тои крови острупе, и язвы быша, и прииде на нь болезнь тяжка зело».⁶⁰ В таком ключе разбора текста нет оснований считать, что болезнь или острупление Петра является выдумкой автора повести для соединения двух частей, использовавшихся им для написания цельного произведения – легенды о летающем змее и сказки о мудрой деве, как это сделал М. О. Скрипиль.⁶¹ В нашем понимании «Повесть о Петре и Февронии» базировалась на одном предании, а не на нескольких, искусственно соединённых автором, и в этом смысле мы согласны с А. А. Шайкиным, что гипотеза объединения в «Повести о Петре и Февронии» фольклорных мотивов разных народов «выглядит несколько натянутой».⁶²

Пётр в качестве искупления своих языческих грехов, кроме страдания, вызванного болезнью, должен был восстановить родовое табу, охранный ореол предков княжеского рода. И в ходе развития мифологического сюжета он это осуществляет путём женитьбы на не совсем обычной, а наделённой чародейскими способностями мудрой деве Февронии (жена княжеского рода должна быть обязательно мудрой). Вспомним, что их соединение в брачный союз никак нельзя назвать любовным – только со второй попытки Пётр

⁵⁷ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 213.

⁵⁸ Там же. С. 217.

⁵⁹ Змей в данном контексте не может считаться ни дьяволом, ни связанным с дьявольскими силами, а змеборчество – как религиозный акт, несмотря на обращение к образу дьявола Ермолая – Еразма. У М. Б. Плюхановой обратная точка зрения (*Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства*. С. 205–206).

⁶⁰ Там же. С. 213.

⁶¹ Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии муромских в её отношении к русской сказке. С. 162.

⁶² Шайкин А. А. Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии муромских». С. 27.

осознаёт необходимость этого. Баня, как место встречи с «враждебными духами» (Змей для Петра являлся врагом), в данном смысле могла сыграть роль катализатора для осмысления Петром сложившейся ситуации. Обоснованием для понимания представлений жителей Древней Руси может служить развитие общинной психологии. Власть князя-вождя, основанная на родовых традициях и связанная в мифе и бытине со змеиным наследием и вместе с тем с узкой социальной опорой, уходит в прошлое (в повести – Змей погибает). На авансцену в то время (X–XII вв.) выходят новые социальные силы: в бытине это богатырь, разрушающий старую «змеиную» опору власти князя⁶³, в Повести, с нашей точки зрения, это Феврония, своим происхождением размывающая, но не уничтожающая княжеские традиции, вклиниваясь в непогрешимость и чистоту княжеского рода. Заметим, что этот своего рода компромисс, произошедший, с одной стороны, между князем Петром и простолюдиной, дочерью древолазца Февронией, с другой – между княжеской и общинной властями, приводит к благостному для населения Мурома «от мала до велика» конечному развитию событий – в городе становится спокойнее. Князь Пётр не только сам вылечивается от болезни, но и «вылечивает» общество.

Однако возвратимся к методу излечения Петра. Лечение болезней в Древней Руси, как правило, сопровождалось соответствующими молитвами, поскольку сама болезнь определялась как наказание Божье за грехи. Были даже составлены церковные Требники, содержащие молитвы для лечения от разных болезней.⁶⁴ Существовала молитва, а вместе с ней и способ лечения, и заражённому от змея (змеи) она лишь отдалённо напоминает манипуляции Февронии: «От змии угрызённому человеку. Възем сосуд чист и влеи воду чисту, и молитву сию рек над водою и напои вреженыи, и ты сътвори поведавшему и напои его, и помажи ему, како то бы створил вреженому. Исцеляет вреженныи. Аминь».⁶⁵ Отметим, что основными компонентами, излечивавшими «вреженного», были вода и молитва.

Вместе с книжными врачевальными молитвами в Древней Руси существовали и народные заговоры, и способы лечения, отражающие языческие воззрения. Вероятно, к таким и следует отнести врачевание Петра Февронией. А саму героиню Повести можно с определённой степенью осторожности считать «ведуньей». Может быть, не случайно в рязанских вариантах сказок о Петре и Февронии сохранились (или определились в более понятных народу формах) устойчивые неприязненные отношения Февронии и местных жителей, связанные с её врачевательной практикой. Видимо, подобная деятельность всегда вызывала у народа во все времена двойкие чувства: с одной стороны, уважение – «... лечит от всех болезней», с другой, исходя

⁶³ Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. С. 253.

⁶⁴ Каган-Тарановская М. Д. Древнерусские врачевальные молитвы от укуса змеи // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993. С. 287.

⁶⁵ Там же. С. 289.

из неординарности поведения и вследствие этого непонятности – отрицательные эмоции – «начал народ над ней смеяться» или «народ смеялся, не давал покою». Февронию (в некоторых вариантах – Хавронью) называют дурочкой. Впрочем, Феврония отвечала взаимностью: «Будь эта деревня вечно проклята!»⁶⁶

Между тем в XII–XIII вв. травами («зелием») лечили не только знахари, но и монастырские «лечцы». Известен пример Агапита – киевлянина, исцелявшего братию травами («яже варяше зелие»), за что тот и получил прозвище «Лечец». Тем не менее пациент инока Агапита вылечивался не только фитотерапией, а «здравъ бываше болный молитвою его (Агапита – М.К.) ...». «Лечец» молил Бога за больного «непрестанно, дондеже Господь здравие подасть болящему».⁶⁷ Однако входящие в монастырскую иерархию лекари, как и княжеские придворные врачи, имели своеобразный официальный статус.⁶⁸ А определить настоящих лекарей, упомянутых во второй статье «Русской Правды»,⁶⁹ от знахарей должна была церковь.

В юрисдикции церкви находились правонарушения, связанные с проявлениями язычества. В Уставе князя Владимира выделялись «ведство» (колдовство), «зелье» (приготовление лекарств и приворотных растворов).⁷⁰ Интересна в этом отношении позиция Пространной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах, продемонстрированная в статье 38: «Аще жена будеть чародеица, наузница, или волхва, или зелейница, муж, доличив, казнить ю, а не лишиться».⁷¹ Обращает на себя внимание отсутствие указания на штраф в пользу митрополита, то есть обнаружение в семье чародейства не считалось достойным того, чтобы выноситься на суд «из избы».

Вместе с тем необходимо отметить, что женщины, так или иначе связанные с колдовством и чародейством, на Руси были. По крайней мере, летописи не умалчивают «жен бесовских». Достаточно вспомнить ритуальную расправу волхвов в Ростовской земле в 1071 г. над «лучшими жёнами», подозреваемых в пагубном влиянии на урожай.⁷² Или размышления летописца о язычестве: «Паче же женами бесовьская влшвения бывають. ...Мьного вълхвуют жены чародейством и отравою и инеми бесовьскими къзньми».⁷³ Собственно, сам же летописец и поясняет причину распространения вы-

⁶⁶ Соколова В. К. Рязанские варианты сказки о Петре и Февронии // Учёные записки Рязанского государственного педагогического института. Вопросы литературы и методики её преподавания. Рязань. 1970. С. 252–253.

⁶⁷ Киево-Печерський патерик. Києві, 1930. С. 129.

⁶⁸ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 104.

⁶⁹ Русская Правда. Краткая редакция // Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984. С. 47.

⁷⁰ Устав князя Владимира // Российское законодательство X–XX веков. С. 140, 145. См. также ст. 11 Смоленских уставных грамот. Там же. С. 215.

⁷¹ Устав князя Ярослава // Российское законодательство X–XX веков. С. 191, 203.

⁷² ПВЛ. Ч. I. С. 317–319.

⁷³ Шахматов А. А. Повесть временных лет. С. 228.

шеназванных занятий у древнерусских женщин: «Особливо через женщин бесовские волхования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же – мужчину».⁷⁴ Б. А. Рыбаков, исследуя язычество Древней Руси, пришёл к выводу, опираясь на поздние этнографические исследования, что первобытная фармакология была делом наследственным и далёкие праматери «богомерзких баб» XVII в. и знахарок XIX в. входили в состав того, что можно условно назвать «сословием жрецов» в Древней Руси.⁷⁵

Мы не ставим целью дополнить список «богомерзких баб» Древней Руси Февронией из «Повести о Петре и Февронии», а стремимся показать, с одной стороны, существование женщин-чародеек в названное время, с другой стороны – относительную безнаказанность их действий («вълхваний») прежде всего церковью. Итак, церковная судебная практика была вполне лояльна в отношении доморощенных знахарей, чародеев и т. д. постольку, поскольку церковь чувствовала себя неуверенной в Древней Руси.

О подобном к себе отношении в XVI в. «ведуны» могли только мечтать. В самом начале XVII в. состоялся один из самых громких колдовских процессов, инициированный казначеем Бартеневым, служившим у боярина А. Н. Романова. Бартенева донёс царю, что его господин хранит в казне волшебные коренья, с помощью которых намерен извести Бориса Годунова. В процессе ареста был найден какой-то мешок с кореньями, фигурировавший в качестве основной улики. Преступление грозило оказаться самым тяжким по своему составу, но Романов отделался ссылкой. Приставы, сопровождавшие опальных, говорили: «Вы, злодеи – изменники, хотели достать царство ведовством и кореньем!»⁷⁶ Допускаем, что коренья – всего лишь повод для удаления Романовых, но сам факт суда за «травы» вкупе с обвинениями в «ведовстве» говорит об отношении официальных властей к подобным языческим мероприятиям.

Соумирание жены с мужем по происхождению и по существу – обряд тоже языческий, архаичный, воспринимавшийся языческими народами как вторичное вступление в брак через смерть.⁷⁷ Ещё в V–X вв. вступление девушки в брак означало для неё и обязанность умереть вместе с мужем даже в случае его ранней смерти.⁷⁸ Уход на «тот свет» супружеских пар в средневековье, происходивший с обоюдного согласия, расценивается Н. Н. Ерёминой как яркий рудимент устойчивых языческих ритуалов.⁷⁹ В «Повести о Петре и Февронии» данным обрядом заканчивается сюжетное повествование. И, ви-

⁷⁴ ПВЛ. С. 219.

⁷⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 303.

⁷⁶ Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 26.

⁷⁷ Ерёмина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 166.

⁷⁸ Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 236.

⁷⁹ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 100.

димо, перед Ермолаем-Еразмом стоял непростой выбор в деле написания финала своего произведения.

Дело в том, что соумирание («...умолиша бога, да во един час будет преставление ею...») и захоронение вместе («...и совет сотвориша, да будет положена оба въ едином гробе...») явно противоречат правилам веры христовой, его заповедям. Ссылаясь на того же Ермолая-Еразма, А. Л. Юрганов справедливо замечает, что «не признавая Христовых заповедей нельзя войти в Царство Небесное, даже если человек совершает добрые дела» и во имя любви друг к другу.⁸⁰ В «Повести о Петре и Февронии» и Пётр, и Феврония нарушают церковные правила.⁸¹ Попытки исправить их действия предпринимают «людие» Мурома: «...преложиша я во особняа гробы и паки разнесоша»: Петра в церковь Богородицы, а Февронию в церковь Воздвижения. Тем не менее «...на утрии обретошася святии въ едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святем их телесем и положиша я в едином гробе, в нём же сами повелеста, у соборныа церкви Рождества пресвятыа Богородица внутрь града...»⁸² И в сюжетной канве «Повести о Петре и Февронии», и в миропонимании Ермолая-Еразма победила идея всеобъемлющей любви друг к другу, выраженная ещё им и в «Слове о разсуждении любви и правды и о побеждении вражде и лже».⁸³ Вышеназванная идея наиболее ярко и пафосно звучит именно в «языческом» варианте «Повести о Петре и Февронии» и намного проиграла бы в её христианском, правильном варианте. Вероятно, автор это прекрасно понимал и сделал свой выбор.

При официальном осуждении всякого рода чародейства как языческого мировоззрения последнее вполне уживалось в период XI–XIII вв. на территориях Древней Руси, не было чем-то из ряда вон выходящим явлением и не каралось строго. Мы связываем это с общим для всей Руси процессом приспособления христианства к языческим верованиям, своеобразную вынужденную терпимость к «языкам», исходящую из ряда объективных причин.⁸⁴ С другой стороны, можно акцентировать внимание на том, что вместе с усилением церкви, с изменением к ней отношения государственных структур и великого князя идёт тенденция на ужесточение мер против всяческого проявления язычества, провозглашавшихся во имя чистоты православия. XVI век становится в этом плане одним из судьбоносных.

Одним из главных лиц церковной реформаторской деятельности названного века становится митрополит Макарий, широкоизвестный не только

⁸⁰ Юрганов А. Л. Ермолай-Еразм: поэтика любви, правды и верности // Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 57.

⁸¹ Вариант христианского соумирания встречается в летописях достаточно часто. В 1218 г. после смерти Константина Всеволодовича его жена «пострижеся над гробом мужа своего и нарекоша имя ей Агафья» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 444).

⁸² Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 222.

⁸³ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 318–319.

⁸⁴ Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 252–254. См. также гл. I настоящей работы.

своим противостоянием с еретическими направлениями в церковной идеологии, но и борьбой с языческим прошлым. Ещё будучи новгородским архиепископом с помощью миссионеров иеромонахов Ильи и Феодорита Макарий способствовал распространению христианства среди карело-финского населения северных окраин Руси и в этой связи развил довольно бурную деятельность по искоренению языческих требищ и обрядов.⁸⁵ Перебравшись в Москву и заняв митрополичью кафедру, Макарий не прекратил борьбу за упрочение нравственного влияния церкви на общество. Для этого духовному сословию, с его точки зрения, предстояло очистить себя, а также всё общество и от «языческой скверны». В этой связи созданный Макарием Стоглавый собор выразил крайнюю нетерпимость в отношении народных празднеств и обрядов, в которых «отцы церкви» усмотрели грех язычества, и решительно осудил всякого рода «бесовские» игрища, скоморошья представления, «ведовство», «обавничество» (чародейство, предсказательство) и т. д. Православным христианам запрещалось к «волхвом ходити» и «прочих неподобных дел творити». Не внявших решениям Собора «от церкви всячески всюду да ижденутся, о волсвех же и о обавницах реша богоноснии отцы и церковнии училии».⁸⁶ Причем, что необходимо отметить, реализация постановлений не заставила себя долго ждать. Вскоре после Собора начинаются гонения на скоморохов, волхвов, баб-ворожей.⁸⁷

Можно заключить, что было бы не совсем логичным со стороны Макария на фоне антиязыческой кампании, при цензорской проверке текстов житий, призванных быть в составе Великих Миней Четий, признать за «Житием благоверных Петра и Февронии муромских», содержащим описание языческих *ненаказанных* действий, языческого мировоззрения и неизжитых мифологических, далёких от официального христианства представлений право быть в составе агиографической серии.

«Повесть о Петре и Февронии» как историческое предание

Уясняя нежитийность «Повести о Петре и Февронии», можно, тем не менее, поражаться её жанровой возможности. Дело в том, что жанр повести до сих пор точно не установлен. Выше мы уже говорили, что «Повесть о Петре и Февронии» определяли и как поэму богословско-дидактического смысла, и как средневековую литературную притчу, и как легендарное житие.

⁸⁵ Дробленкова В. Ф. Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л–Я. Л., 1989. С. 78.

⁸⁶ Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Российского централизованного государства. Т. 2. С. 369.

⁸⁷ Бочкарёв В. Стоглав и история собора 1551 г. Юхнов. 1906. С. 138.

Р. П. Дмитриева показала важность повести как новеллистической сказки.⁸⁸ Видимо, вышеназванная сложность определения жанра возникает из особенности и неповторимости самой «Повести о Петре и Февронии», о которой говорили многие исследователи. Она в русской литературе, как и творчество Андрея Рублёва в иконописи, единична.⁸⁹ Тем не менее, не умаляя достоинств повести в названных жанрах, мы усматриваем в ней историческую основу, генетически идущую, в нашем представлении, из раннего исторического предания, базировавшегося, в свою очередь, на бродячих мифологических мотивах змеборчества и сказочных – о мудрой девице.⁹⁰

Исконные фольклорные формы (сказки, былины, песни ...) не всегда были непосредственным материалом для писателя Древней Руси. Между ним и народным творчеством роль связующего звена могли исполнить предание, устная или рукописная легенда. По-видимому, странствующие мотивы в устной традиции объединились в законченное сказание. Сверхъестественные герои заменились конкретными людьми, а сказание в народной памяти было приурочено к Мурому, что характерно для исторического предания. «Циклом исторических преданий, в устном бытовании осложнённых и расцвеченных традиционно фольклорными, в основном сказочными сюжетами и мотивами», – называет «Повесть о Петре и Февронии» С. К. Росовецкий.⁹¹ По многим критериям, разработанным В. К. Соколовой,⁹² «Повесть о Петре и Февронии» может быть атрибутирована как историческое предание.

Устойчиво, что и естественно, неоднократно упоминание в тексте города Муром («град Муром»), как центрального, но не единственного, места происходящих в повести событий. Имеет место и более точная локализация, привязка к месту: «бъше бо под градом тем река, глаголемая Ока»; «по преставлении же ... хотеста людие, яко да положен будет блаженный князь Пётр внутрь града у соборныя церкви пречистыя Богородицы, Феврония же вне града в женстем монастыри у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста». Расширение географии повести происходит упоминанием соседней с Муромской Рязанской земли («мнози суть врачеве в пределах

⁸⁸ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 6–34. Близок к её позиции и А. А. Шайкин: Шайкин А. А. Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии муромских». С. 22.

⁸⁹ Такое сравнение Д. С. Лихачёв делает исходя из хронологического определения «Повести о Петре и Февронии» как произведения XV в.: Лихачёв Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого. Л., М., 1962. С. 80.

⁹⁰ Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии в её отношении к русской сказке. С. 138; Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 12; Ситовский В. В. История Русской словесности. Ч. I. Вып. I. СПб., 1912. С. 116.

⁹¹ Росовецкий С. К. Формирование повествовательных жанров в русской литературе XVI–XVII вв. («Повесть о Петре и Февронии» и связанные с нею произведения). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филол. наук. Л., 1977. С. 8–9.

⁹² Соколова В. К. Русские исторические предания. С. 252–272.

Рязаньские земли»; «привезён (Пётр – М. К.) же бысть в пределы Рязанския земли»). И в Рязанской земле видим более конкретную привязку: «един же от предстоящих ему (Петру – М. К.) юноша уклонися в весь, нарицающуюся Ласково». Мы видим не случайный, не фантастический, но реальный подбор географических названий пунктов, расположенных в относительной близости друг от друга и дающих возможность видеть их местом, где могли разворачиваться сюжетные страсти «Повести о Петре и Февронии».

Основные действующие герои повести – существовавшие реальные лица (см. выше), ставшие популярными в Муромо-Рязанской земле. Легенды о них бытуют до настоящего времени, передаваясь из поколения в поколение.⁹³ Места, приписываемые их посещению, стали местом поклонения и паломничества.⁹⁴ «Повесть о Петре и Февронии» рассказывает нам о законченных и неповторимых событиях, происходивших в далёком прошлом, сама повесть вошла в сокровищницу русской средневековой литературы. Действительность изображается реально в основном, рассмотрение социально-политического фона привело нас в эпоху становления волостных территорий конца XII–начала XIII вв. Центральным конфликтом, несущим в себе социально-политический подтекст, основой сюжета повести, по нашему мнению, является изгнание и призвание князя Петра и его супруги и связанные с этим нюансы. Действующие лица (князь и княгиня, боярство, жители города) показаны именно в социально-политическом аспекте. Через частное конкретное событие (изгнание – призвание князя) мы можем иметь представление, сопоставляя с данными других письменных источников, с этнографическими материалами, об эпохе, в которой могли происходить вышеназванные события.

Действительность происходившего по тексту «Повести о Петре и Февронии» подтверждается не только географическими названиями, встречающимися в повести, но и своеобразной краткой исторической справкой (по крайней мере, по форме), с которой и начинается повествование («Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром. В нём же бе самодержьствуяи благоверный князь ... именем Павел»). В текст, составленный на основе предания, вкрались конкретные, детальные описания некоторых сцен так, как они должны были происходить в представлении народном. Например, в изложении невыполнимых заданий Петра для Февронии, и наоборот. «Нуд-

⁹³ Некоторые исследователи считают, что это не основание утверждать о бытовании легенды до написания «Повести о Петре и Февронии» Ермолаем Еразмом, а существующие легенды могли стать устной традицией после написания указанной повести (См. напр. *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 205–206).

⁹⁴ Более подробно места поклонения, святыни Мурома описаны местным краеведом А. А. Епанчиным (*Епанчин А. А.* Забытые святыне и святыни Мурома // Муромский сборник. Муром, 1993. С. 87–89).

новатость» сцен в повести заметил А. С. Дёмин, но приписывал их перу Ермолая-Еразма.⁹⁵

В большинстве преданий присутствует сюжетный вымысел, не мешающий в целом разворачивающимся событиям.⁹⁶ «Повесть о Петре и Февронии» не является исключением в этом ряду. В ней используются древние фантастические мотивы – о мудрой деве и о летающем огненном змее. Герои наделяются чудесными свойствами. Пётр с Агриковым мечом убивает Змея, что никто не может сделать, дочь древолазца Феврония излечивает Петра, отчаявшегося видеть себя в полном здравии. Став женой князя, она совершает ряд чудес: окропленные водой из её рук «древца малы», использованные для приготовления пищи утром становятся гигантскими деревьями и др. Вымысел, вносящийся, как правило, «общими», «бродячими» сюжетами, сделал предание устоявшимся художественным произведением (вероятно, до записанного – житийного – варианта), прикрепленным к определённому месту – Мурому.

В «Повести о Петре и Февронии», несмотря на житийную форму изложения, используется приём рассказа, призванный убедить слушателя (читателя) в том, что всё рассказанное (написанное) является правдой, что именно так и было. А в доказательство приводятся указание на легендарное, но не придуманное автором прошлое описываемого. В тексте повести мы видим оговорки Ермолая-Еразма в духе «яко поведаху» в начале повествования, «да помянете же и мене прегрешного, списавшего сие, елико слышах, неведыи, ащи инии суть написали ведуще выше мене» – в конце повести.⁹⁷ Последнее обстоятельство, характерное для творчества Ермолая-Еразма вообще, позволяет нам с большей уверенностью отмечать, что «Повесть о Петре и Февронии» имеет не искусственную авторскую природу, а черты незначительно переработанного исторического предания.

Уяснение времени действия в «Повести о Петре и Февронии» обычно решалось прикреплением имени Петра определённому лицу. Отождествление Петра и Давида устойчиво в церковных кругах русской церкви с XVI в. до настоящего времени.⁹⁸ Большинство историков XIX в. утверждало, что князь «Повести о Петре и Февронии» – летописный Давид Юрьевич, княживший в Муроме в начале XIII в.⁹⁹ Против этого утверждения выступил Н. Д. Квашнин-Самарин, «переносивший» князя повести в начало XIV в.¹⁰⁰

⁹⁵ Дёмин А. С. «Имение»: социально-имущественные темы древнерусской литературы // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 37.

⁹⁶ Данное обстоятельство общепринято. См. напр.: Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности // Славянский фольклор. М., 1965. С. 32.

⁹⁷ Дмитриева Р. Н. Повесть о Петре и Февронии. С. 222.

⁹⁸ Словарь исторический о русских святых. М., 1990. С. 196.

⁹⁹ Дореволюционную библиографию вопроса см.: Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии в её отношении к русской сказке. С. 133.

¹⁰⁰ Квашнин-Самарин Н. Д. О князьях муромских, причтенных к лику святых // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10–20 августа.

М. О. Скрипиль обстоятельно рассмотрел данный вопрос и поддержал мнение Н. Д. Квашнина-Самарина.¹⁰¹ Но ни Н. Д. Квашнин-Самарин, ни М. О. Скрипиль не смогли поколебать господствующую точку зрения о князе Петре «Повести о Петре и Февронии» как летописном Давиде Юрьевиче, умершем в 1227 г.¹⁰²

Историзм «Повести о Петре и Февронии» признается, хотя и в разной степени, многими исследователями.¹⁰³ В тексте Повести видят исторические реалии эпохи Ивана Грозного.¹⁰⁴ Идеи демократизма Повести связывали с последующим крестьянским движением.¹⁰⁵ Особый интерес представляют наблюдения А. Л. Монгайта, который довольно широко оценил ее сведения по истории «внутреннего быта», в частности относительно борьбы князя с сильной боярской партией. «Впрочем, нельзя установить, – пишет он, – отражает ли картина борьбы князя с боярской партией подлинные отношения в Северо-Восточной Руси в раннее время, или же лишь антибоярские тенденции современника Ивана Грозного».¹⁰⁶ Нам представляется, что в «Повести о Петре и Февронии» изображена не столько борьба князя с оппозицией, сколько дана картина социально-политического волостного устройства Мурома конца XI–начала XIII в.¹⁰⁷

Тверь, 1906. С. 317. – Его точку зрения оспорил Н. Н. Травчетов, доказывая тождество князя «Повести о Петре и Февронии» и летописного Давида // *Травчетов Н. П.* Кого из муромских князей следует понимать под именем «св. благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромского чудотворца?» Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20–26 июня 1906 г. Владимир, 1909. С. 1–17.

¹⁰¹ *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии в её отношении к русской сказке. С. 131–140.

¹⁰² С. К. Росовецкий пришёл к выводу о наибольшей достоверности традиционного отождествления Петра – Давида, отмечая совпадения характеристики Петра Повести и деятельности князя Давида летописей. – См.: *Росовецкий С. К.* Формирование повествовательных жанров в русской литературе XVI–XVII вв. («Повесть о Петре и Февронии» и связанные с нею произведения). С. 9.

¹⁰³ *Кусков В. В.* История древнерусской литературы. М., 1977. С. 150; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 47; *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии в её отношении к русской сказке. С. 132–140. Лишает признаков историчности «Повесть о Петре и Февронии» М. Б. Плюханова: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 210.

¹⁰⁴ *Переверзев В. Ф.* Литература Древней Руси. С. 146.

¹⁰⁵ *Клибанов А. И.* Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли // *ИЗ. М.*, 1959. № 65. С. 307–310.

¹⁰⁶ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. С. 15, 16.

¹⁰⁷ О проблеме городов-государств на Руси см.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь (очерки социально-политической истории). Л., 1980. С. 216–243; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

¹⁰⁸ Не находил в тексте «отпечатка московского периода XV–XVI вв. П. В. Владимиров, считая, что тот восходит к XIII в. (*Владимиров П. В.* Введение в историю русской словесности. Киев, 1896. С. 145).

Структура политической власти земель названной эпохи состояла из народного собрания – веча, являвшегося верховным органом власти, верховного правителя – князя, избиравшегося вечем и выполнявшего предначертанные и вверенные ему вечем ряд функций и совета знати.¹⁰⁹

Распоряжение княжеским столом

Наряду с вопросами войны и мира и другими, повсеместно в ведение веча Древней Руси входило распоряжение княжеским столом. Муромо-Рязанская земля не является здесь исключением. Первое упоминание об этом в летописях относится к 1095 г. Пока тщеславный Олег Святославич выяснял отношения со Святополком и Владимиром Ярославичами, в Муроме появился Изяслав Владимирович, и муромцы посчитали правильным принять его на княжение, заточив, вместе с тем, посадника Олега. Год спустя, Олег приходит к Мурому. В состоявшейся перед городом битве Изяслав погибает, а муромцы, оставшись, таким образом, без князя, принимают Олега, с которым, быть может, «познакомились» впервые. В 1177 г. рязанцы собственноручно выдают владимирскому князю Всеволоду Ярополка Ростиславича¹¹⁰ – подельника рязанского князя Глеба, предварительно отказавшись от него, как это сделали и другие рязанские города. Неприкаянный Ярослав, убежав из Рязани, по мнению Никоновской летописи, «прехожаше от града во град».¹¹¹

В Пронске накануне трагических для города событий 1207 г., жители «пояша к себе Изяслава Володимерича» взамен испугавшегося Кир-Михаила, удалившегося в Чернигов.¹¹² А после взятия Пронска и марша войск Всеволода к Рязани рязанцы, учитывая ситуацию, сочли возможным отослать к всемогущему соседу «остаток князии и со княгинями». Через год те же рязанцы вынуждены были («лесть имуще») целовать крест Ярославу Всеволодовичу, а поскольку это было не совсем по их воле, то данный союз продержался недолго.¹¹³ Как заметил В. Н. Татищев, «рязанцы недолго были в покое». Скорее всего, покоя как раз у них и не было. Нежелающие владимирского диктата рязанцы, решили избавиться от навязанного князя, передав его в качестве пленника в оппозиционный Владимиру Чернигов.¹¹⁴ Только бдительность спасла сына Всеволода от расправы.

¹⁰⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь (очерки социально-политической истории.) С. 184.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229, 237, 385.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. X. С. 5.

¹¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 431.

¹¹³ Там же. Стб. 433–434.

¹¹⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М., Л., 1964. С. 182. По Никоновской летописи рязанцы стремились передать Ярослава в Пронск Глебу Владимировичу. Возможно, именно он рассматривался рязанцами в качестве кандидата на княжеский стол в Рязани. Его властные амбиции впоследствии нашли своё отражение в 1217 г. на братоубийственном пиру в Исадах. (ПСРЛ. Т. X. С. 59, 77–78).

Итак, летописные материалы по Муромо-Рязанской земле хотя и не в значительной степени, но позволяют судить о распоряжении общины княжеским столом. Именно эта функция изображена в «Повести о Петре и Февронии»: князя Петра сначала изгоняют, потом призывают.

Изгнали князя Петра вместе с супругой – Февронией (что достаточно обычно и понятно психологии жителей того времени). Иногда среди летописных событий проскальзывают упоминания о подобных происшествиях. Так, в 1160 г. новгородцы, усмотревшие в действиях своего князя Святослава Ростиславича киевское влияние, отправили его в своеобразную ссылку – в Ладогу, а жену его – в монастырь святой Варвары.¹¹⁵ Прагматичные рязанцы в уже упомянутом эпизоде 1207 г. князей выпроваживают вместе с княгинями.

Не рассматривая причин произошедшего, отметим, что зачастую жители в Древней Руси вмешивались в личную жизнь князей, участвуя в выборе им достойных спутниц жизни. Достойных, вероятно, в большей степени общины, поскольку в числе других обстоятельств и это играло роль в поддержании авторитетности власти определённого региона в сравнении с другими волостями. Нельзя исключать и того, что браки князей несли в себе ещё и своеобразную дипломатическую миссию, сопряжённую с вопросами войны и мира, то есть тех вопросов, которые входили в компетенцию веча волостей Древней Руси. Вероятно, руководствуясь аналогичными соображениями, «ожениша Новгородци Мстислава Гюргевича и пояша за нь Петровну Михалковича» в 1155 г. Характерно, что составитель Лаврентьевской летописи перед вышеприведённой фразой приводит и другую, в которой сказано, что Юрий Долгорукий тоже «ожени» сына своего Глеба в Руси.¹¹⁶ Но в первом случае роль сватов выполняли новгородцы, а во втором – сам Юрий. Не лишены были тщеславия или простого расчёта и муромцы в 1124 г., «приведоша ляховицю Мюрому» для своего князя Всеволода Давыдовича.¹¹⁷

В русле отношений князя и веча, регулирующихся традиционным рядом–договором между ними,¹¹⁸ вопросы княжеского брака, видимо, были весьма тонкими и деликатными. Но иногда горожане вмешивались в разрешение и семейных конфликтов, тем более, если они могли влиять на политическую стабильность региона. Возможно, поэтому на личные отношения, например киевского князя Святополка Изяславича, окружение смотрело довольно ревностно. Дело в том, что, со слов В. Н. Татищева, он «наложницу свою поял в жену и так её любил, что без слёз на малое время разлучиться не мог и много ея слушал, от князей терпел поношение, а часто и вред ...»¹¹⁹

¹¹⁵ НПЛ. С. 30–31.

¹¹⁶ ПСРЛ. Стб. 346.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. II. С. 207; ПСРЛ. Т. XXV. С. 29.

¹¹⁸ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 43.

¹¹⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. II. С. 128.

Можно предположить, что не известная для нас красота любовницы-жены сыграла роль таких отношений князей, а то, что он «много её слушал», да, видимо, и в жёны взял без известного участия набирающей политические обороты общины. Разумеется, абсурдно думать, что причиной событий¹²⁰ в Киеве в 1113 г. послужило поведение князя в личных делах, но свою лепту в народный гнев киевлян внесло и оно.

После смерти киевского князя вдова выказывает киевлянам несказанную щедрость, о чем лучше всего повествует летописец: «Княгини же его, много раздели богатство монастырем и попом, и убогим, яко дивитися всем человеком, яко такое милости никтоже может створити».¹²¹ Не отрицая норм обычного права общины на имущество князя после его смерти или отставки, причину щедрости княгини можно видеть, в том числе, и в непрочности её положения, с одной стороны, а также в неприязни к ней не только княжеского окружения, но и киевлян в целом, с другой.¹²²

Уместно вспомнить события сюжета «Повести о Петре и Февронии», где бояре, а впоследствии в тексте и «весь град» «не любяху» её. То есть присутствует мотив недоверия горожан к супруге своего князя. Возможная неприязнь кроется, в числе других, в более чем самостоятельном решении князя прекратить холостой образ жизни. Ни горожане, ни «бояре» не принимали участия в консультациях по данному поводу и, как следствие, возникла дисгармония их отношений. Выход из создавшегося положения боярский совет, в конечном итоге, видит в изгнании не только княгини, но и князя.

Кстати сказать, экс-княжеская чета отправляется из Мурома, не отягощённая богатством – всё остаётся в городе.¹²³ В этом видится упомянутое право общины на имущество князя или на его перераспределение согласно первобытной психологии, поскольку и сам князь являлся частью общинной структуры власти, а его «добро» – частью недвижимости или движимости коллективной собственности.¹²⁴ Всё что им разрешено было взять с собой в современном звучании, выглядит весьма символично – «рухло». В скорбном восклицании Петра «Како будет, понеже волею самодержьства гонзнув?»

¹²⁰ Причины событий в Киеве в 1113 г. были комплексные и копились они не один год. Подробнее об этом см.: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. М., СПб., 1995. С. 196–254.

¹²¹ ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 275.

¹²² И. Я. Фроянов причину щедрости вдовы Святополка видит в алчности киевского князя во время его княжения. После же его смерти «милость» княгини должна была если не затмить у народа память о княжеском «несытовстве», то уж, во всяком случае, смягчить её. (*Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 205–206). Другой подход к рассматриваемой детали демонстрируют, например, В. В. Мавродин и М. Н. Тихомиров, считая княжескую щедрость простой милостыней (*Мавродин В. В.* Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 69–79; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 132).

¹²³ *Дмитриева Р. П.* Повесть о Петре и Февронии. С. 217–218.

¹²⁴ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 145.

слышится тревога о материальном достатке. Поэтому не случайно Феврония, успокаивая Петра, говорит: «Не скорби, княже, милостивый бог творец и промысленник всему, не оставит нас в низшете быти!»¹²⁵

Итак, во многом нежелательные для Петра события произошли из-за Февронии. Канва «Повести о Петре и Февронии» построена так, что Пётр не является самостоятельным персонажем. В сравнении с ним, Феврония мудра, проницательна и сильна духом. Не он, а она стоит во главе семьи, если их брак можно таковым считать, и именно Феврония даёт советы и принимает решения, возможно аналогично Святополковой жене. Жёны князей в Древней Руси, так или иначе, могли влиять на развитие политических событий того или иного региона. Такова жена Романа Глебовича рязанского, заставившая мужа слушать себя в вопросе непростых братских отношений, сложившихся в Рязанской земле в 1187–1188 гг. Причём её позиция весьма чётко направлена против Всеволода Большое Гнездо «по некоей её тайной злобе на Всеволода».¹²⁶

Вмешательством княгини Ольги в политические дела как мужа Ярослава Осмомысла, так и галичской общины можно объяснить развитие событий в Галицкой земле в 1173 г. Ипатьевская летопись сообщает: «Выбеже княгини из Галича в Ляхи сыномъ с Володимером, и Кстытин Серославич и мнози бояре с нею быша тамо . . . и начаша ся слати к ней Святополк и ина дружина, вабяче ю опять, а князя ти имем». Закончилась эта история социальными волнениями в Галиче, сожжением любовницы Ярослава, а также формально восстановленным галичанами «семейным счастьем» княжеской четы.¹²⁷

Не вдаваясь в историографические вариации о причинах бегства княгини и о мотивах взрыва социального гнева в Галиче, приведённые И. Я. Фрояновым в монографии «Древняя Русь», согласимся с его выводами о том, что целью заговора было устранение князя Ярослава и замена его на сына Владимира.¹²⁸ Участие в данном действе бояр рассматривается многими историками неоднозначно.¹²⁹ Однако при видимой довлеющей роли городской

¹²⁵ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 219.

¹²⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 145.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564..

¹²⁸ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 559; об этом же пишет и Т. В. Беликова (Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство в Юго-Западной Руси в XI–начале XIII вв. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1990. С. 50).

¹²⁹ Бояр как основных участников мятежа 1173 г. против князя в Галиче рассматривали, например, Н. Дашкевич (Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873 г. С. 20–21), Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 514), Н. Ф. Котляр (Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 85). Бояр как составную часть событий наряду с галичанами видят С. С. Пашин (Пашин С. С. Галицкое боярство XII–XIII вв. // Вестник ЛГУ. 1985. № 23. С. 17.) и Т. В. Беликова (Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство в Юго-Западной Руси в XI–начале XIII вв. С. 49).

общины¹³⁰ бояре и «ины» вполне могли выступить в роли инициатора, некоего радикала. Вместе с тем создаётся впечатление, что бояре сами не могли предсказать ход событий и надеялись только на «волю всевышнего», чем и может объясняться их вынужденное восьмимесячное сидение в Польше.

Интересными в данном материале представляются следующие обстоятельства. Семейный конфликт в стане Ярослава Осмомысла (увлечение любовницей Настаской) стал катализатором, своеобразным поводом для дальнейших событий, ускоренных бегством княгини с сыном, а не единственной причиной.¹³¹ Этими событиями старались воспользоваться многие из бояр, исходя, видимо, из своих интересов, главный из которых заключался в смене князя. Поведение галичан свидетельствует о том, что именно они наряду с другими причинами возмущаются поведением князя, арестовывают его, перебив многих его соратников и охрану, и заставляют его «целовать крест» и жить с женой «как надлежит, но за страх от народа, а не от любви искренней», как подытожил В. Н. Татищев.¹³² Галичане, исходя из летописного материала, с одной стороны, по существу распоряжаются, личной судьбой князя, корректируя моральный облик Ярослава столь неординарным способом, с другой стороны, не дают возможности использовать себя для замены их князя.

Сравнивая умозрительно приведённый эпизод летописи и «Повесть о Петре и Февронии», можно заключить, что если в Галиче замысел с устранением князя не был доведён до логического завершения, то в Муроме, по крайней мере временно, Петра удалось изгнать из города. Но и в том и в другом случае поводом для княжеского остракизма являлись действия их жён. Бегство княгини Ольги из Галича, спланированное или стихийное, явилось поводом для тех событий, которые могли повлечь изгнание князя, что было бы желательно для одной из боярских группировок. Для расставания с Петром в Муроме оказалось достаточно недоверия («княгини же его (князя Петра – М.К.) Февронии бояре его не любяху», «княгини Февронии не хоцем») к его супруге, что и стало поводом для этого. В изображении Ермолая-Еразма боярам «враг бо наполни их мыслей, яко аще не будет князь Пётр, да поставят себе инаго самодержьцем...»¹³³ Как видим, цель заговоров в обоих случаях одна. Любопытно, что историк русской словесности П. В. Владимиров сравнивал действия бояр в Муроме «Повести о Петре и Февронии» с действиями галичского боярства.¹³⁴

И другой фактор сближает позиции летописи и повести: главным действующим персонажем в обоих случаях выступает городская община. Как

¹³⁰ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 560.

¹³¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 365; Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 546.

¹³² Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 97.

¹³³ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 218.

¹³⁴ Владимиров П. В. Введение в историю Русской словесности. С. 146.

в Галиче, в Муроме апелляция бояр к мнению горожан («весь град и боляре») является решающим аргументом в пользу принятия решения об изгнании и о возвращении («ото всего града приидохом к тебе (князю Петру – М.К.)», «вси (бояре – М.К.) со всем народом молит тя»).

О некоторых чертах боярства

М. П. Погодин, изучая боярство Древней Руси по их именам, пришёл к выводу, что о рязанских и муромских боярах очень мало известий.¹³⁵ Тем не менее упоминания о боярах в Муромо-Рязанской земле встречаются, хотя, действительно, фрагментарно. Но вписывая данные фрагменты в ткань концепции И. Я. Фроянова, можно определить функции и «местных» бояр, поскольку Муромо-Рязанская земля не выходила из ряда древнерусских территорий по каким-либо особенностям своего социально-политического развития, в том числе в отношении поведения боярского сословия. Между тем А. Л. Монгайт в Рязани отмечает слабость княжеской власти и, соответственно, довольно сильную боярскую партию.¹³⁶

Дифференциация боярского сословия на земское и дружинное прослеживается в Древней Руси, однако грани между ними весьма условные. Боярство предстаёт перед нами как лидеры, управляющие обществом, выполняющие тем самым общественно-полезные функции. Как правило, бояре находились «вблизи» князя, обнаруживая свою причастность к дружинному слою. Зачастую они и перемещались из волости в волость за своим князем. Объяснение этому кроется в том, что боярство состоявшее на вольной службе у князей, было связано с ними теснейшими нитями. Опальные князья не редкость на Руси, и они вынуждены были скитаться вместе с оставшимися верными им боярами. Столь тесное сотрудничество делало неизбежным традиционную совместную думу, восходящую из архаического времени единения князя с дружиной. Князь перед своими действиями должен был советоваться со своими спутниками, или бояре, с другой стороны, предопределяли поведение князя. Вышеперечисленные функции в действии часто встречаются в летописях по всей территории Древней Руси в XI–начале XIII вв.¹³⁷ Муромо-Рязанская земля здесь не исключение.

По Лаврентьевской летописи в 1177 г. после неудачного для Глеба рязанского сражения на р. Колокше, его противник Всеволод пленяет («и ту самого

¹³⁵ Погодин М. П. О наследственности древних санов в период времени от 1054 до 1240 года // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1876. Кн. 1. С. 197.

¹³⁶ А. Л. Монгайт под боярами подразумевает летописных «рязанцев», не допуская мысли, что рязанцы это всё население города – общины (Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 344–345).

¹³⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 80–83.

Глеба яша руками») не только его и его сына Романа с шурином Мстиславом Ярославичем, но и дружину, «думцев его», и «инех множество».¹³⁸ Впоследствии в событиях, связанных с прибытием победителей во Владимир, Лаврентьевская летопись «думцев» величает уже «вельможами».¹³⁹ Необходимо отметить, до пленения Глеба с его «думцами» – «вельможами» он вместе с ними осенью проделал путь от Рязани до Москвы, где «пожже город весь», вернулся в Рязань и после короткой передышки зимой отправился к Владимиру через Боголюбово. Преследуемый Всеволодом, Глеб «с войски» подошёл к Колокше, которая стала последней точкой его карьеры, его, но не следовавших с ним бояр, которые, возможно, не все были отпущены вместе с целовавшим крест Романом Глебовичем.¹⁴⁰ В 1208 г. уличённые в «лукавстве» рязанские князья¹⁴¹, возглавляемые Романом, по установившейся своеобразной традиции были «изыманы с своими думцами» по приказу Всеволода. Думцы сопровождали князей, отправившихся по зову того же Всеволода на Чернигов.¹⁴² Трагически погибли бояре, следовавшие за своими князьями на кровавый пир в Исады. Вместе с шестью князьями «прочих бояр и слуг бе щисла изби».¹⁴³

Образ бояр, как постоянных спутников князей, проник так глубоко в сознание современников, что в творчестве многих анонимных сочинителей превратился в своеобразный штамп, «общее место» для многих литературных памятников русского средневековья. Такой приём получил с лёгкой руки Д. С. Лихачёва название «этикетных формул». Широкое применение таких «общих мест» являлось известной особенностью литературы Древней Руси.¹⁴⁴ Так, вероятно, в «Житии Константина муромского с чады его Михаилом и Феодором» появилась этикетная формула, связавшая бояр и князя: «...и пришед князь с бояры своими...» Житийный князь Константин, направляясь в Муром, берёт с собой бояр, и во всех дальнейших перипетиях они оказываются всегда рядом.¹⁴⁵

¹³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 384; ПСРЛ. Т. 41. С. 108.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385. Вслед за Лаврентьевской летописью В. Н. Татищев пишет о пленённых «вельможах» (*Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 117*).

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 5.

¹⁴¹ Другая версия произошедшего содержится в Никоновской летописи: «Глеб и Олег, сии убо суть братаничи Роману и Святославу, и смысливше себе едини тайно с своими боары, и возклевеша на дядь своих...» (ПСРЛ. Т. X. С. 55). Схожую позицию демонстрирует В. Н. Татищев, подкрепляя версию о клевете на Романа и Святослава желанием Всеволода «Рязанской областью овладеть» (*Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 177–179*).

¹⁴² ПСРЛ. Т. I. Стб. 430–431.

¹⁴³ Там же. Стб. 441.

¹⁴⁴ Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 6.

¹⁴⁵ Памятники СРЛ. 230–235.

Бояре в качестве советников князей на страницах летописей, посвящённых событиям в Муромо-Рязанской земле, «встречаются» чаще. В 1186 г. «бысть крамола зла вельми в Рязани брат брата искаше и оубити».¹⁴⁶ В. Н. Татищев в каиновых событиях кроме князей вину возлагал и на разделившееся на две части боярство. Одни советовали Роману примириться, другие – «видя князя к тому склонна, советовали к войне, всяк в себе девять сил сказывал и, не видав никогда неприятеля, на печи сидя, мыслями побеждал».¹⁴⁷ Если довериться сведениям В. Н. Татищева, то мы имеем красноречивое описание дифференцированности боярского сословия. Вероятно, что те, кто «на печи сидя, мыслями побеждали» и есть земское, не дружинное боярство, или же это иллюстрация борьбы боярских партий. Как известно, боярство не отличалось сплочённостью.¹⁴⁸ Так или иначе, сторонники военных действий одержали верх. Начинается драматичная осада Пронска. Теперь уже пронские князья с горожанами попали в тяжёлое положение осаждённых. Когда оно стало критическим, Святослав «послушав бояр своих» отворил ворота Пронска рязанским войскам, спасая не только себя, бояр, но и пронян.¹⁴⁹ Вместе с тем бояр всеволодовых (тех, кто служил Всеволоду пронскому) «повязаша» и «ведоша в Рязань»¹⁵⁰, что свидетельствовало о верности и приверженности данных бояр Всеволоду – традиции дружинных времён, хотя иногда бояре покидали своего неудачливого князя.¹⁵¹ Пронские бояре пострадали в аналогичной ситуации и в 1207 г. – Всеволод не счёл нужным оставить их вместе с их имениями в родном городе.¹⁵² Видимо, за верность своему князю Роману Глебовичу, томящемуся во владимирском плену, пострадали вместе с другими рязанцами и рязанские бояре. В 1208 г. строптивых рязанцев Всеволод серьёзно наказывает: после сожжения Рязани и Белгорода он «поимь по собе все Рязанци и епископа их Арсения».¹⁵³ Кто имелся в виду под таинственными рязанцами проясняет В. Н. Татищев: «...винных бояр многих казнил смертию, других послал в заточение, взяв всё их имение», «войску велел оставшее во граде пограбить и весь град сжечь, а людей всех по своим градом развести», «... епископа Арсения и некоторых

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 400–401.

¹⁴⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 140.

¹⁴⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 85.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 402; ПСРЛ. Т. X. С. 15; ПСРЛ. 41. С. 117. У В. Н. Татищева инициатива совета с боярами исходит от Святослава: «Святослав учинил совет, созвав всех бояр, которые не хотя мало нужды претерпеть и не дав Всеволоду ведомости, забыв свою роту разсуждали в себе, что им всякой князь равен, кто бы ни владел, и еше более Роману, яко сильнейшему помогая, советовали Святославу помириться с братом (Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 141).

¹⁵⁰ ПСРЛ. I. Стб. 402–403.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 185.

¹⁵² Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 180.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.

бояр привёз с собою».¹⁵⁴ То есть под рязанцами имелись в виду все жители Рязани. За что так лютовал Всеволод Большое Гнездо? Не исключая наличия его стратегических замыслов «примучивания» соседней Рязани, можно определить повод для их осуществления. Дело в том, что накануне случившегося «рязанцы же леств имуще к нему, крест целоваша ко Всеволоду» и, как оказалось, «не управиша ж» и изимаша люди его¹⁵⁵ и исковаша, а инех в погребех засыпавше, измориша».¹⁵⁶ Итак, не приняли рязанцы и бояре рязанские Ярослава Всеволодовича, хотели от него избавиться, сохраняя верность Роману. О «постоянной преданности» рязанского боярства своим князьям писал Д. И. Иловайский.¹⁵⁷

С другой стороны, «изимание» бояр во всех случаях разрушает управленческую структуру противника, ослабляет его и является закономерным итогом соперничества земель, волостей, наряду с разрушением домов, храмов, разорением земель и т. д., то есть в этом прослеживается языческое начало.¹⁵⁸

Возвращаясь к совету бояр с князьями, обратимся к событиям 1207 г., но уже в Пронске. Кир-Михаил, оскорблённый агрессивностью Всеволода, «созвав бояр своих, со слезами великими им то объявил и требовал их совета, что ему делать»,¹⁵⁹ но, видимо, его не услышав, дал боярам свой совет, по сути, от них отрекшись: «нигде же убо заповеда Господь предавати нам самем себя в напасти, но аще своему гонять вас из града сего, бегайте в другой», а сам удалился в Киев.¹⁶⁰ Такая позиция князя, а также, видимо, непонравившийся келейный совет его с боярами в угрожающих условиях наступления грозных соседей, вынудила пронян принять кардинальное решение – сменить князя. Им стал Изяслав, который, в отличие от Кир-Михаила, был «любитель чести и правости, а притом и храбростию не оскудевал».¹⁶¹ Возможно, часть бояр тоже склонялась к этому. В братоубийственных событиях в Исадах замешаны некие «проклятые думцы», имевшие какое-то влияние на своих «окаянных» князей.¹⁶²

Таким образом, ещё одна черта, видимо, в большей степени присущая более стационарному земскому боярству, была заметна в XII–начале XIII вв. в действиях бояр: они нередко выступали инициаторами смены князей. «Пронский» пример не совсем удачен, чтобы раскрыть динамику этой функции, а вот центральный сюжет «Повести о Петре и Февронии» как нельзя лучше

¹⁵⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 182.

¹⁵⁵ В Никоновской летописи добавляются и бояре (ПСРЛ. Т. X. С. 59).

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.

¹⁵⁷ *Иловайский Д.* Рязанское княжество. С. 65.

¹⁵⁸ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 242

¹⁵⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 179.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 56.

¹⁶¹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 179.

¹⁶² ПСРЛ. Т. I. Стб. 441.

соответствует ей. «Злочестивые боляря», пытаясь найти слабые места у князя Петра, зондируют его по поводу отлучения княгини Февронии от власти. Пётр показывает своё безволие и тогда бояре «неистовии, наполнишесь безстудия, умыслиша, да учредят пир. И сотвориша. И егда же быша весели, начаша простирати безстудныя своя гласы, аки псы лающе...»¹⁶³ Разговоры бояр на пиру довели их до желаемого: княгиню и князя изгоняют. Повестийный пир может свидетельствовать о совете знати, собранном для окончательного вынесения вердикта, ранее подкреплённого мнением городских масс («весь град»).¹⁶⁴ Бояре нередко направляли активность вечников в нужное для себя русло, выступая на вече в роли общественных лидеров и оказывая заметное влияние на ход событий в Муромо-Рязанской земле.

Реалии в Муроме, предшествующие составлению «Повести о Петре и Февронии» могли развиваться и по сценарию близкому киевскому в 1146 г., когда киевские бояре «скупиша около себе Кияны и свещашася, како бы им узьймощи перельстити князя своего» Игоря.¹⁶⁵ В конечном итоге в Киеве Игоря извели, предпочтя Изяслава. Муромские бояре «Повести о Петре и Февронии» по аналогии с киевскими коллегами уговорили простых вечников изгнать князя Петра. Однако князя меж собой не нашли, и «весь народ» вынудил своих руководителей вернуть Петра. Это и понятно, так как «древнерусская знать не обладала необходимыми средствами для подчинения веча. Саботировать его решения она тоже была не в силах».¹⁶⁶

В первой редакции «Повести о Петре и Февронии» встречается такая фраза: «И посла к ней (Февронии – *М. К.*) ото отрок своих, глаголя; „Повеж ми девица, кто есть хотя меня уврачевати? Да уврачует ми и возьмет имения много”».¹⁶⁷ То есть Петр «отроков своих» послал спросить девицу, кто хочет вылечить его. Причем в позднейших редакциях слово «отроки» транспортируется в слово «слуги». Предание донесло в первичный авторский вариант действительно бытовавший в конце XII–начале XIII в. термин, который впоследствии, за неимением аналогии в практике, заменился словом «слуга», полностью отвечающий специфике этой социальной категории. Возможно,

¹⁶³ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 218.

¹⁶⁴ И. Я. Фроянов, ссылаясь на «Житие преподобного Феодосия Печерского», где показаны «велможи» Курска на «трапезе у властелина града», говорит, что пиры в Древней Руси функционировали и как советы знати (Фроянов И. Я. Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 72). Подобный подход можно применить и к «Повести» и тогда пир, сотворенный боярами – совет знати, собранный по поводу изгнания Февронии из Мурома: Не исключено присутствие на них простых людей. Тогда пир – завоевание доверия «граждан» знатью и склонение их на сторону бояр в вопросе изгнания Петра.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 325.

¹⁶⁶ Фроянов И. Я. Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 184..

¹⁶⁷ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 215.

мы наблюдаем здесь не просто переход из одного слова в другое, а отражение процесса превращения членов младшей дружины князя в княжеский двор.

Отроки встречаются еще в XIII в., но они все более и более становятся и военными, и домашними слугами князя, полностью зависящими от него. Взаимоотношения Петра с ними можно увидеть в «Повести о Петре и Февронии». Князь то и дело посылает «слуг», «юношей», «служаев» с какими-нибудь поручениями. Они исполняют их быстро, четко, передают всю информацию с подробностями и пр. Возможно, перед нами – младшая дружина, с которой у князя были более тесные связи, чем со старшей. На отроков можно было положиться в серьезном деле, ибо зависимость их от князя предвещала успех того дела. Вероятно, потому что это младшая дружина, в тексте фигурирует выражение: «И посла синклит свои весь врачей¹⁶⁸ искати». ¹⁶⁹ «Синклит» здесь употребляется в ироническом смысле Еромолаем-Еразмом. Если в Древней Греции «синклит» – собрание высших сановников, то вряд ли этим же понятием можно истолковать «синклит» «Повести о Петре и Февронии». Поскольку дружина уже в XII в. раскалывается на старшую и младшую,¹⁷⁰ то сохранение старых дружинных связей в XII в. свидетельствует о размытости классовых отношений.

Князь и бескняжье

Монах Еромолай-Еразм был человеком своего времени, и на его изображение Руси начала XIII в. легли черты, совершенно не свойственные той эпохе. Он проецирует в прошлое характерные для московских идеологов XVI в. представления о князе, княжеской (царской) власти, во многом навеянные набирающей силу концепции «Москва – третий Рим». В «Повести о Петре и Февронии» Еромолай-Еразм нарисовал идиллическое царство любви и правды под началом «благохотящего» правителя – князя Петра. Время их с Февронией правления – картина идеальная. Не могло быть иначе для публициста XVI в., прибегавшего ко всему прочему ещё и к царской милости. Причиной обращения к царю была, по мнению А. И. Клибанова, клеветническая кампания со стороны высокопоставленных «супостатов» против Еромолая.¹⁷¹ Именно в ответ на это рождается адресованное Ивану IV произведение «Мо-

¹⁶⁸ Упоминание врачей в Муромо-Рязанской земле вполне может быть исторической реальностью. А. А. Титов говорит, что юго-восточный народ в XII–XIII вв., приходя на Русь с войнами, привлекал за собой «бич рода человеческого», то есть чуму (язву). Как результат этого, вымирали целые селения, города зарастали кустарником (*Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома. Владимир, 1901. С. 17*). А, значит, врачи были тогда, как необходимость.

¹⁶⁹ *Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 214.*

¹⁷⁰ *Фроянов И. Я. Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 72.*

¹⁷¹ *Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 49.*

ление к царю», призванное, по мнению автора, оправдаться перед монархом, а также дать отпор клеветникам, «ненавидящими и ругающимися многим». А три упомянутые в «Молении» «вещи от древних», в число которых входит, по-видимому, и «Повесть о Петре и Февронии», должны были «яко огненное оружие явитца» для клеветников, «смыслы их пожигая». Вместе с тем Ермолай-Еразм готов и на творческое служение царю: «Аще же и о мирских вещех повелит твоя дръжава написати ми к благоугодю земли и ко умалению насильства, имам скровен глагол удобен явити твоей царской державе». ¹⁷²

Тем не менее не только желанием оправдаться был движим Ермолай-Еразм. «Принцип монархизма, – справедливо замечает А. И. Клибанов, – органичен мировоззрению Ермолая-Еразма, его пониманию Правды». ¹⁷³ Именно исходя из идеологических воззрений автора в «Повести о Петре и Февронии» встречаются словесно-смысловые наслоения XVI в. Автор смотрел на князя как на идеального правителя и сквозь призму народного предания пытался возвеличить Петра. Этим можно объяснить встречи в тексте термина «самодержец». Само это понятие не согласуется с действиями его в «Повести». Самодержцем распоряжаются: если не угоден – изгоняют, если нужен – приглашают. А князь не мог идти наперекор решениям веча. Также и с выражением «своя отчина», встречающимся в тексте. Автор называет князя Петра «вотчинником», однако трудно представить «верховного вотчинника», которого вечевая община изгоняет из своей вотчины. Таким образом, термины «самодержец» и «своя отчина» – лексика XVI в., применяемая автором «Повести о Петре и Февронии». Аналогичный подход демонстрировал С. Н. Валк, объясняя присутствие в тексте «Истории Российской» В. Н. Татищева термина «вельможи». «Приходится отнести, – писал исследователь, – появление введённого Татищевым термина „вельможи“, имеющего определённый общественно-политический смысл, всё же не к особенностям политической идеологии древнерусского общества, а к одной лишь редакционной работе автора». ¹⁷⁴

Любопытные наблюдения приводит Л. А. Дмитриев. Сопоставляя «Повесть о Петре и Февронии» со старофранцузским эпосом («Повесть о Тристане и Изольде»), исследователь выделил между ними в сюжетной канве много общего, кроме одной, кажущейся нам интересной детали: Пётр отличается от Тристана своей пассивностью в действиях, он почти ничего не решает и, таким образом, не становится, в отличие от своего французского коллеги, главным героем повести. ¹⁷⁵ Л. А. Дмитриев определяет Петра «по-

¹⁷² Ермолай – Еразм «Моление к царю» // Дмитриева Р.П. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. Приложение. С. 327.

¹⁷³ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. С. 50.

¹⁷⁴ Валк С. Н. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. XXIV. 1969. С. 350–352.

¹⁷⁵ Н. С. Демкова видит Петра «истинным героем, мужественным, бесстрашным и разумным воином», главным подвигом которого является подвиг смирения, чем и объясняется «пассивность» князя Петра. Подвиг смирения свидетельствует о его активном

средственной личностью, что последовательно и умело изображено автором (Ермолаем–Еразмом – *М.К.*) в его действиях, поступках, словах». ¹⁷⁶ Нам представляется, что названная пассивность князя согласуется с реалиями древнерусской жизни XI–начала XIII вв., когда политическая роль князя была весьма далека от великокняжеской власти даже XIV–XVI вв., однако, было бы не совсем правильным заслугу в показательности «ничтожности» образа Петра всецело относить Ермолаю-Еразму. Предание вполне могло зафиксировать характерные черты роли князя в названное время, длившегося не одно столетие, что является своеобразной гарантией увековечивания их в фольклоре.

Роль князя конца XII–начала XIII вв. в Киевской Руси не может ни в какой мере сравниваться с ролью «самодержца» XVI в. Он исполнял другие функции. Князь был нужен как военный специалист, призванный оберегать землю, где княжил, нужен был для охраны внутреннего порядка и мира, должен был способствовать распространению христианства. ¹⁷⁷

Бескняжье тяжело сказывалось на внутреннем положении волости. Как только изгоняют князя Петра «Повести о Петре и Февронии» из Муром, «мнози бо велможа во граде погибоша от меча. Киждо их хотя державствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси со всем народом молит тя, глаголюще: господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Февронии господствует жёнами нашими, ныне же со всеми дома своими раби ваю есмы, и хотим, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих». ¹⁷⁸ Видимо, борьба за власть отдельных лиц сопровождалась бурными дебатами на вече, переходящими в вооруженное столкновение, принесшее гибель некоторых руководителей. Что и охладило пыл и «велмож», и «веч-

душевном движении, которое должно свидетельствовать, что именно Пётр по воле Ермолая-Еразма является главным действующим лицом «Повести. О Петре и Февронии» (*Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. С. 81.) Склоняясь к точке зрения Л. А. Дмитриева о неприкрытой незначительности Петра, нам представляется, что при всём желании Ермолая-Еразма в образе Петра показать самодержавного государя с присущей последнему атрибутикой власти, у него это не совсем получилось. Влияние предания на автора было столь велико, что его искренние попытки (ввод в ткань произведения соответствующей лексики) вступали в противоречие с более богатым и логичным миром народного творчества, который, по-видимому, остался мало изменённым. (См. также: *Шайкин А. А.* Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии муромских» // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М., 1987. С. 34; *Дмитриева Р. П.* Отражение в творчестве Ермолая-Еразма его псковских связей // ТОДРЛ. Т. 42. 1989. С. 283).

¹⁷⁶ *Дмитриев Л. А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV в. С. 261. «Бледным худосочным подобием христианского подвижника» называет Петра В. Ф. Переверзев (*Переверзев В. Ф.* Литература Древней Руси. С. 141).

¹⁷⁷ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 34, 42, 386.

¹⁷⁸ *Дмитриева Р. П.* Повесть о Петре и Февронии. С. 220.

ников», и побудило их принять единственно правильное решение – вернуть Петра. У муромских бояр из задуманного получилось только упомянутое изгнание княжеской четы. Но не заладилась жизнь в городе без князя. Как в 1141 г. в Новгороде, когда «седеша новгородци бес князя 9 месяць»¹⁷⁹ и «нестерпяче безо князя седити. Ни жито к ним не идяше ни откуду же и емлюще метяхуть и в погробъ, а инем не стерпящем шедше к Гюргеви» князя себе просить.¹⁸⁰ Да и боярство, хоть и руководящий слой в городах, но не всегда собой представляли реальную политическую силу. Вариант непослушания продемонстрирован в Ипатьевской летописи под 1152 г. Люди князя Изяслава не смогли удержать днепровский брод, «зане не бяше ту князя, а *боярина* (курсив мой – М.К.) не вси слушают».¹⁸¹ Нечто подобное произошло в Рязанской земле в 1207 г. Рязанский князь Роман Игоревич вышел из Рязани для помощи осаждённым пронянам, намереваясь по тылам всеволодовым пройти и «лодъи разметать», но оказался между двух огней. С двух сторон прижали Романа опомнившиеся всеволодовы полки, и тот вынужден был бежать с места боя. Рязанцы, оказавшиеся без князя в столь ответственный момент «видяще князя своего бежаща, пометаша лодъи и бежаша в лесы».¹⁸²

Бескняжье – событие нежелательное для Древней Руси и поэтому старательно фиксирующееся в летописях, иногда с невероятной пунктуальностью.¹⁸³ Кстати говоря, ещё А. Степович считал главным эпизодом «Повести о Петре и Февронии» именно «боярский бунт» и его последствия.¹⁸⁴ Возможно, как раз последствия бунта (город без князя) – события трагического для любого города, имеющего ещё и сакральный подтекст – и заставили будущих составителей предания обратить на себя внимание. Проследить последствия бескняжья можно на летописном муро-рязанском материале.

В 1095 г. в Муроме не случилось быть князю, судя по упоминанию летописями там управлял «посадник Ольгов». Вместе с тем муромцев он явно не устраивал – им нужен был реальный князь, стоящий на страже их интересов, а не странствующий авантюрист Олег и, тем более, его посадник. Муром, стоящий на торговом пути, не бедный город, зачастую привлекал внимание агрессивных соседей, что требовало его обороны.¹⁸⁵ Возможно

¹⁷⁹ НПЛ. С. 26.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 309; ПСРЛ. Т. 41. С. 68.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 332.

¹⁸² ПСРЛ. Т. X. С. 57.

¹⁸³ Фроянов И. Я. Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 33.

¹⁸⁴ Степович А. О древнерусской беллетристике. Киев. 1898. С. 25. Не остаётся незамеченным «полная жизни и движения картина боярского бунта» у В. Ф. Переверзева как одна из центральных частей «Повести о Петре и Февронии», отнесённая, правда, к XIV в. (Переверзев В. Ф. Литература Древней Руси. С. 146).

¹⁸⁵ Лаврентьевская летопись сообщает за шесть лет до рассматриваемых событий, что «взяша Болгаре Муром» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 207). Вероятно, отсутствие князя сыграло здесь отрицательную роль: без князя не было должным образом организованной защиты

поэтому при появлении «мономашича» Изяслава Владимировича муромцы «прияша и», а «посадника я Олгова». А может быть, подчиняясь силе войска Изяслава.¹⁸⁶ В сакральном смысле князь-победитель являлся богом, данным правителем.

Предположение отнюдь не бесспорное, однако следующий год ознаменовался для муромцев потерей существующего князя («бысть брань люта и оубиша Изяслава»), то есть наступило опять временное бескняжье, и приобретением Олега («прияша и гражане»)¹⁸⁷ В. Н. Татищев поясняет позицию муромцев, направленную в большей степени на сохранение себя и города. В ситуации соперничества князей муромцам гораздо спокойней было занять нейтральную позицию. Зная, что Олег присовокупил к своей дружине «войска от брата», а также собрав «вои» в Смоленске и идёт «прямо к Мурому, устроая и вооружа полки свои», муромцы стали Изяславу «весьма ненадёжны».¹⁸⁸ Ненадёжность муромцев Изяславу оценил и Олег Святославич «по приятии града изъима Ростовци и Белоозерци и Суздальце и покова».¹⁸⁹ В этом скорбном списке, как видим, муромцев нет. А спустя некоторое время Муром обрёл «постоянного» князя Ярослава Святославича.

Вторая половина XII в. в Северо-Восточной Руси характеризуется становлением волостных территорий, идёт ожесточённая борьба за самостоятельность с соседями-противниками, за сохранение и расширение волостных владений. Методы такой борьбы могли быть самыми разнообразными: от дипломатии до грабежа. В такой ситуации безмерно возрастает роль князя.

Младший из Ростиславичей Глеб, посланный княжить в Рязань в 1145 г.,¹⁹⁰ за более чем тридцать лет своего княжения там весьма преуспел, Рязанская земля становится одной из сильнейших в Северо-Восточном регионе.¹⁹¹ Сам факт бессменности Глеба говорит о том, что он пришёлся «по вкусу» местной общине. Жёсткий военачальник, хитрый дипломат, где-то авантюрист, он как нельзя лучше соответствовал духу времени и напоминал (или был таким) военного вождя и предводителя старых времён. В немногочисленных летописных сообщениях Глеб находится вместе с дружиной или войском. Видим его с 1175 по 1177 гг. и у Владимира, и сражающегося с Олегом Святослави-

и болгары, «пришед с войски, Муром взяли и пограбили, а сёла пожгли» (*Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 96*).

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229. Д. И. Иловайский использует похожую формулу: «Муромцы, может быть, недовольные боярским управлением и желавшие иметь собственного князя, охотно приняли Изяслава» (*Иловайский Д. Рязанское княжество. М., 1997. С. 15*).

¹⁸⁷ Там же. Стб. 237.

¹⁸⁸ *Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 106.* Той же заботой о городе проникнуты события того же года в Муроме, когда другой «мономашич» Мстислав подошёл к Мурому. Несмотря на то, что в городе был Ярослав, он «створи мир с Муромци», не став грабить город (ПСРЛ. Т. I. Стб. 240).

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 237.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 318–319.

¹⁹¹ *Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 82.*

чем Черниговским на Лопасне, и жгущего Москву, и грабящего Боголюбиво, и, наконец, на Колакше. Авторитетный и грозный князь был известен не только в пределах Рязанской земли. Имя «Глебово» не ново автору «Слова о полку Игореве».¹⁹² Глеба, как старейшего, имели в виду собравшиеся на вече «Ростовци и Суздальци и Переяславци и вся дружина» во Владимире после гибели Андрея Боголюбского, сокрушаясь, что «суть князи Муромские и Рязанские близь в суседех, боимся лести их,¹⁹³ еда пойдут изнезапа ратью на нас князю не сущю у нас». Именно к Глебу решают обратиться владимирские вечники («послаша ко Глебу») для помощи в деле выбора князей.¹⁹⁴ Во многом тенденциозный по отношению к Глебу, как и ко всему рязанскому, хронист Лаврентьевской летописи с видимым, но невольным уважением отзывается о враждебном Владимиру князе, описывая пленение рязанцев после битвы на Колакше: «и ту *самого* (курсив мой – М.К.) Глеба яша руками».¹⁹⁵

Всеволод, вышедший победителем в этой битве, оказывает поверженным почести, «велел . . . всех пленников рязанских довольствоваться по достоинству каждого от своего дому».¹⁹⁶ Сам владимирский князь опасался своего грозного и непредсказуемого соседа, что явствует из анализа событий 1177 г. в период до Колакши. Собравшийся было отомстить Глебу за сожжённую Москву Всеволод благоразумно отказался от этого, послушав осторожную Милонежкову чадь, настоятельно советовавшую князю не ходить без усиления войска новгородцами.¹⁹⁷ Всеволод также просил помощи «на Глеба» у киевского князя Святослава Всеволодовича и Олега Святославича Черниговского.¹⁹⁸ И только когда собралась внушительная рать, состоящая из ростовцев, суздальцев, переяславцев, новгородцев, подкреплённая помощью из Киева и Чернигова, поход против Глеба стал реальностью.¹⁹⁹ В свою очередь, к Глебу за военной помощью против Всеволода обращался «обиженный» на Всеволода Мстислав Ростиславич, отверженный новгородцами.

¹⁹² «Ты (Всеволод – М. К.) бо можеши посуху живыми шерешеры стреляти – удалыми сыны Глебовы» (Слово о полку Игореве // Злато слово. М. 1986. С. 52).

¹⁹³ Под лестью подразумевается, по-видимому, коварство Глеба. Однако более категоричны Ипатьевская летопись и Летописец Переяславля Суздальского: «Боимся мести их» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 404). В тексте Никоновской летописи чувствуется могущество муромских и рязанских князей: «Трепещем и боимся их» (ПСРЛ. Т. IX. С. 252).

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372.

¹⁹⁵ Там же. Стб. 384.

¹⁹⁶ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 118.

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 382–383.

¹⁹⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 117.

¹⁹⁹ «Тое же зимы князь велики Всеволод восхоте отомщение сотворити на князя Глеба Рязанского, и поиде на него к Рязани с Ростовци, и з Суздальци, и с Переяславци и с Новгородци; присла же к нему в помощь и князь великий Черниговский Святослав Всеволодичь племянника своего Олга и сына своего Владимира. Прииде же к нему и ис Переяславля Рускаго братаничь ему князь велики Владимир Глебович Переяславский. . .» (ПСРЛ. Т. X. С. 3).

Полководческие таланты Глеба вырисованы в очень короткой амплитуде времени и вряд ли можно составить об этом вопросе точное впечатление. Однако очевидно, что он умело использовал складывавшуюся внешнеполитическую, дипломатическую ситуацию. Ю. А. Лимонов по косвенным данным ведёт речь об участии Глеба в заговоре против Андрея Боголюбского.²⁰⁰ Так или иначе, по мнению А. Л. Монгайт, в 1174 г. Глеб Ростиславич «вмешался в дела Владимиро-Суздальского княжества и пытался посадить на престол угодных ему людей. ...Глеб не только добился приглашения на владимирский княжеский стол своих родственников, но даже в посольство за ними в Чернигов отправил рязанских представителей». Исследователь считает, что это был большой дипломатический успех, закреплённый участием Глеба в изгнании Михаила Юрьевича, пытавшегося укрепиться во Владимире.²⁰¹ Возможно, А. Л. Монгайт преувеличил роль Глеба в событиях 1175–1177 гг.,²⁰² однако в действительности трудно отказать Глебу в дипломатическом чутье.²⁰³ Судя по летописям, он старался проводить политику двойных стандартов, которая время от времени приносила ему успехи. Используя нестабильность в Ростово-Суздальской земле, он успел безнаказанно пограбить упомянутую землю, но когда оказывалось, что силы Глебовы могут в военном аспекте уступить противнику, Глеб шёл на попятную и клялся в вечном мире и дружбе, нередко признавая себя во всём виноватым. Так было в 1176 г., когда Михалко с Всеволодом собрались к Рязани. Вместо войска Глеба наступавшие встретились с послами рязанского князя, которые передали им слова Глеба: «во всём виноват, а ноне ворочю все, что есмь поимал...» На этот раз окончилось всё миром.²⁰⁴ Сошло с рук Глебу «грабление» Москвы в следующем году, но разорение уже Владимира пошло по другому сценарию, нежели желал (или привык) Глеб: «Князь же Глеб рязанский хотяше миру, а князь Всеволод Юрьевич не хотяше».²⁰⁵

В результате состоялась проигранная Глебом битва на Колакше, отнюдь не по вине только рязанского князя, а скорее как следствие объективной несоизмеримости сил Рязани и Владимира. Несмотря на преклонный возраст

²⁰⁰ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 92–93.

²⁰¹ Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 348. То есть Глеб использовал ситуацию бескняжья и нестабильности в Ростово-Суздальской земле и в 1175 и в 1177 гг. Такую же ситуацию можно было наблюдать в 1208 г. Пока сыновья Всеволода с основными владимирскими силами находились под Тверью «противу новгородцев», Кир-Михаил «начя же воевати сёла около Москвы» (ПСРЛ. Т. X. С. 61).

²⁰² Приглашение Ростиславичей Мстислава и Ярослава трактуется ещё борьбой общин Ростова и Владимира за свою независимость (Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 659–660; Кривошеев. Ю. В. Русь и монголы. СПб., 1999. С. 49–50).

²⁰³ Другая крайность в уяснении роли Глеба Ростиславича в названных событиях содержится у С. М. Соловьёва. Историк не видит в них участия Глеба, отдавая инициативу всецело черниговским Ростиславичам (Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. I. Т. 2. С. 533).

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 379; ПСРЛ. Т. 41. С. 105.

²⁰⁵ Там же. Т. X. С. 4.

(по Никоновской летописи «князь же Глеб Рязанский дряхл») Глеб здраво даёт указания войску, разделив силы и послав Мстислава Ростиславича в тыл к Всеволоду. Однако тот не справился с задачей отвлечения сил и «побегнувшие переди», а Глеб, находясь на расстоянии «единого стрелища», то есть вблизи войск Всеволода, оказался в плену. Тем не менее Глеб чувствовал за собой вину, находясь в плену. Единожды подняв планку на определённую высоту, создав авторитет Рязани, он, вероятно, знал, что за столь крупное поражение, рязанцы его не простят. Несмотря на ходатайство черниговского князя Святослава Всеволодовича об освобождении, Глеб был непреклонен: «лутче сде умру, не сяду».²⁰⁶ Глебу, видимо, предлагался в качестве компромиссного варианта за свободу неравноценный обмен городами Коломны на Городок. Через два года в заключении Глеб умер, не захотев дважды покрыть себя позором.²⁰⁷ Мужественный характер Глеба Ростиславича отмечал Д. И. Иловайский.²⁰⁸

Трусость в разных видах, в том числе бегство с поля боя, всегда осуждалась, в чем виделся образец психологии, родственной героической эпохе доклассового общества.²⁰⁹ Правильность Глебова выбора подтвердилась в дальнейшем. Незавидной оказалась судьба сумевшего избежать плена Ярослава Ростиславича. Как известно, он скитался по городам, не надеясь найти пристанища, образ неудачливого и ненадёжного князя не прельщал горожан, его не принимали, а рязанцы сочли себя вправе пленить и выдать его Всеволоду. Рязанцы, узнав о трагедии на Колакше, расценили пленение своих князей вполне однозначно: «князь наш и братья наши погыбли», тем самым лишней раз подтвердив свою самостоятельность и независимость от княжеской воли. Под впечатлением реальной угрозы Всеволода Юрьевича («али иду к вам»), рязанцы на вече «здумаша» и приняли прагматичное решение выполнить требование грозного соседа, исходя из сложившейся ситуации.²¹⁰ Критическое положение рязанцев красноречиво описано у В. Н. Татищева: «И, советовав, разсудили лучше сие непристойное требование исполнить, нежели самим разорение терпеть, *понеже ни князя, ни войска к обороне своей не имели* (курсив мой – М. К.)».²¹¹ Вероятно такие же мотивы побудили пронян перед

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 411. У В. Н. Татищева тот же текст более выразителен: «Лучше хочу здесь умереть, чем со стыдом возьму удел в Руси» (*Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 119*).

²⁰⁷ *Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 119.*

²⁰⁸ *Иловайский Д. И. Рязанское княжество. С. 36.*

²⁰⁹ *Фроянов И. Я. Киевская Русь (очерки социально-политической истории). С. 36–37.*

²¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385.

²¹¹ *Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 118.* Ситуация в 1177 г. в Рязани аналогична событиям, последовавшим после убийства Андрея Боголюбского. Вечники во Владимире, искренне боясь муромских и рязанских князей, озвучили и причину такой боязни – «егда пойдут изнезапа ратью на нас – князю не существу у нас» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 372).

надвигающейся угрозой войск Всеволода и в отсутствии бежавшего²¹² (или выгнанного) Кир-Михаила призвать Изяслава Владимировича.²¹³ В. Н. Татищев сообщает дополнительные сведения об Изяславе, что «сей князь был любитель чести и правости, а притом и храбростию не оскудевал. ... вшед в Пронск приуготовился к осаде, чая оной удержать». Такие качества Изяслава явно импонировали жителям города, что придало им мужества и спокойствия, они стали надеяться «на твёрдость града и на князя своего».²¹⁴

«Князь» и «оборона» в жизни древнерусских земель понятия неразрывные. Без князя приходилось тяжело, так как его отсутствие вело к нарушению нормальной жизни «вотчины», бескняжье приводило к усилению опасности перед внешними врагами, которых для Муромо-Рязанской земли было достаточно. Последняя лежала в непосредственной близости к степи. Половецкие кочевья подходили к самым ее границам, открытым для набегов степняков. На востоке от Муромо-Рязанской земли находилось непредсказуемое Булгарское государство. А на юго-востоке – беспокойная мордва.

Страх рязанцев (также муромцев, пронян) за свою безопасность был отнюдь не гипотетичным и не случайным, в этом они убеждались не один раз. Как только город оставался без князя – он и волость становились субъектом лёгкой наживы со стороны своих соседей. 1177 г. привнёс в историю не только поражение рязанских князей и их пленение, но набег половцев, которые, «собрався, пришли с войском в область Рязанскую, где, не имея никакого сопротивления, многие сёла пожгли и, поплняя, возвратились». Но как только отпущенный из плена Роман Глебович возвратился в Рязань, он совершает удачный поход на половцев, окончившийся для них поражением на Большой Вороне.²¹⁵ Спустя десятилетие неблагоприятная ситуация в Рязанской земле вновь была использована половцами. После карательного похода Всеволода Юрьевича «на Рязань» («взяша сёла вся и полон мног и возвратишеся в своя си опять, землю их (рязанцев – М. К.) пусту створише и пожгоша всю»)²¹⁶ последняя (видимо, южные территории) опять стала лакомым куском для степняков. Прямого сражения войск Всеволода и Романа Глебовича, видимо, не произошло, и рязанский князь внимание уделял на движение владимирской рати. В это время «множество половец приходиша на Рязань и много зла сотвориша и отъидоша восвояси».²¹⁷

В 1208 г. в очередной раз Рязанская волость осталась без князей, они были пленены Всеволодом, а земля разорена и ослаблена, чем и воспользо-

²¹² Причину бегства Кир-Михаила С. М. Соловьёв видел в сопричастности его в заговоре рязанских князей против Всеволода Юрьевича (*Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. I. Т. 2. С. 573.*

²¹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 431.

²¹⁴ *Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 179.*

²¹⁵ Там же. С. 119–120.

²¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 406.

²¹⁷ ПСРЛ. Т. X. С. 18. У В. Н. Татищева данное событие помещено под 1188 г. (*Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 145.*)

вались болгары, «пришед на Резанскую область, делали разорение».²¹⁸ Трагедия в Исадах в 1217 г. обескняжила Приокские волости. Злоумышленники-братоубийцы, вынужденные скрываться в половецких краях, на следующий год «приде со множеством Половец к Рязаню». Однако на этот раз Глеб Владимирович, приведший половцев, недооценил оставшегося князя Ингваря, который и вышел победителем в данном противостоянии.²¹⁹

После того, как Владимир Всеволодович Мономах и его сын Мстислав Владимирович отогнали половцев от Киевской земли за Дон, последние потеряли инициативу в борьбе со своим основным соседом – Русью. А к концу XII в. обстановка в степях стабилизировалась, донские половцы вообще перестали сталкиваться с Русью, поскольку, с точки зрения С. А. Плетнёвой, они предпочитали богатеть за счёт развития своей собственной скотоводческой базы и внешней торговли.²²⁰ Между тем именно с середины XII в., следуя летописным данным, половцы увеличили число набегов на Муромо-Рязанскую область²²¹, зачастую проникая вглубь её территорий, а участок на р. Проне даже получил название «поля половецкого».²²² Иногда половцев использовали для решения межкняжеских и межволостных противоречий, в этом смысле рязанцы не отличались, скажем, от киевлян или галичан. И, тем не менее, опасность со стороны степи заставляла муромо-рязанских князей применять превентивные меры. Видимо, общность интересов по охране русских границ двигала и владими́ро-суздальскими князьями, организовывавших периодические профилактические походы в половецкие вежи, которые А. Е. Пресняков назвал «неизбежной необходимостью».²²³

Начало предупредительных мер против половцев следует отнести к 1131 г., когда князья «рязанские, муромские и пронские много половец побиха». «Побиша» половцев и на Великой Вороне в 1150 г.²²⁴ С 1160 г. владимирские князья организывают серию походов на «половецкие вежи» с участием муромских, рязанских и пронских князей. Так борьба продолжалась вплоть до монголо-татарского нашествия.²²⁵

²¹⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 182.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 444; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 51; ПСРЛ. Т. XXV. С. 116; ПСРЛ. Т. X. С. 81–82; *В. Н. Татищев.* История Российская. С. 207.

²²⁰ *Плетнёва С. А.* Половцы. М., 1990. С. 95, 167.

²²¹ Возможно, это были не донские, а поволжские половцы, если следовать дифференциации С. А. Плетнёвой (*Плетнёва С. А.* Половцы. С. 149).

²²² А. Л. Монгайт предполагает, что отсутствие летописных сведений о борьбе половцев и Муромо-Рязанских земель может быть связано и с обычным недостатком в летописании о Рязани (Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 337).

²²³ *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пгр., 1918. С. 39.

²²⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 157, 184.

²²⁵ См. Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 337–339.

Другими соседями-врагами были волжские булгары, совершавшие периодические набеги еще с XI в.²²⁶ и до 1220 г., когда Юрий Всеволодович при участии в походе муромских князей разгромил Булгарское царство.²²⁷

Наряду с вышеназванными соседями следует упомянуть не столь агрессивную и беспокойную мордву. Однако первое летописное свидетельство встречи интересов мордвы и населения Муромо-Рязанской земли зафиксировало неудачный для последнего итог. Муромский князь Ярослав в сражении с мордовскими племенами в 1103 г. «побежён бысть».²²⁸ Активизация военного противостояния в начале XIII в. была связана с тем, что в конце XII–первой трети XIII в. во главе мордвы становится Пургас – один из наиболее известных её князей, при котором происходила концентрация части мордвы в границах так называемой «Пургасовой волости».²²⁹ Инициативу в названном процессе А. Л. Монгайт отдавал владими́ро-суздальским князьям, организовывавшим походы 1226, 1227, 1228, 1232 гг., в которых принимали участие и муромо-рязанские дружины.²³⁰

Ясно, что внешнеполитическое положение и Рязани, и Мурома было неспокойным, тем более, если оно было связано с отсутствием князя. Беспокойством за судьбу города и свою объяснимо поведение «велмож» муромских «Повести о Петре и Февронии», слёзно просящих «от всего народа» князя Петра вернуться в город. Перед лицом внешней опасности князь становился лидером, подобный военному вождю и предводителю старых времен.

По возвращении Петра и Февронии в Муром там воцарился порядок. «Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления,²³¹ ни богатства тленнаго щадяще, но в бог богатеюще ... Град бо свой истинною и кротостию, а не яростию правяще». По-видимому, Петр нёс «внутренний наряд», который бояре обеспечить были не в состоянии, то есть соблюдал, следил за охраной внутриобщинного порядка и мира, участвуя сам в

²²⁶ В. Н. Татищев сообщает о разграблении Мурома в 1088 г. и нападении на Муромо-Рязанскую землю в 1155 г. (*Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Кн. 3. С. 65, 98.*)

²²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 444; ПСРЛ, Т. X. С. 84–85; ПСРЛ. Т. XXV. С. 116–117; *Татищев В. Н. История Российская. С. 1219.*

²²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 280. Д. И. Иловайский ассоциирует данный поход не как месть или продвижение вперёд для укрепления рубежей, а как религиозную борьбу Ярослава Святославича с язычниками (*Иловайский Д. Рязанское княжество. С. 22.*)

²²⁹ *Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск, 1989. С. 42.*

²³⁰ *Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 341.*

²³¹ Возможно, «грабление» здесь имеется в виду как грабеж имущества изгнанного князя в период бескняжья. Или как форма наказания, использованная боярами для изгнания князя. Мера наказания в «Русской Правде» («поток и разграбление») за уголовные преступления (*Гейман В. Г. Право и суд // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 56.*) интерпретировалась знатью Мурома в свете преступления Петра, женившегося на простолюдинке. Однако и в том, и в другом случаях это говорит о существовании в начале XIII в. пережитков первобытной психологии.

судебных делах. Тем более, чтобы слыть в народе действительно честным и справедливым, необходимо было как-то привлекать его понятными ему идеями, в частности нищелюбием. Что и свойственно Петру «Повести о Петре и Февронии», который «странныя приемлюще, алчньныя насыщающе, нагие одевающе, бедного от напасти избавляюще».²³² Трудно говорить по «Повести о Петре и Февронии» о князе как о распространителе христианства, потому что здесь может быть житийная идеализация Петра Ермолаем-Еразмом. Но как бы там ни было, по возвращении князя Петра и княгини Февронии в «град свой», «беху державствующе во граде том, ходяще во всех заповедях и оправданиих господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем под их власть сущим, аке чадолюбивии отец и мати. Беста бо своему граду истинна пастыря».²³³ В данном направлении князю работы хватало, ибо, если верить «Житию князя Константина муромского», «во граде Муроме живяху человеци поганья различная язици зли сущи»²³⁴ до прихода князя Константина с сыновьями. Даже если Константин или кто-либо из других князей «водворяли» христианство до Петра, то процесс этот был далеко не скоротечным.

Заключение

Итак, «Повесть о Петре и Февронии» – произведение многослойное, не принадлежащее полностью какому-либо одному жанру, но, с другой стороны, несущее в себе черты, близкие историческому преданию, отражает картину общественной жизни Муромской волости XI–начала XIII вв., известную по письменным источникам Муромо-Рязанской земли. Реалии жизни волости предполагали активное вече – народное собрание, руководимое боярами. Боярству присущ ряд специфических черт, идущих из дружинной природы: сопровождение князя в его передвижениях и верность ему. Кроме этого, имела место дифференцированность боярства, деление его на различные партии, которые преследовали разные внутриволостные интересы.

Одной из функций веча является распоряжение княжеским столом, причём были нередки случаи вмешательства горожан и в личную жизнь князя. Сопоставление образа Февронии «Повести о Петре и Февронии» с летописными героинями показало некоторые нюансы дуализма: «княжеская жена – соправитель», охарактеризованного ещё С. М. Соловьёвым как признак языческого мировоззрения.²³⁵ В городе имеется князь, необходимый волостной общине как военный руководитель, вершитель суда, своеобразный гарант стабильности и магического спокойствия для жителей волости. Его роль активна, но в рамках отведённых ему волостной общиной функ-

²³² Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. С. 220.

²³³ Там же, С. 220.

²³⁴ ПЛ. С. 229.

²³⁵ Соловьёв С. М. Сочинения. С. 237–238.

ций. Отсутствие князя в городе, волости отрицательно сказывалось как на внутриволостном, так и на внешнеполитическом положении. Тем более что беспокойные соседи-враги в лице половцев, волжских болгар и мордвы представляли совсем не мифическую опасность.

Продемонстрированный нами подход к «Повести о Петре и Февронии» позволяет, как нам представляется, с большей исторической конкретностью и глубиной интерпретировать ее, расширить возможности ее как исторического источника. Определяя время действия героев «Повести о Петре и Февронии», исследователи старались отождествить князя Петра с летописным Давидом. Более надежные результаты дает изучение исторических реалий, составляющих социально-политический фон происходящего в рассматриваемой нами повести действия.

«Повесть о Петре и Февронии» включает в себе описание жизни волости в Муроме конца XII–начала XIII вв., то есть политической системы, характерной для всей Руси XI–начала XIII в. Это дает основание для доказательства и тождества Петра – Давида, поскольку изгнание и призвание князя могло иметь место в условиях упомянутой выше системы, разрушенной в результате монголо-татарского нашествия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбелев С.Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности // Славянский фольклор. М., 1965.
2. *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
3. *Беликова Т.В.* Княжеская власть и боярство в Юго-Западной Руси в XI–начале XIII вв. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1990.
4. *Белоцветов Л.* Муромский Богородицкий собор. Муром, 1907.
5. *Бочкарёв В.* Стоглав и история собора 1551 г. Юхнов. 1906.
6. *Буланин Д.М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983.
7. *Буслаев Ф.И.* Песни древней Эдды о Зигурде и муромская легенда // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. I.
8. *Валк С.Н.* «Вельможи» в «Истории Российской» В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. XXIV. 1969.
9. *Велецкая Н.Н.* О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. М., 1988.
10. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
11. *Веселовский А.Н.* Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Рагнаре Лодброке // ЖМНП, 1871. № 4, отд. 2.
12. *Владимиров П.В.* Введение в историю русской словесности. Киев, 1896.

13. *Высоцкий Н.Ф.* Роль женщины в истории нашей народной медицины. Казань, 1908.
14. *Гейман В.Г.* Право и суд // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2.
15. *Грузнова Е.Б.* Женщина средневековой Руси в сфере культа // Историческая психология и ментальность. СПб., 1999.
16. *Гура А.В.* Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. М., 1978.
17. *Гура А.В.* Статья «Заяц» в проекте словника этнолингвистического словаря славянских древностей. М., 1984.
18. *Дашкевич Н.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.
19. *Дёмин А.С.* «Имение»: социально имущественные темы древнерусской литературы // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991.
20. *Демкова Н.С.* Средневековая русская литература. СПб., 1997.
21. *Дмитриев Л.А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970.
22. *Дмитриева Р.П.* Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979.
23. *Дмитриева Р.П.* Агиографическая школа митрополита Макария // ТОДРЛ. Т. 48. 1993.
24. *Дмитриева Р.П.* Отражение в творчестве Ермолая–Еразма его псковских связей // ТОДРЛ. Т. 42. 1989.
25. *Дмитриева Р.П., Белоброва О.А.* Пётр и Феврония муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985.
26. *Дробленкова В.Ф.* Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 2. Л–Я. Л., 1989.
27. *Епанчин А.А.* Забытые святые и святыни Мурома // Муромский сборник. Муром, 1993.
28. *Ерёмина В.И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991.
29. Ермолай–Еразм «Моление к царю» // *Дмитриева Р.П.* Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979.
30. *Зимин А.А.* Ермолай–Еразм и Повесть о Петре и Февронии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XVI.
31. *Каган–Тарановская М.Д.* Древнерусские врачевальные молитвы от укуса змеи // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993.
32. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991.
33. *Квашнин–Самарин Н.Д.* О князьях муромских, причтенных к лику святых // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10–20 августа. Тверь, 1906.
34. Киево–Печерський патерик. Києві, 1930.
35. *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М. 1996.
36. *Клибанов А.И.* Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли // ИЗ 1959. № 65.

37. *Клибанов А.И.* Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли // Изв. М., 1959. № 65.
38. *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977.
39. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
40. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.
41. *Котляревский А.А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
42. *Кривошеев М.В.* Муромо-Рязанская земля. Гатчина, 2003.
43. *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. СПб., 1999.
44. *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
45. *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. М., 1977.
46. *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987.
47. *Лихачёв Д.С.* Культура Руси времени Андрея Рублёва и Елифания Премудрого. Л.; М., 1962.
48. *Лихачёв Д.С.* Предвозрождение на Руси в конце XIV–первой половине XV века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967.
49. *Лурье Я.С.* Элементы Возрождения на Руси в конце XV–первой половине XVI века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967.
50. *Мавродин В.В.* Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961.
51. *Мокшин Н.Ф.* Дохристианские верования мордвы. Автореф. дис. на соиск. степ. канд. ист. наук. Саранск, 1963.
52. *Мокшин Н.Ф.* Мордовский этнос. Саранск, 1989.
53. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961.
54. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь (очерки социально-политической истории). Л., 1980.
55. Памятники литературы. СПб., 1860. Т. 1.
56. *Пашин С.С.* Галицкое боярство XII–XIII вв. // Вестник ЛГУ. 1985. № 23.
57. *Пашуто В.Т.* За марксистско-ленинскую историю литературы // ВИ. М., 1950. № 3.
58. *Переверзев В.Ф.* Литература Древней Руси. М., 1971.
59. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
60. *Погодин М.П.* О наследственности древних санов в период времени от 1054 до 1240 года // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1876. Кн. 1.
61. *Подобедова О.И.* «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10.
62. *Попов А.* Книга Еразма о Святой Троице // ЧОИДР. 1880. Октябрь–декабрь. Кн. 4. М., 1880.
63. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пгр., 1918.
64. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
65. ПСРЛ (Летописец Переяславля-Суздальского). Т. 41. М., 1995.

66. ПСРЛ (Лаврентьевская летопись). Т. I. М., 1997.
67. ПСРЛ (Ипатьевская летопись). Т. II. М., 1962.
68. ПСРЛ (Никоновская летопись). Т. IX–X. М., 1965.
69. ПСРЛ (Московский летописный свод конца XV в.). Т. XXV. М.; Л., 1949.
70. ПСРЛ (Ермолинская летопись). Т. XXIII. СПб., 1910.
71. *Ржига В.Ф.* Литературная деятельность Ермолая–Еразма // ЛЗАК, 1926. Вып. 33.
72. *Ржига В.Ф.* Повесть о Петре и Февронии в русской литературе конца XVIII в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1957. Т. 13.
73. *Росовецкий С.К.* Формирование повествовательных жанров в русской литературе XVI–XVII вв. («Повесть о Петре и Февронии» и связанные с нею произведения). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Л., 1977.
74. Русская Правда. Краткая редакция. Устав князя Владимира. Устав князя Ярослава // Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984.
75. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
76. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.
77. *Сиповский В.В.* История Русской словесности. Ч. 1. Вып. II. СПб., 1912.
78. *Сиповский В.В.* История Русской словесности. Ч. I. Вып. I. СПб., 1912.
79. *Скрипиль М.О.* Повесть о Петре и Февронии муромских в её отношении к русской сказке // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949.
80. *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.
81. Словарь исторический о русских святых. М., 1990.
82. *Соколова В.К.* Рязанские варианты сказки о Петре и Февронии // Ученые записки Рязанского Государственного педагогического института. Вопросы литературы и методики ее преподавания. Рязань. 1970.
83. *Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. 1. М., 1988.
84. Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Российского централизованного государства. Т. 2. М., 1985.
85. *Сухова О.А.* «Града Мурома святые». Муром, 1993.
86. *Тагунова В.И.* К вопросу о появлении культа Петра и Февронии в связи с идейным содержанием их жития и временем возникновения его первоначальной редакции // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961.
87. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I–III. М.; Л., 1964.
88. *Титов А.А.* Историческое обозрение города Муром. Владимир, 1901.
89. *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955.
90. *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX–начала XX в. М., 1957.
91. *Травчетов Н.П.* Кого из муромских князей следует понимать под именем «св. благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромского чудотворца?» Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20–26 июня 1906 г. Владимир, 1909.

92. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1997.
93. *Филарет.* Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859.
94. *Филарет.* Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Месяц май, июнь, июль, август. СПб., 1882.
95. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. М.; СПб., 1995.
96. *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси // Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.
97. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
98. *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история. СПб., 1997.
99. *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Русский былинный эпос. Курск, 1995.
100. *Шайкин А.А.* Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии муромских» // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М., 1987.
101. *Шляпкин И.А.* Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // С.Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911.
102. *Шапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
103. *Юрганов А.Л.* Ермолай–Еразм: поэтика любви, правды и верности // Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

**С митрополитом
Иларионом по Мангупу**

Геополитические заметки

Колокольный звон на Мангупе

В силу экспедиционных задач часто бываю в Крыму на Мангупе.

Для многих поколений странствующих туристов в этом топониме укладываются воспоминания различного толка. От созерцания мерцающих головешек полуночного костра под рваные звуки любительской гитары до погружения в ретро нашей исторической памяти ...

Мангуп – это город и гора. Город – ныне мёртвый: начавшаяся там с III в. жизнь, пережив расцвет во времена княжества Дорос-Феодоро, после разгрома турками в 1475 г. пришла в упадок и уже более полутора столетий здесь никто не живёт, не считая сезонных археологов и привлечённых неподдающейся осмыслению аурой хиппи с постсоветского пространства. Гора – живая, дающая вдохновение почти каждому, имевшему терпение забраться на высоту более пятисот метров²³⁶. Вот и мы в очередной раз на Мангупе и каждый раз ловим себя на мысли, что место это не просто визуально-привлекательное, не только очаровывает своей эстетикой и тайнами прошлого, но и в известной степени сакральное. Необыкновенность Мангупа отмечал ещё П. И. Кеппен – один из первых исследователей Крыма: «Находясь, так сказать, между небом и землёй, он (Мангуп – *М.К.*) мог бы, кажется, противостоять всем превратностям мира»,²³⁷ – под такими словами можно подписаться «ничтоже сумняшеся».

Многие крымоведы ставят город прямо в центр «креста пространства» черноморской циркумпонтийской зоны. Сам «крест» образован движением и в Крым и через него различных племён в меридиональном и широтном направлениях. При этом Таврика не только не отторгала народы и культуры, но, восприняв, давала им возможность существовать и развиваться. Авторы данной концепции из двух направлений «креста пространства» акцентируют внимание на меридиональное: именно оно открывало путь культурным импульсам, идущим от Египта и Палестины к северным речным путям, к будущим городам Киевской и Московской Руси. А с севера в Крым пришли раннегерманские племена готов, чтобы здесь получить крещение византийской культурой.²³⁸

В эпоху раннего средневековья Доросу-Мангупу выпадает ключевая роль перекрёстка культурных парадигм, поскольку он сосредотачивал в себе греко-византийско-христианские традиции в противовес католическому Западу в лице гуннов и мусульманскому Востоку в лице татар. Это символично, если помнить геополитическую миссию Восточно-Римской империи, заключающуюся в противостоянии с «латинской митрой» и «турецким

²³⁶ Максимальная высота плато Мангуп равняется 583 м.

²³⁷ Кеппен П. И. Крымский сборник // СПб., 1837. С. 237.

²³⁸ Полное описание понятия «креста пространства» см.: *Фадеева Т. М., Шапошников А. К.* Княжество Феодоро и его князя. Симферополь, 2005. С. 112–19.

тюрбаном», миссию, которую позже возьмёт на себя и средневековая Русь. Однако локализация какого-либо геополитического центра сама по себе достаточно сложна, а в описываемом случае тем более, поскольку весь полуостров является таковым, поэтому, видимо, не стоит преувеличивать роль столицы княжества Феодоро в качестве своеобразного преемника Византийской империи. Сам Мангуп для нас скорее символ православной традиции, один фрагмент в цивилизационном меридиональном потоке, захватившем и Россию. Мангуп с его былыми мощными фортификационными укреплениями, впечатляющими дворцами, а ныне развалинами как будто демонстрирует в истории, как нелегко даётся место под геополитическим солнцем. Мангупу-Феодоро в этом процессе не повезло.

...Здесь, на южном склоне Мангупа, нынче цветут яблони, невесть каким образом появившиеся когда-то, а нынче их кривые, шершавые в многочисленных сучках и наростах стволы только подтверждают их древность. Если, не щадя рук и коленок, вскарабкаться повыше и, повернувшись, присесть на пару минут на подвернувшийся камень, то зрелище будет достойно патрициев. Открывается полупанорама видимого Крыма с его особо осязаемым весной разнообразием палитры зелёного цвета. И звуков здесь тоже много, кажется, что поёт всё. Но ближе к вечеру доминирующими становятся хоровые вариации лягушек здешнего рукотворного пруда, безнадежно заглушающие отчаянно красивые перепевы соловьёв-одинок и дитячьих стонуханья рано проснувшихся сов. Но главное соло мангупских склонов для экспедиционников было ещё впереди ...

Во времена гонения из Византии монахов-иконопочитателей в VIII–X вв. многие из них нашли приют в Крыму. Боясь продолжения преследований, они для жительства выбирали труднодоступные, безопасные, дикие, но, надо признать, красивейшие места. В крутых скальных отвесах столовых гор сооружали они себе жилище, впоследствии становившимися пещерными монастырями. Их много разбросано по всему горному Крыму. Видимо, в XIV столетии и на Мангупе появляется свой монастырь. Никто особо пещерные пустыни не трогал: брать нечего, а религиозного нетерпения тогда не было. Всё изменилось с приходом на полуостров тюркского населения в XV в. Возникшее Крымское ханство и все татары к тому времени уже исповедовали ислам и не особо жаловали православие. А к концу названного века монастыри лишились поддержки и митрополии – Константинопольской патриархии – вследствие завоевания Малой Азии турками-османами. Постепенно монастыри скудели и закрывались, каждый по-разному, каждый в разное время. Нынче в Мангупский монастырь вернулась жизнь. С 2002 г. по благословению митрополита Крымского и Симферопольского Лазаря начато восстановление Благовещенского пещерного мужского монастыря.

...Вечером, когда время приближалось к пяти, а ветер непостижимым образом стих вместе с шумевшей и шелестящей флорой и фауной, когда тяжело брызгающее крымское солнце боролось за выживание с мчащимися облаками, вдруг и совершенно неожиданно для нас ударили колокола. Нет, не

ударил – зазвучали с высоты, как будто бы с небес. Перезвон, а был именно перезвон, звучал празднично хотя бы потому, что он был здесь, где его никто из нас просто не ждал. Его мелодия была проста и сводилась к музыкальной конструкции «При-хо-ди-те в го-сти к нам, при-хо-ди-те в го-сти к нам ...», она была похожа на тысячи таких же по всей православной России, но этот Благовест – вне конкуренции. Даже шмели, с тяжёлым шумом пронесившиеся над майскими цветами вынуждены были едва ли не недвижимо и удивлённо зависнуть в воздухе. Незаметно смолк и насекомый гул цветущих яблонь, и не слышно стало кваканья пруда. Были лишь звуки колоколов, разносившихся в крымском растительном раю ...

Колокола на Русь попадают как из Византии, так и с Запада. Точное упоминание о них связывается с путешествием Антония Римлянина в Новгород в 1066 г.²³⁹ и с тех пор они не сходят с летописных страниц. В традициях Русской православной церкви колокольный звон имеет огромное духовное и нравственное значение: он не дает засыпать совести и душе, постоянно напоминая ей о бытии Божиим, о вечной правде, о великой христианской любви и истинной вере. Как раз то, к чему призывал первый русский митрополит Иларион, который мог слышать звон первых православных колоколов в Успенской (Десятинной) и Ирининской церквях в Киеве, а может быть, и в уже построенном Софийском соборе.²⁴⁰

Видимо, хотел он услышать и перезвон многочисленных колоколов по всей Руси, что символизировало бы распространение и укоренение православия. Во всяком случае, смысл его «Слова о Законе и Благодати»²⁴¹ сводился к этому: «И въ едино время вся земля наша въслави Христа съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. Тогда начатъ мракъ идольскый от нас отходити, и зоре благоверия явишася; тогда тма бесослугания погыбе, и слово евангельское землю нашу осия. Капища разрушаахуся, и церкви поставляахуся, идолии съкрушаахуся, и иконы святыхъ являахуся, беси пробегаяаху, крестъ грады свещаше.

Пастуси словесныхъ овецъ Христовъ епископи сташа предъ святымъ олтаремъ, жертву бесквернную възносяще; попове и диаconi, и весь клиросъ, украсиша и въ лепоту одеша святыхъ церкви. Апостольскаа труба и евангельскы громъ вси грады огласи; темианъ, Богу възпущаемъ, въздухъ освяти.

²³⁹ ПСРЛ. СПб., 1857. Т. 7. Стб. 335.

²⁴⁰ Строительство Софийского киевского собора велось, вероятно, в 30-е гг. XI в. См.: *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X–начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. [Электронный ресурс]. <<http://arx.novosibdom.ru/node/1628>>

²⁴¹ Слово «О законе и благодати» – одно из самых ранних (написано между 1037–1050 гг.) и выдающихся произведений древнерусской литературы. Полное название: «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, (а) Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась, и до нашего народа русского (дошла). И похвала князю нашему Владимиру, которым мы крещены были. И молитва к Богу от всей земли нашей».

Манастыреве на горах стаха, черноризьци явишася»²⁴². Если «евангельский гром» – это в большей степени проповедь, которая подобно грому заставляет трепетать сердца людей, то вот «апостольская труба» – своеобразный символ будущего для Руси колокольного звона.

... Ничего религиозного, набожного в услышанном нами мангупском перезвоне не было, никто не тянулся креститься, но все чувствовали прекрасное сочетание колокольного звона, мягкой погоды, неповторимого нигде и никак крымского ландшафта, легкого дымка от костра ... да и мало ли ещё какой мелочи, остающейся для каждого своей, интимной – только для него – стороной жизни. Всё это вместе так удачно связалось меж собой, что впору было хором воскликнуть: «Вот она какая – Гармония!!» Благовест продолжался минут сорок, к нему уж попривыкли, а потом и вовсе перестали замечать, увязши в свои лагерные дела. Но то минутное озарение осталось у всех приятным теплым фоном гостеприимного Крыма. А на вопрос о самом романтическом месте экспедиционники даже по прошествии времени неизменно отвечали – Мангуп.

Митрополит Иларион как предтеча православной геополитики

Вот мы и упомянули Илариона. Какое отношение русский митрополит имеет к Мангупу в частности и к Крыму в целом? Если брать личностно-исторические пересечения, то, пожалуй, никакого, за исключением разве что версии А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова о том, что Иларион под именем Никона принял схиму в 50-х гг. XI в. и уехал в Тмуторокань, где основывал монастырь.²⁴³ Как известно, преподобный Никон²⁴⁴ не только подробно описывает события в таманском регионе, но и активно участвует в политике русских князей, охватывавшей не только северочерноморские земли, но и крымские территории. В этом случае Иларион-Никон мог бывать по делам веры по всему Крыму.

Однако не будем увлекаться сослагательным наклоном в нашей истории, нам более интересно некое сопоставление геополитической неудачи православного полиэтнического княжества Феодоро с геополитической

²⁴² Библиотека Якова Кротова. Иларион. Слово о законе и Благодати. [Электронный ресурс]. <<http://www.krotov.info/acts/11/2/ilarion.htm>>

²⁴³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 423–460; Приселков М. Д. Митрополит Иларион – в схиме Никон – борец за независимую русскую церковь (Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 188–201.

²⁴⁴ Никон (Великий) (ум. 1088 г.) – игумен Киево-Печерского монастыря, летописец. Сведения о Никоне содержатся в Повести временных лет, Житии Феодосия Печерского и в Патерике Киево-Печерском.

же удачей Русского государства. Известно, что Мангуп и его земли, жившие хоть и сами по себе, но под Византийским благочестием, издревле установленным, византийским, «святым» и веками утвержденным обычаем, по византийским законам, не смогли отстоять независимость и канули в лету, оставив на своих стенах такие близкие нам символы – двуглавых орлов.²⁴⁵

А примерно в то же время – рубеж XV–XVI вв. – вместе с бурной централизацией Московского государства рождается известная мировоззренческая концепция «Москва – третий Рим»²⁴⁶, призванная во многом стать геополитической парадигмой для рождающейся державы. Может быть, причиной гибели Феодоро стало отсутствие единой духовной основы в подкрепление дипломатическим и военным связям, или просто исторически не сложилось, вследствие падения Византийской империи? А вот русский митрополит Иларион уже в XI в. оставил нам не только выдающееся древнерусское историко-философское произведение, но и своеобразную программу, которую вполне можно назвать *православной геополитикой*,²⁴⁷ тем самым обозначив вектор развития допетровской Руси.²⁴⁸

В период раннего средневековья философская мысль еще не выделилась в самостоятельную форму знания, но элементы ее в виде различных концепций, оценок, размышлений в немалом количестве рассыпаны по памятникам письменности. Эти элементы, по мнению М. Н. Громова, есть «философия истории, этика, натурфилософия...»,²⁴⁹ т. е. то, что мы обычно называем духовно-практической формой конституирования философского знания. Подобная ситуация сложилась потому, что в Древней Руси не играла сколько-нибудь важной роли схоластика, уступившая место духовно-практическому освоению действительности. Объектом наиболее пристального внимания мыслителей Киевской Руси стал мир истории. Может быть, мы так считаем потому, что имеем возможность держать в руках русские летописи. Мы наблюдаем в Древней Руси не «универсум естественных стихий, а универсум

²⁴⁵ Двуглавые орлы в символике Мангупа появляются после браков местных князей с династией Палеолог в начале XV в. См. напр.: *Герцен А. Г.* Между вторым и третьим Римом // *Московский журнал*. М., 1998. [Электронный ресурс]. <<http://www.rusk.ru/st.php?idar=800045>>

²⁴⁶ Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима» // *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 336–346.

²⁴⁷ Термин «Православная геополитика» был введен в научный оборот А. Г. Дугиным. См., напр.: *Дугин А.* Основы геополитики. М., 1997. С. 389–406.

²⁴⁸ О первой попытке автора осмыслить православную геополитику митрополита Илариона см.: *Кривошеев М. В.* «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона как предтеча православной геополитики // *Россия и мир: опыт и проблемы модернизации*. СПб., 2011.

²⁴⁹ *Громов М. Н.* Философская проблематика в исследованиях по древнерусской письменности // *Философские науки*. 1979. № 5. С. 78.

исторических событий». Исследуя текст Повести временных лет, Е. Н. Сырцова заключает, что Древняя Русь подошла к восприятию христианской книжности, имея уже достаточно развитую устоявшуюся традицию устного языческого любомудрия, называя это «языческой историософией».²⁵⁰ Возможно, использовал такой богатый опыт и митрополит Иларион, творя «Слово о законе и благодати».²⁵¹

Датируется рукопись временем Ярослава Мудрого, а Иларион считается первым из известных нам древнерусских писателей. Он был образованным человеком и выдающимся политическим деятелем. Летописные сообщения дают немного, в частности свидетельствуют, что он был пресвитером церкви в Берестове, был «муж благ, книжен и постник», одним из первых «ископа печерку» в будущем Печерском монастыре.²⁵² В 1051 г. избран собором русских епископов, посвящен и настолован в качестве главы русской церкви в киевском Софийском кафедральном соборе, причем в обход константинопольского патриарха. Я. Н. Шапов предполагает, что Иларион получил высшее образование в Византии и имел возможность познакомиться с Западной Европой, участвуя в посольстве ко французскому королевскому двору (около 1048 г.).²⁵³ После смерти Ярослава, вероятно, последовало удаление Илариона с высокого поста.²⁵⁴

«Слово» Илариона – памятник исторической значимости и сильного эмоционального звучания. Велико было ораторское искусство автора. В житийной литературе стилистические приемы Илариона стали шаблонами. Важно было и эсхатологическое, и сотериологическое звучание. В представлении средневекового мыслителя Бог как конкретная нематериализованная личность мог быть связан с миром лишь посредством «слова», которое оценивалось как модель мира. Считалось, что оно содержит те же материальные и чувственные элементы, какие включает и сама действительность. Наверное, неслучайно Иларион нарек свое сочинение «Словом», полагая, что оно – «текст» Божьего Логоса, а раз так, значит оно действительно верно.

Основной мыслью всего «Слова о законе и благодати» является значимость крещения Руси, принятие истинной православной веры восточнославянскими племенами и «особенная милость Божья к народу русскому»: «Вера бо благодетьнаа по всеи земли простресея и до нашего языка рускааго доиде. И законное езеро пресьше, евангельскыи же источникъ наводнився

²⁵⁰ Сырцова Е. Н. О некоторых особенностях древнерусской философии истории // Исторические тенденции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984. С. 125–126.

²⁵¹ Подробнее об историософской концепции митрополита Илариона см.: Кривошеев М. В. К вопросу об историософии митрополита Илариона // Вестник Удмуртского университета. № 2. Ижевск, 1995.

²⁵² ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 155–156.

²⁵³ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 193.

²⁵⁴ Более подробно см., напр.: Розов Н. Н. Иларион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI–первая половина XIV в. Л., 1987. С. 198–202.

и всю землю покрывъ, и до насъ разлиася ... »²⁵⁵ С крещением над мозаикой племенных этносов и обычаев оказался воздвигнут «словоцентрический храмовый комплекс». Во всех странах, куда этот храмовый ансамбль приходил, быстро начинали распространяться искусства, порождая национальные, местные литературу, музыку, живопись, архитектуру. Но самое важное, «что в храмовом пространстве невидимые, но прочные барьеры между разноплеменниками, своего рода стены родовых крепостей начали растворяться, исчезать.²⁵⁶ Христианизация способствовала распаду родовых общин и началу образования на их месте русского народа. Постепенно умирали племена – рождался народ, как по апостолу Петру: «Некогда не народ, а ныне народ Божий!» Начавшееся с христианизацией чудо этногенеза было прекрасно видно и Илариону, и его современникам. Иларион уже возносит молитву к Богу «от всеа земля нашеа», где «земля» – по сути больше интерпретируется как народ, также и у Нестора, вопрошавшего в Повести временных лет: «Откуда есть пошла Руская земля ... откуда Руская земля стала есть».

Народ – понятие геополитическое – этнос, вступающий в Историю с большой буквы, это общность, которая характеризует не только начало, но и будущее, с учётом того, что народ – система открытая не только для восточных славян. Как у автора «Слова»: «И уже не идолослужителе зовемся, но христиании, не ещу безнадежници, но уповающее в жизнь вечную».

Перед лицом веры Иларионом провозглашается своеобразное социальное равенство, гомология культуры, то, из чего будет соткана жизнь русского общества вплоть до XVIII в.: «... и всемъ быти христианомъ малым и великимъ, рабомъ и свободным, уным и старым, бояромъ и простым, богатым и убогимъ». Известно, что в период Древней Руси не существовало разделение в культурологическом плане, что связывалось в большей степени социально-экономическим и социально-политическим своеобразием восточнославянской ойкумены. Во многом это обеспечивало, а с принятием христианства усилило общий социальный знаменатель.

Раскладывая по частям всю ткань «Слова», Д. С. Лихачев, как и М. Н. Тихомиров, считают основной темой *равноправие народов* (вытекающее из сопоставления двух Заветов) и *прославление русского народа* среди других. Была отчетливо выражена мысль, что Иларион «в сущности, давал философское объяснение всему ходу всемирной истории с точки зрения победившего христианства», признавал за ним право называть Христову благодать интернациональной религией, ведшей к равноправию народов.²⁵⁷

²⁵⁵ Библиотека Якова Кротова. Иларион. Слово о законе и Благодати. [Электронный ресурс]. <<http://www.krotov.info/acts/11/2/ilarion.htm>>. В дальнейшем ссылки на текст обозначаться не будут.

²⁵⁶ Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. С. 98.

²⁵⁷ Лихачев Д. С. Литература конца X–первой половины XI в. // История русской литературы. М., 1958. Т. 1. С. 42; Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 132–142.

Интересная мысль «высказана И. Я. Щипановым, считающим лейтмотивом «Слова» призыв к объединению восточнославянских народов в единое государство.²⁵⁸ Владимир действительно распространял православие если «не с любовью, то со страхом» по всей подведомственной земле. Иларион это признаёт и оправдывает, поскольку видит в этом *эсхатологическую миссию складывающегося русского народа*. Более того, все завоевания его предков: «старого Игоря», «славного Святослава», тоже легитимизируются в его проповеди и подлежат не осуждению, а прославлению и поминанию, «ибо не въ худе бо и неведоме земли владычствоваша, нъ въ Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли». И Олег, и Игорь, и Святослав как бы очерчивают будущие направления русской геополитики. Православное христианство привносит в процесс завоевания и покорения толерантность, чему и следует придерживаться.

Илариону принадлежит обоснование собственной концепции развития истории, заключающейся в смене форм религий. Противопоставляя Новый и Ветхий заветы, Иларион приходит к выводу, что они противоположны и исключают друг друга. Закон несовместим с благодатью, как тень с истиной, поскольку закон утверждает, а Благодать просвещает. Здесь – идея развития, изменения человеческого разума, совершенствование человеческих отношений. Благодать как истина светит всем, а не какому-либо одному народу. Она – достояние всех и по всем показателям несравненно лучше Закона. Однако Иларион принимает всё как есть, вернее – как было. Если был Закон – значит, так было необходимо для Благодати, для новой формы существования людей. «Закон бо предтеча бе и слуга Благодати и истине; истина и благодать – слуга будущему веку, жизни нетленной». Сама Благодать – этап для будущего века. Закономерен также «этап закона» на Руси, т. е. язычество. Иларион это понимает и с достаточным тактом пишет о ее прошлом. Благодать – всего лишь слуга будущему веку, но, чтобы дойти туда, необходимо заслужить «нетленную жизнь» хотя бы принятием христианства, ибо каждый христианин мог стать сыном и причастником Бога.

Иларион выводит два различных принципа общественного устройства. На первом – «Законе» – основывается подчинение народов друг другу, на втором – «Благодати» – их полное равноправие. Поскольку Киевская Русь – общество «Благодати», Иларион стремится теоретически обосновать государственную самостоятельность и международную значимость Русской земли, отвергая претензии на старшинство Византии, как принявшей христианство значительно раньше Киева. Это весьма важное и судьбоносное наблюдение Илариона. Кроме того, он сравнивает Владимира не только с императором Константином, но ставит в один ряд с апостолами: «Хвалит же похвальными гласами Римская сторона Петра и Павла; ... Патмос – Иоанна Богослова; Индия – Фому; Египет – Марка ... Похвалимъ же и мы, по силе нашей, малыми

²⁵⁸ Щипанов И. Я. Философская мысль в России IX–XVIII вв. // Краткий очерк истории философии. М., 1981. С. 152.

похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера...». Подобная похвала – не только пример добрых дел, но и политическая сторона «Слова». Это выражало в первую очередь антивизантизм княжеской власти, ее противодействие экспансионистским замыслам Константинополя.

В этом смысле Иларион был единомышленником Ярослава Мудрого, боровшегося за политическую и идеологическую независимость Киева. Само поставление «русина» собором епископов на пост главы русской церкви – ярчайшее свидетельство сложившегося светско-духовного симбиоза Ярослава и Иллариона. Многие строки, посвященные Иларионом величию Руси, вытекают из понимания смены язычества на истину. После того как «дождь благодатный обросил» «языки русские», Русь, познав Истину, получает свободу и от «Закона», и от Византии. Поскольку нет избранных народов во Христе, то все равны. Не замыкаясь в рамках одного русского народа, Иларион как бы противопоставляет античному миру новый мир, представленный народами, которых греки высокомерно третировали как «варваров».²⁵⁹ «Слово», как и само поставление Илариона на митрополичий стол, не являлось разрывом с православными патриархами и «благочестивым греческим законом», но было только стремлением избежать «вражды и лукавства, яко же беша тогда».

Время Ярослава Мудрого – время расцвета древнерусской культуры, прежде всего письменной. В 1037 г. князь Ярослав, «собра писце многы», организовал перевод и переписку книг, создавая первую русскую библиотеку. Среди мужей книжных и «смысленных», вероятно, был и Илларион, «мних и пресвитер».²⁶⁰ «Смысленность» и «мудрость» – это способность мысленно погрузиться в самого себя, постичь смысл и предназначение своего бытия. Носителем такого типа «смысленности» представляется Иларион. С чрезвычайными симпатиями рисуется образ Владимира не только потому, что, крестившись сам, он «заповеда» всем креститься, а большей частью потому, что «благоверие его со властью сопряжено». Иларион верно уловил связь «благой веры» с идеей власти князя и предвосхищает через века идею монархии в России. Как окажется впоследствии единственно возможной в условиях противостояния двум мирам: Западу и Востоку. Именно в ней он видит панацею от многих бед на Руси и пытается показать ее историю как историю князей от Игоря до Ярослава. Иларион является носителем монархической традиции, но будучи весьма последовательным, он видит своеобразие монархической власти на Руси в сходстве её с византийской моделью православной монархии.

Собственно политическая модель византийской империи начинается с покорения Византии и основания «нового Рима» Константином в 324 г. Им-

²⁵⁹ Д. С. Лихачев обнаруживает первый случай критики византийской концепции на Руси в сочинениях митрополита Илариона: *Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси*. М.; Л. 1945. С. 24–25.

²⁶⁰ ПСРЛ. 1997. Т. 1. Стб. 151–152.

ператор стремился сделать христианство государственной религией, поощряя строительство церквей. Постепенно христианские общины сближались друг с другом в «соборном общении» и образовали иерархическую структуру, через которую Константин мыслил управлять и поддерживать порядок в стране. Однако в полной мере сила государства и духовная сила церкви были объединены на принципе «симфонии властей» позже.²⁶¹ Основные идеи и принципы её отражены главным образом в актах императорского законодательства Византийской империи. В преамбуле к 6-й новелле императора Юстиниана сформулирован самый принцип симфонии властей в православном царстве: «Величайшие блага, дарованные людям высшею благостью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство) заботится о божественных делах, а второе (царство) руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни на земле. Потому ничто не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу».²⁶²

Вряд ли случайным у Илариона выглядит пафосное сравнение киевского князя Владимира и императора Константина: «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристоролюбче, равночестителю служителемь его!» Но особое внимание заслуживают другие строки: «Онъ съ святыими отци Nikeискааго Събора закон човекомъ полагааше, ты же съ новыми нашими отци епископы сънимаяся чясто, съ многымъ съмерениемъ съвещавашеся, како въ человецехъ сихъ ново познавшихъ». Образ симбиоза властей светского и духовного начала не случайно заботил Илариона. Во-первых, потому что в условиях начального становления православия на Руси такой симфонии, как собственно и княжеско-монархической, в полном смысле этого звучания, власти просто не было,²⁶³ а во-вторых, потому что отношения Илариона и Ярослава Мудрого в личностном варианте были к этому близки. Они были единомышленниками во многих вопросах, и не случайно Иларион стал митрополитом с подачи киевского князя.

Кроме того, Иларион видел, что единственный выход для распадавшейся на части Руси – объединение под властью полянского князя, централизация, необходимая для территориальной целостности Русской земли. Подобная мысль неоднократно встречалась в других произведениях, будь то «Слово о полку Игореве» или «Повесть о разорении Рязани Батыем». Иларион в споре отстаивает монархический принцип правления. Оппонентом ему в

²⁶¹ *Поснов М. Э.* История Христианской Церкви. Брюссель, 1994. С. 440–445.

²⁶² *Никодим (Милаш), епископ Далматинский.* Православное Церковное Право. СПб. 1897. С. 681; *Смолин М. Б.* Тайны русской Империи. М. Вече. 2003. С. 28.

²⁶³ Политический строй Киевской Руси, где княжеская власть еще не стала суверенной, поскольку рядом с ней существовала олицетворяемая общинная власть. Да и сам князь в некотором роде являлся носителем общинной власти (*Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995).

данном вопросе выступал Нестор-летописец, отстаивавший другую доктрину – династическое княжение. Он практически благословлял разрушение собранного силой оружия полянского племенного союза. Нестор, видимо, понимал, что отдельные части Руси будут с большим рвением укоренять христианскую веру, стремясь не уступить в этом отношении Киеву.²⁶⁴ Один из крупных историков церкви Макарий соглашался с тем, что «дробление (распад на части – земли. – М. К.) имело добрые последствия для церкви. Князья заботились каждый об утверждении веры в своем уделе, открывали епископские храмы, давали средства содержания духовенству. Таким образом, семена веры и благочестия могли укорениться в самых отдаленных уголках России».²⁶⁵ Кто был прав – показала история.

Принимая христианство из Византии, Русь попадала в православное пространство, отделяясь демаркационной линией от пространства католического. Деление между православным, восточно-христианским миром и миром западно-католическим не является исторической случайностью. Причины раскола демонстрируют фундаментальный дуализм и, следовательно, несут в себе элементы геополитического характера. Эти два упомянутых христианских пространства насыщены сугубо своими политическими, экономическими и культурными интересами, и хотя разницу между собой они только оформили в 1054 г., она ощущалась и ранее.

Начавшееся с IV в. с перенесением столицы на Восток воздействие латинского просвещения на эллинистическое образование привело в V в. к взаимному национальному обособлению. Сначала недовольство между римлянином и греком выразилось в нежелании первого знать язык второго, впоследствии «разделение языков» привело к взаимному непониманию в мыслях, идеях и духовному своеобразию в дальнейшем. После разделения Римской империи на восточную и западную части и завоевания Рима варварами в 476 г. западная часть утрачивает римскую государственность, а восточная продолжает существовать под именем Византии. Но гордыня «ветхого» Рима не давала покоя римскому епископату и мешала признать равными епископов Второго Рима. В 800 г. происходит серьезная политическая рокировка. Римский папа Лев III в стремлении к независимости и усилению своего влияния на светскую власть вместо признания византийского императора коронует «своим императором» французского короля Карла Великого, что положило начало «Священной римской империи», претендовавшей на преемственность от Рима и соперничавшей в этом с Византией. Параллельно политическому обособлению римские папы вносят изменения в некоторые догматы, ранее принятые Вселенскими соборами. И в 1054 г. папа Лев IX и папа Михаил Кируларий предают друг друга анафеме.²⁶⁶

²⁶⁴ См., напр.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418.

²⁶⁵ Макарий. История Русской церкви. СПб., 1868. Т. С. 6–7.

²⁶⁶ *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви. Брюссель, 1994. С. 529–552.

Эти изменения привели к христианскому дуализму. В крайних суждениях Восточная церковь становится «Удерживающей от прихода антихриста», а Западная «апостасийной» (отступнической). Главные теологические формулировки, лежащие в основе окончательно разрыва церквей были следующие.

Во-первых, это спор о «филиокве»,²⁶⁷ то есть о внесении в «Символ веры»²⁶⁸ положения, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына. Издревле в своем учении о взаимоотношениях Лиц Святой Троицы Церковь учила, что Третье Лицо Святой Троицы, Святой Дух, предвечно исходит только от Первого Лица Святой Троицы – Бога Отца. Это учение было основано на словах Христовых, что Святой Дух «от Отца исходит». Эта вероучительная формула была внесена в Символ Веры на II Вселенском Соборе (381 г.). Затем III и IV Вселенские Соборы, подтвердив истинность Символа Веры, запретили делать какие-либо добавления. Однако в 589 г. на местном испанском соборе в Толедо было сделано добавление к Символу Веры, согласно которому Святой Дух исходит не только от Отца, но также и от Сына. Эта вставка стала известной, как «филиокве», и впоследствии стала одной из главных причин отхода западного христианства от Православия. В 1014 г. папа Римский Венедикт VIII окончательно внес его в Символ Веры.²⁶⁹ Это разделение предвосхитило дальнейшее развитие двух типов христианских и постхристианских цивилизаций – рационалистическо-индивидуалистической западной и мистико-коллективистской восточной. Из-за того, что в западной богословской мысли игнорировалось место Святого Духа в жизни Церкви и в замысле Божиим о человеке, Церковь постепенно стала восприниматься как земной институт, устраиваемый и управляемый по принципам мирской власти и юридического права.

Во-вторых, идея верховенства Римского престола и папы не приветствовалась Православием, поскольку противоречила идее языковой автономии поместных церквей и традиционной для восточного христианства предельной свободе в области духовной реализации.

В-третьих, важнейшим аспектом разделения церквей было отвержение Римом святоотеческого учения об Империи, которая является не просто светским административным аппаратом, как хотели бы представить это себе папы, а уже упоминаемой «симфонией властей».

Как человек весьма искушённый в Богословии, Иларион не мог не знать перепитий, совершавшихся на арене христианского мира, а значит, в своём творчестве тоже должен был сделать свой выбор. И он его делает в пользу

²⁶⁷ «qui a Patre Filioque procedit» (Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына).

²⁶⁸ «Символ Веры» – краткое изложение системы основополагающих догматов христианского вероучения.

²⁶⁹ Надо отметить, что современная католическая церковь не придаёт значения «филиокве», считая его несущественной формальностью. [Электронный ресурс] <<http://svd.catholic.by/library/filioque.htm>>

принятого Русью восточного христианства. Апологируя в пользу «симфонии властей» и необходимости национальных языков в миссионерской деятельности, Иларион убедительно и неоднократно защищает истинный Символ веры, Святую Троицу, приняв участие, таким образом, в общем богословском споре двух церквей: «Не съливаю разделения, ни съединения разделяю, съвокупаются несмесно и разделяются неразделне. Отець бо нарицается, понеже не рождень; Сынъ же – рождения ради; Духъ же Святыи – исхода ради, нъ неотходень. Не бываетъ же Отець Сынъ, ни Сынъ Отець, ни Духъ Святыи Сынъ, нъ комуждо свое несмесно суще разве Божества. Едино бо есть Божество въ Троици, едино господство, едино царство».²⁷⁰

Чрезвычайно оптимистичное произведение Илариона «Слово о законе и благодати» подняло крупнейшие политические вопросы своего времени. Суть его историософских, православно-геополитических идей, изложенных в виде проповеди, состояла в следующем.

– В прославлении Русской земли, где утверждалось восточное христианство, поскольку последнее должно вести к равноправию племён и народов, в отличие от иудейских и католических норм. При этом особую эсхатологическую миссию Иларион отводил русскому народу с его складывающейся толерантностью.

– В защите Православия от других религиозных течений, будь то иудаизм или «латины». Теологические положения имели прямой выход и на политику. «Закон Моисеев», который Иларион приравнивает к язычеству, ведёт к подчинению, а «Благодать Христова» – к равноправию. Именно поэтому должно отвергаться старшинство Византии (а впоследствии и других) к Руси. Антивизантизм «Слова» нужно интерпретировать, как стремление видеть русское государство сильным и независимым.

– Независимость Руси прямо связывается с княжеской (монархической) властью и её усилением. Поднимая на щит концепцию монархии, Иларион, являясь свидетелем распада земли Русской, смотрел далеко вперед в историю. Только пройдя горнило раздробленности и тюркского ига, русские люди пришли к осознанию правильности данной мысли Илариона.

– Ставя на одну доску единовластие и православие, Иларион не ошибся, понимая и принимая принцип «симфонии властей» как единственно правильный для существования нового православного государства – Руси. В подтверждении этого выбора впоследствии гербом Русского государства становится двуглавый орёл – символ равновеликости светской и духовной властей, пришедший от византийских Палеологов.

Со времени принятия Православия Русь приобщалась не только к византийской культуре, восточно-христианской вере, но и во многом воспринимала ту геополитическую ношу, какую несла Византия, не сразу и не всеми понятую. Особое значение в этом процессе играли древнерусские книжники,

²⁷⁰ Библиотека Якова Кротова. Иларион. Исповедание веры. [Электронный ресурс] <<http://www.krotov.info/acts/11/2/ilarion.htm>>

где роль первой скрипки исполнил первый русский митрополит Иларион, произнесший своё веское «Слово», которое будет услышано в полной мере уже на рубеже XV–XVI вв. не только митрополитом Зосимой²⁷¹, Иосифом Волоцким²⁷², монахом Филофеем, но и властьпредержащими, а также русским народом. Во многом основные положения первого русского митрополита коррелируют с содержанием концепции «Москва – третий Рим»²⁷³. Правда, Иларион не конкретизировал место Руси в преемственности по отношению к Константинополю, поскольку не мог предвидеть падение Восточно-Римской державы от турецко-османского натиска на запад. От османского наступления погибло и княжество Феодоро с его последним оплотом – Мангупом, так похожим на несостоявшуюся малую геополитическую модель Византии в плане противостояния исламу и католицизму и сравнимым в этой модели с более удачливым в развитии Московским государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека Якова Кротова. Иларион. Слово о законе и Благодати. [Электронный ресурс]. <http://www.krotov.info/acts/11/2/ilarion.htm>
2. Герцен А.Г. Между вторым и третьим Римом // Московский журнал. М., 1998. [Электронный ресурс]. <<http://www.rusk.ru/st.php?idar=800045>>
3. Громов М.Н. Философская проблематика в исследованиях по древнерусской письменности // Философские науки. 1979. № 5.
4. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л. 1945.
5. Дугин А. Основы геополитики. М., 1997.
6. Кеппен П.И. Крымский сборник. СПб., 1837.

²⁷¹ Зосима – митрополит Московский с 1490 по 1494 гг. Считался идейным противником Иосифа Волоцкого. Но по иронии судьбы именно он в своем «Изложении пасхалии» ввёл положение о том, что Москва после падения Византии становится градом «нового Константина». А великий князь централизованной Руси в лице Ивана III преображается в «нового Константина» (Памятники древнерусского канонического права. Памятники XI–XV вв. СПб., 1908. С. 795–802.)

²⁷² Иосиф Волоцкий – (в миру Иван Санин) (ум. 1515) – игумен основанного им Волоколамского монастыря, церковный деятель и публицист. Основатель религиозного учения, известного как «осифлянство». По словам Иосифа, Бог, посадив государя всей Русской земли на царский престол, «и суд и милость предаст ему и церковное и монастырское и всего православного христианства всея Русския земля власть и попечение вручил ему». (Просветитель или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1904. С. 632–635.)

²⁷³ Надо признать, что идея вселенской монархии имеет древнее, возможно, иранское происхождение, изложена в книгах древнееврейских пророков, в частности в книге Даниила. Вселенская история до наступления царства Мессии показана пророком как последовательность четырех царств (*Стремоухов Д.М.* Москва – Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 425.)

7. *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X–начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. [Электронный ресурс]. <<http://arx.novosibdom.ru/node/1628>>
8. *Кривошеев М.В.* «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона как предтеча православной геополитики // Россия и мир: опыт и проблемы модернизации. СПб., 2011.
9. *Кривошеев М.В.* К вопросу об историософии митрополита Илариона // Вестник Удмуртского университета. № 2. Ижевск, 1995.
10. *Лихачев Д.С.* Литература конца X–первой половины XI в. // История русской литературы. М., 1958. Т. 1.
11. *Макарий.* История Русской церкви. СПб., 1868. Т. I.
12. *Никодим (Милаш),* епископ Далматинский. Православное Церковное Право. СПб. 1897.
13. Памятники древнерусского канонического права. Памятники XI–XV вв. СПб., 1908.
14. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима» // Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
15. *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви. Брюссель, 1994.
16. *Приселков М.Д.* Митрополит Иларион – в схиме Никон – борец за независимую русскую церковь (Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911.
17. Просветитель или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1904.
18. *Прохоров Г.М.* Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010.
19. ПСРЛ. 1997. Т. 1.
20. ПСРЛ. СПб., 1857. Т. 7.
21. *Розов Н.Н.* Иларион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI–первая половина XIV в. Л., 1987.
22. *Смолин М.Б.* Тайны русской Империи. М. Вече. 2003.
23. *Стремоухов Дм.* Москва – Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002.
24. *Сырцова Е.Н.* О некоторых особенностях древнерусской философии истории // Исторические тенденции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984.
25. *Тихомиров М.Н.* Русская культура X–XVIII вв. М., 1968.
26. *Фадеева Т.М., Шапошников А.К.* Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2005.
27. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
28. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908;
29. *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
30. *Щипанов И.Я.* Философская мысль в России IX–XVIII вв. // Краткий очерк истории философии. М., 1981.

Россия и Средняя Азия

Геополитические очерки

От Мерва до Санкт-Петербурга

1 января 1885 г. постановлением генгеша (собрание народных представителей) г. Мерва, несмотря на активные противодействия Великобритании, был решен вопрос о его присоединении к России. Фактически завершился рост территории Российской империи, последний этап которого связан со Средней Азией. Обширные территории, от Каспийского моря на западе до Китая на востоке, от приаральских степей и Сибири на севере до горных кряжей Памира, Гиндукуша и Тянь-Шаня на юге, активно вошли в сферу геостратегических интересов северной державы – государства, положившего в основу своей геополитической доктрины континентальное расширение своих владений. В данном случае это принесло значительные плоды. Наступило время смягчения англо-русского антагонизма, длившегося на протяжении почти целого века и связанного с этим процессом безопасности юго-восточных рубежей России.

Россия как империя вместе с подчинением Средней Азии взяла на себя и большую ответственность за те процессы, которые будут там происходить по мере включения новых территорий в орбиту своих политических и экономических интересов. Между тем финансово-хозяйственные выгоды российская казна стала получать не сразу. Связывалось это не только с экономической отсталостью бывших феодальных монархий, но и со своеобразием уклада жизни среднеазиатских народов, столь бурно влившихся в общий процесс развития многонационального государства.

Кроме геополитических и экономических результатов, Россия получила еще и первый серьезный контакт с исламским миром, не периферийными мусульманскими регионами Кавказа или Поволжья, а с одним из исторических центров ислама, столицей которого считался Самарканд. Таким образом, Средняя Азия для России становится не просто еще одной территорией в составе империи, а неким срединным звеном в контакте цивилизаций, давшим не только возможность обмениваться товарами, но и культурными ценностями. Существует мнение, что Средняя Азия для России это тоже самое, что и для Александра Македонского или для Наполеона Бонапарта – стремление к мистическому воссоединению утраченного единства со своими историческими корнями, со своим индо-европейским истоком.²⁷⁴ Собственно, для России Средней Азией все и закончилось. Попытки добраться до Индии, еще теплившиеся в начале XVIII в., угасавшие при Александре I, совсем стали нереальными в XIX в.

Вместе с тем приближение к «истокам», проходившее для России сложно, неоднозначно, временами трагично, хотя и не было никогда главной геополитической задачей России, сыграло несомненно положительную роль как для нее, так и для народов Средней Азии, по разным причинам тяготевшим к северному соседу более, чем к кому-либо.

²⁷⁴ Шукуров Р. По дороге в Индию // Родина. № 10. 1995. С. 15.

Весь путь соприкосновения и взаимоотношений России и Средней Азии в хронологическом порядке можно разделить на ряд этапов. Древний – относится ко времени расцвета Хорезма и строительства Древнерусского государства. После чего наступает длительный перерыв в межгосударственных общениях, вызванный общей для обеих сторон бедой – монголо-татарским нашествием. Новая волна взаимных интересов начинается с рубежа XV–XVI вв., характеризующаяся торговыми и посольскими связями, ставшими возможными вследствие продвижения русской колонизации в Сибирь и овладения русскими главной водно-торговой артерии – Волги – на всем ее протяжении. С начала XVIII в. к названным задачам со стороны России прибавляется еще одна – путем вовлечения в свою геополитическую орбиту ханств Средней Азии решить проблему защиты своего южного подбрюшья. Это желание ослабевает, когда угроза становится менее явной, а обстановка в Прикаспии стабилизируется. Данный период совпадает с эпохой дворцовых переворотов в России.

XIX в. вносит свои коррективы. Все ухудшающиеся возможности торговли, непрекращающиеся распри как язва, поглощающая население Средней Азии и появление в североиндийских землях достойного имперского конкурента – Великобритании, заставляет Петербург активизировать свою политику на юго-востоке, закончившуюся подчинением Средней Азии и принесшему туда относительный покой, лакмусовой бумажкой которого стал стремительный рост населения в регионе.

«И пришли послы их в Хорезм»

Хорезм – один из населенных и цветущих оазисов Средней Азии – в период становления древнерусской государственности отличался не только известными всему миру учеными, такими как, например, математик Абу Джафар ал Хорезми или «Да Винчи» Востока – Абу-р-Райхан ал Бируни, но и крепостью государственных устоев. В немалой степени этому содействовали миссионерство мусульманства там, где его не было, и активная торговая деятельность хорезмийских купцов. Ареной этой деятельности в X в. в числе многих территорий становится и Поволжье, а через него – обширный славянский мир. Именно рост торговли с Восточной Европой выдвинул на первое место в Хорезме город Ургенч, именуемый в русских летописях как «Орначь», крайний северо-западный форпост хорезмийской цивилизации. В Ургенче, по свидетельству арабских источников, кипела самая разнообразная торговля: от изысканных тканей до шкурок соболей, белок, горностаев, от рабов-славян до лесных орехов и березовых изделий. Вероятно, изделия, очень созвучные деятельности русских, привозились из Древней Руси. По свидетельству Плано Карпини, Ургенч посещался русскими купцами в XII–XIII вв. Торговля с древнерусскими землями приносила восточным купцам немалую выгоду, поскольку товары «из славян» приобретались за малую цену. Вместе с тем в городах Древней Руси оставалась «монета»,

«деньга»), о чем свидетельствуют многочисленные клады восточных монет, найденные на территории Руси. В восточную Европу нередко отправлялись караваны и из Хорезма, причем торговая фактория хорезмийцев существовала и в Итиле, и в Булгаре. Постепенно в качестве товара стала выступать и военная сила – воины. В X в. Хазарский каган имеет в своем войске до 10 тысяч хорезмийских наемников-мусульман, составлявших цвет его тяжело вооруженной конницы. Ибн-Хаукаль сообщает о походах хорезмийцев за пределы Волжской Булгарии, откуда они возвращались с добычей и рабами. Впрочем, ни суровый хазарский царь, ни диковинные воины не остановили закаленную в боях пехоту киевского князя Святослава, наголову разгромившего под Саркелом хазарское войско. Святослав сабельным ударом проходит вниз и вверх по Волге, покоряя как саму Хазарию, так Волжскую Булгарию. Но расширив территории на востоке, легендарный князь ушел расширять границы на западе, лелея мысль о столице в Переяславце на Дунае. Плоды святославовой победы не были закреплены, чем и воспользовался Хорезмшах.²⁷⁵ И когда в 985 г. киевский князь Владимир идет на Волжскую Булгарию, то сталкивается не только с булгарами, но и с хорезмийцами, что послужило причиной скорого заключения мира.

Хорезмийцев в русских летописях, часто связывая их с булгарами, называли хвалиссами, причем море, к востоку от которого располагался Хорезм, на Руси, после разгрома Хазарского каганата, устойчиво называют Хвалиским (Хвалимским).

Так своеобразно скрещивались судьбы народов, разделенных на то время не одной сотней километров, казалось бы, не имея никакого общего интереса кроме торговли. Тем не менее такой взаимный интерес был или мог быть. Крупный врач – естествоиспытатель XI–XII вв. – Шараф ал-Заман Тахир Марвази создал научный трактат, в котором имеются сведения о славянах (русах) IX–X вв. Ал-Марвази, считая их воинственным народом, имевшим меч единственным средством добывания средств для своего существования, замечает, что по принятии ими христианства религия притупила их мечи, двери добычи закрылись, приведя их к нужде и бедности. И чтобы позволить себе совершать, как прежде, разбои и набеги, вернуться к прежней жизни, решили они послать послов к правителю Хорезма. «И пришли послы их в Хорезм, и сообщили послание их, и обрадовался хорезмшах решению их обратиться в ислам. И они люди сильные и могучие и идут пешком в далекие страны для набега ... и захватывают суда и грабят имущество и путешествуют в Кустантинию по морю Понтус». На первый взгляд это свидетельство кажется неверным, но так ли все на самом деле? Аналогичные ал-Марвази сведения встречаются в арабском «Сборнике анекдотов» XIII в., принадлежащем перу Мухаммеда аль-Ауфи. Он сообщает о посольстве князя Буламира в Хвалиссы (Хорезм) с целью испытания мусульманства и о посольстве на Русь

²⁷⁵ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 250.

мусульманского имама для обращения русских в магометанскую веру. Нам знакомо и другое произведение – Повесть временных лет, рассказывающая легенды об испытании вер князем Владимиром. И арабские, и древнерусские источники нельзя ни отвергать, ни принимать абсолютно. Эти литературные повествования построены по схеме учительных произведений, имевших целью склонить читателей, уверив их в праведности именно своей религии, или к мусульманству, или к христианству. В средневековой литературе часто в трафаретные формы вкладывались события, которые могли реально иметь место.

В действительности, 80-е гг. X в. были судьбоносными для многих народов. На Руси приняли христианство, а, например, печенеги в это время принимают ислам из рук хорезмийских миссионеров. В Киеве времен Владимира имелись различные религиозные общины и велась проповедь различных вероучений, поскольку славянское язычество отличалось веротерпимостью. Выбор веры на Руси не был процессом однозначным, никто не был уверен, что Русь обязательно станет православной, несмотря на значительное влияние Византии. Аналогичное влияние могло быть и со стороны мусульманского Хорезма. Останься Святослав на Волге, «русские подчинились бы мусульманской культуре. Святослав пожертвовал бы Киевом для Итиля, как потом пожертвовал им для Переяславца».²⁷⁶ Неудачный поход Владимира на болгар в 986 г., приведший его в непосредственный контакт с мусульманским миром, определил, возможно, дальнейшую – европейскую – направленность его внешней политики.

Вместе с тем не может ускользнуть от внимания общая судьба Хорезма и древнерусских земель в последующие века. Первый погиб, не выдержав напора полчищ Чингис-хана, другие попали в более чем двухвековую зависимость Золотой Орды. Несмотря на превратности истории, начиная с XIV в. государства возрождаются на новой основе и находят впоследствии причины для обоюдовыгодных отношений.

«А от Хвалимского моря до Синего на солнечный восход 250 вёрст»

На исходе своего непростого правления в 1533 г. государь Московской Руси Василий III Иванович принял «гостей индейских», прибывших в Москву с товарами и предложениями о торговле, а также, чтобы между их «индейским» правителем и великим князем установить «братские» отношения. Отнесшись с благожелательностью к возможности торговать, «о братстве к нему, индейскому государю, великий князь не приказал, потому, что не ведает его государства».²⁷⁷

²⁷⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 359.

²⁷⁷ Уляницкий В. А. Сношения России со Средней Азией и Индией // ЧОИДР, 1888. Кн. III. М., 1889. С. 146.

Занятый борьбой за централизацию русского государства с братьями, а также отягощенный отсутствием наследника, разбирательством в церковных кругах и сложной обстановкой в отношениях с Крымским и Казанским ханствами, Василий III вряд ли задавался целью обратить внимание в своей внешней политике дальше Волги и Дона. Его отказ можно объяснить не только болезненным отношением ко всякого рода недостойным его родственным связям, могущим нанести ущерб его авторитету, но и незнанием положения дел не только в Индии, но и в Средней Азии.

Слабость отношений с Востоком определялась как раз тем, что ключевые торговые, а вместе с ними и посольские пути не находились в руках крепнувшей русской державы. Их приходилось отвоевывать. Покорение Казанского и Астраханского ханств, овладение торгового пути по Волге Иваном IV не замедлило сказаться на возможности освоения новых земель и развитии торговли со странами Востока. Уже в 1557–1558 гг. владельцы Хивы, Бухары и Самарканда прислали к Ивану Васильевичу послов челом бить о дозволении своим купцам приезжать для торга в Астрахань, что и было разрешено. Впоследствии право торговать было перенесено и в другие русские города. Начиналось постепенное движение по линии: государства Средней Азии – Россия, принесшее кроме торговых выгод еще и новые сведения о доселе неведомых странах и путях, о народах их населяющих. В XVI–XVII вв. идет сбор информации о реальных и потенциальных соседях России на юго-востоке.

Один из любопытных памятников начала XVII в. «Книга Большому Чертежу»²⁷⁸ дает нам представления о географии не только Московского государства, но и о территориях сопредельных с ним, в том числе о Средней Азии. В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., использовались более древние – времен Ивана Грозного и Бориса Годунова – региональные чертежи. Там приводятся удивительно точные для того времени описания о верстовых расстояниях некоторых местностей Средней Азии. Так, расстояние от Каспийского моря до Аральского по «Книге» определяется в 250 верст. Наименьший маршрут по современной карте, учитывая нынешние берега, составит около 300 километров, что приравнивается к 267 русским верстам. Не слишком большая разница.

Представления «Книги» о географии Средней Азии гораздо более обширны и правильны, нежели таковые же в Европе. Европейские путешественники пользовались классическими сведениями времен Птолемея, древнегреческого географа, автора «Географии руководства». В результате Европа не была обременена знаниями о существовании Аральского моря. Легендарный Оксус (Аму-Дарья) направлялся только в Каспий и служил ориентиром для западных картографов. Но без Аральского моря карты были ошибочны.

²⁷⁸ Книга Большому Чертежу. [Электронный ресурс] <http://www.gramotey.com/?open_file=1269051398#ТОС_id395737>

Надо сказать, «Книга» тоже учитывала труды европейских географов, возможно, поэтому в ней встречаются запутанные сведения. Например, получалось, что из Арала вытекала р. Арзан в направлении к Хвалимскому морю. Однако известно, что ни одна река из Аральского моря не несет своих вод на запад. По этому поводу имеется оригинальное объяснение самарского купца Д. Рукавкина, ездившего с торговой миссией в Хиву в 1753 г. Он пишет, что наблюдал высыхающую речку, текущую из Аральского в Каспийское море, но ранее она была не менее десяти сажень и завалена хивинцами «по опасности от разбойника Степана Разина».

Камнем преткновения для русских путешественников и военачальников стал вопрос о старом русле Аму-Дарьи, направленном в Каспийское море. «Книга» описывает и это: «От Ургенча до Хвалимского моря по старому руслу Оксуса более 600 вёрст». Считалось, и это подтверждалось легендами туркмен, что ранее Аму-Дарья действительно текла в Каспий, но примерно в XVI в. русло хивинцы завалили массами песка, отчего направление изменилось в сторону Арала. К XVI в. относится и пересыхание Саракамышского озера, послужившее началом активной миграции туркменских племен. Все эти сведения вместе с гипотетической возможностью пустить Аму-Дарью по старому руслу и открыть водный путь на восток вплоть до Индии привели вначале к трагической гибели в 1717 г. экспедиции А. Бековича-Черкасского, а затем к длительной полемике как в правительстве и в прессе, так и среди ученых, не стихавшей вплоть до второй половины XIX в.

«Книга Большому Чертежу» дает географическое описание пространства до рек Ишими и Сарыаз, до гор Улу-Тау и Кара-Тау, и на юг до Ташкента, Самарканда, Бухары и Куня-Ургенча, то есть о том, где по всей вероятности побывали русские люди. И можно заметить, что регион этот не так мал.

Растущий интерес к Востоку подгонял правительство России к совершенствованию представлений о нем. В 1696 г. С. Е. Ремезову приказано было составить Чертежную книгу Сибири, куда вошла и карта Средней Азии. Большая заслуга в систематизации географических и отчасти этнографических данных принадлежит В. Н. Татищеву, который и открыл для науки «Книгу Большому Чертежу». В. Н. Татищев продолжил дело, начатое известным Указом 1724 г. Петра I о «разсылании» по всей империи статистических вопросов. На основании ответов с мест под руководством Я. В. Брюса должно было составляться географическое описание России. Ответы на запросы правительства начали поступать после смерти Петра I, и дело бы заглохло, если бы за него не взялся секретарь Сената И. К. Кириллов, занимавшийся составлением Атласа Российской империи. Данную работу он не оставлял на посту начальника Оренбургской экспедиции вплоть до своей смерти в 1737 г. Став его преемником на государственной службе, В. Н. Татищев Указом Кабинета министров в 1737 г. стал выполнять поручение по составлению

ландкарт России.²⁷⁹ Вдумчивый и скрупулезный ученый, Василий Никитич использовал обширный материал не только по России, но и имеющийся на то время по среднеазиатскому региону. Тщательно анализируя известия, стекающиеся к нему в Оренбург, он впервые, пожалуй, критически отнесся к географическим данным предшествующих лет. Применил он и воспоминания шведов, сопровождавших экспедицию Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 г., сообщенные Филиппу Таборгу (Страленбергу), шведскому географу, знакомому В. Н. Татищева по работе на Урале. В «Лексиконе российском, историческом, географическом, политическом и гражданском», написанном В. Н. Татищевым в 30–40-е гг. XVIII в. можно прочесть: «Меж Аральским и Каспийским морем ранее разницы не было и древние географы все погрешили». Высказался он и по поводу старого русла Аму-Дарьи: «Сию басню кто доподлинно вымыслил и князя Бековича-Черкасского прельстил, неизвестно, и он сие поверя, Петру Великому за истину доносил».

Внеся лепту в географическую науку, Татищев лаконично рисует этнографические штрихи к портрету народов, обитающих южнее Оренбурга. Он делит их на бухарцев малых и больших, хивинцев и узбеков, определяя, например, что «бухары прежде имели особый язык, но пришед под власть татар, язык и закон магометанов приняли». В отличие от многих путешественников, относящих среднеазиатов к «народу дикому», Татищев с уважением пишет об их древнейшем происхождении.

Вместе с тем приведенные выше источники не давали полного представления ни о политическом, ни о географическом состоянии государств Средней Азии к середине XVIII в. Русское правительство учитывало данное обстоятельство и поэтому еще с XVII в. каждому посольству или каравану, отправляющемуся в ханства, предписывалось не только о товарах и ценах на них расспрашивать, но и «что интересного замечено будет, всё описывать, больше обращая внимание „кто с кем в дружбе состоит, а кто в ссоре”, а также какие реки „откуль начинаются и куда текут”».

«А там без всяких правил правительства»

Фраза петровского посла Ф. Беневини, вынесенная в заголовок, как нельзя лучше отражает то политическое состояние, в котором пребывали земли бывших улусов Джучи и Чагатай и которое полно и ясно не могли представить в России. Это и немудрено, поскольку Средняя Азия на протяжении XVI–XVIII вв. являла собой арену острых схваток за политическую власть и территории.

В начале XVI в. дешт-и-кипчакский хан Шейбани сумел овладеть Моверанахром, Хорезмом, районами за Аму-Дарьёй. Победы кочевых узбеков объяснялись значительной экономической слабостью Тимуридов, центро-

²⁷⁹ Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по географии России // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 12.

бежными тенденциями в их государстве. В то же время в Хорасане Сефевидская династия оказала сопротивление наступательности узбеков. В 1510 г. Шейбани-хан погибает под Мервом, а противостояние узбеков и сефевидов породило междоусобные войны, в том числе и среди самих Шейбанидов. Жесткая борьба за власть приводит Ташкентское ханство к самостоятельности, а столицей государства потомков Шейбани становится вначале Самарканд, потом Бухара. Отдельно существовало Хорезмское ханство, прибравшее к рукам туркменские племена, сделав их территории прозрачными, с устойчивыми границами. Кроме того, во второй половине XVI в. основатель династии Великих Моголов Бабур вел борьбу с узбекскими правителями за территории, отчего, вследствие опасности для жизни, в Индию с торговыми миссиями мало кто отправлялся.

Вторая половина XVI в. ознаменовалась еще одной попыткой объединить земли Средней Азии. На этот раз бухарский правитель Абдулла-хан II захватывает Ташкент, Балх, Самарканд, Герат. Перед ним не устоял и Хорезм. Собранные воедино земли вскоре вновь стали независимыми Бухарой, Хивой, Балхом с их казавшимися вечными междинастическими спорами, интригами и войнами, продолжавшимися весь XVII век.

Восемнадцатый век Средняя Азия встречала двумя государствами – Бухарским и Хивинским. Второе из них располагалось по нижнему течению Аму-Дарьи с прилегающими территориями кочевых туркмен. Первое включало в себя Мовераннахр и Ферганскую долину, а южные его границы доходили до Мервского оазиса, но в начале названного века из-под власти Бухары выходят ферганские уделы Ходжент, Самарканд и Бадахшан. К концу века Ташкент в очередной раз становится самостоятельным. Появляется и новое ханство – Кокандское.

Непрекращающаяся борьба за власть облегчала вторжение извне. Часто незванные гости приходили из Персии. В 1740 г. Надир-шаху, покорителю Индии, не составило особого труда захватить Хиву и вторгнуться в Бухару, значительно обеднив их экономику. Но и это еще не были все беды, обрушившиеся на народы Средней Азии. Набеги джунгар и казахов (киргизкайсаков), некоторых туркменских племен, калмыков на протяжении более чем двух веков парализовали торговлю, одну из тех составляющих, которые являлись доходной частью итак неблестящей экономики ханств. Китайские и индийские купцы стали предпочитать окружной путь через Герат и Кандагар пути через Мерв, Зеравшан и Фергану. Опустели древние караванные дороги через Среднюю Азию. На северо-востоке казахи закрыли путь в Китай через Семиречье, а туркмены часто были препятствием торговле через Каспийское море.

В таких крайне неблагоприятных ни для торговли, ни для каких-либо политических союзов условиях для среднеазиатских правителей большое значение приобретало сотрудничество с Москвой. Цели преследовались разные: от традиционной – расширение торговли – до поиска, пусть мимолетной, но поддержки, увеличивавшей международный авторитет России,

чтобы придать вес своей конкретной позиции в очередном среднеазиатском противостоянии.

«А русским купцам обиды всякие творят»

Главным содержанием отношений между среднеазиатскими ханствами и Россией в XVI–XVIII вв. была торговля. Не бывало такого посольства, чтобы речь каким-либо образом о ней не шла. Традиционной формой среднеазиатских послов в их общении с российским правительством становится просьба об установлении «безурывных» связей и, как следствие, «чтоб люди на обе стороны промысел свой имели».

Несмотря на подмеченный англичанином А. Дженкинсоном «малый торг» русских в Бухаре в XVI в., поездки русских купцов имели место, хотя неблагоприятный опыт торговли А. Никитина с восточными странами должен был бы отвращать их от подобных мероприятий. А. Никитин, обобщая результаты своего «Хожения за три моря», писал о дороговизне, отсутствии торговой выгоды, особенно для не мусульман. Но даже если бы православный человек «воскликнул Мехмета», его бы ждали притеснения и грабежи на всем пути. Как своеобразный пророк в коммерции, А. Никитин предвосхитил фарватер сложностей восточной торговли.²⁸⁰

Порой торговые предприятия изобиловали событиями, достойными пера романиста. В 1620 г. в Бухару был послан уже хлебнувший к этому времени лиха в жизни Иван Данилович Хохлов. Его имя связано с известным лицом Смутного времени И. Заруцким, который от своего имени в 1613 г. направлял И. Д. Хохлова в Персию. Тот по пути был несколько раз ограблен, а по возвращении посажен в тюрьму, откуда его востребовали как «специалиста» по восточным делам. Обычно посольства отправляли «для верности» с возвращавшимися обратно послами из ханств, с посольством же отправляли и торговый караван. Эта традиция держалась на протяжении двух столетий.

Отправившись из Астрахани, И. Д. Хохлов «со товарищи» попал в шторм, после чего «бусу (морское малое судно – М. К.) потопило и животишки (товары – М. К.) многие подмокли». «Ехать на восток без подарков – погибнешь» – правило, несоблюдение которого несло различные неприятности, худшей из которых была смерть. После вынужденного купания в Каспийском море, добравшись до Хивинского ханства, посольство было «поймано» местным ханом Араб-Мехметом, который «животы ограбил за то, что через свою землю пропустил в Бухары». В Бухаре Хохлов, одарив в очередной раз местных правителей и заплатив ряд поборов, по поручению царя Михаила Федоровича «выпросил» русских пленников, но стоило ему пуститься в обратный путь, «тот полон в Ургенче отняли, ... торговых людей же животы пограбили». А чтобы впоследствии купцы не повторяли ошибок

²⁸⁰ Хожение за три моря Афанасия Никитина. Летописный извод. Л., 1986. С. 5–17.

в поведении на Востоке, хивинский царевич Авган наставлял их: «И царевич де к ним приказал: будет им подарков не дать, и им быть побитыми так же, как Левонтию Юдину». В чем же заключалась вина одного из первых известных неогоциантов восточного направления Л. Юдина? Оказывается он «был для торгу в Бухарех и в Индии» семь лет и шел через хивинскую землю, где «его де из животов убили за то, (что) в то время дожидался каравана», видимо, никого не одарив.

Ограбили русских купцов в 1646 г. на сумму товаров, оцененных впоследствии в 10 257 руб. Хивинский хан Абулгази не ограничился этим и посадил их в тюрьму, намереваясь продать в неволю. В 1695 г. гость С. Лабазин в челобитной жаловался, что его торговые люди были задержаны в Хиве, «а товары их и верблюдов хан забрал на себя, а людей частью раздарил, частью продал».

Путешествие в неблагоприятные в политическом отношении земли всегда было сопряжено с соприкосновением с системой таможенных пошлин, хотя где проходили границы таковых никто толком сказать не мог. Поэтому во избежание недоразумений с собой брался товар в расчете на «поминки» (подарки). Однако никто не был застрахован от набегов туркмен или казахов, которые, «правил не имаху», откровенно грабили. Грабежу подвергались не только русские караваны, но и среднеазиатские. В. А. Даудов и М. Ю. Касимов, русские послы в Хиву и Бухару в 1675–1676 гг., по возвращении сообщали, что от «трухменцев разбой, и хивинским, и русским торговым людям обиды». В 1737 г. хивинский хан Ильбарс в письме В. Н. Татищеву сообщал: «...доношу, что меж нами каракалпаков и кайсаков (казахов – М. К.) превеликие поселения и караваном ходить невозможно, понеже все грабят». Даже если русские торговцы не подвергались экспроприации «по-хивински» или «по-туркменски» и не проходили через вышеописанные экзекуции, им не всегда сопутствовала удача. В статейном списке И. Федотьев сообщал в 1732 г.: «...от неё (торговли с Хивой – М. К.) русским людям больших прибылей и пожитков не чаять». «Торг в Хиве малой, да и то только по пятницам бывает. Чего ради тут чрез то время ничего и не продали: переехали оттоль в хивинские же владения в город Ургенч и там ничего не продали. Но пошлину за товар заплатить пришлось исправно», – жаловались в 1750 г. русские татары А. Хаямен и К. Назаров. В 1751 г. в Хиве и Бухаре был Ш. Бекметев и по возвращении в Россию доносил: «...в Хиве ничего не продал, а в Бухаре должен был продать за что придется и большей частью в долг, чтобы только товар сбыть. От такого торгу пользы никакой нечаятельно, но ещё и убытку».

На пути к ханствам и в них самих путешественников и торговцев подстерегали порой самые необыкновенные неприятности. Из показаний Муравина в 1741 г. мы узнаем, что люди, видевшие и, не дай бог, трогавшие золотую или серебряную руду, находящуюся якобы в горе Шихтау, заканчивали жизнь закопанными заживо, поскольку хан «боялся, что об этом в других странах

узнают». К счастью, и геодезист Гладышев, и поручик Муравин, ездившие вместе, вернулись живыми.

Восемнадцатый век положения не меняет – редкая экспедиция обходится без убытков. Посланец Петра I Ф. Беневини, слишком задержавшийся на Востоке и вследствие этого изучивший местную жизнь и нравы, писал, что торговля незначительна и упала, поскольку «узбеки распри творят, грабят всех; русские товары на рынках есть, но торгуют ими ногайцы и татары». А в заключении своего послания к правительству пожаловался: «Все хотят меня обобрать». В 1738 г. торговый караван, направленный в Ташкент под руководством Миллера и Кошелева, не дойдя до города несколько вёрст, был разграблен. Русское правительство, напуганное грабежами казенного имущества, в 1742 г. даже временно запретило отправлять караваны русских купцов в Среднюю Азию.

Между тем торговля, подкрепляемая формальными соглашениями между ханствами и Россией, в целом не ослабевала ни в XVII, ни в XVIII вв., постепенно все более привлекая правительство, ищущего в ней конкретные выгоды. В связи с развитием промышленности и в связи с не всегда конкурентоспособностью российских товаров на европейских рынках торговые контакты со среднеазиатскими государствами действительно казались благоприятными. Установление торговых морских путей Европы с Востоком через Индию и Китай отодвигало на второй план европейскую торговлю через Среднюю Азию, что усиливало стремление ханств к развитию таковой с Россией. Взаимовыгодность торговли поддерживалась и как одна из мер поддержания хозяйства для Средней Азии, и как рынок товаров для России. Кроме всего, в Россию доставлялись диковинные восточные товары, и это было единственной возможностью их приобрести по низкой цене. Морской путь подобных редкостей через Европу был равносильно увеличению их цены вдвое, втрое, а, стало быть, не выгоден.

Какие товары привлекали московских государей и купцов? Из Средней Азии везли прежде всего дешевый текстиль, киндяки, использовавшиеся для пошива традиционных для русских людей кафтанов и ферязей, шелк простой, декоративно оформленное холодное оружие, сухие фрукты (изюм, урюк и др.). Русское правительство интересовалась селитра, применявшаяся для приготовления пороха, а также ремень. На торговлю последним, впервые завезенным в Россию в 1653 г., наложили запрет для частных лиц. Невыполнение запрета влекло за собой смертную казнь. Монополия государства на торговлю ремнем, использовавшегося в качестве слабительного средства, имела место уже в 1657 г. Сохранялась она и в XVIII в., о чем свидетельствуют довольно частые указы правительства, ревностно предупреждая браконьеров от коммерции, о возможных наказаниях. Например, в 1704 г. иркутскому воеводе Л. Сенявину было поручено приобрести 300 пудов ремня, а для присмотра и слежения за контрабандной торговлей назначить «ревенных голов».

Правительство России зорко следило за движением привозимых драгоценных камней, а также золота и серебра. В 1739 г., например, было указано

Оренбургской администрации по прибытии каравана из Ташкента «камни и золото, и серебро ... прислать».

Вероятно, из перечисленных товаров наибольшей популярностью пользовалась относительно дешевая хлопчатобумажная ткань («хлопчатая бумага»). Царь Алексей Михайлович пытался даже в пределах России наладить ее производство, для чего в 1666 г. в Астрахань к князю Одоевскому был направлен подьячий Тайного приказа «призвать индейцев мастеровых людей, которые умеют делать киндяки и бязи, да прислать трав марены сто пучков, да ... хлопчатой бумаги по сколько пуд пригоже». Известен и результат сего мероприятия: из всех мастеровых отыскали только бывшего бухарского жителя некоего Кудайбердяйку, осевшего на Волге. В Бухаре он занимался окрашиванием ткани, но вырастить хлопок под Астраханью, по-видимому, не сумел. Таким образом, перехватить инициативу в производстве дешевой ткани не получилось. Приходилось ориентироваться на торговлю. Вместе с наказами русским посланникам предписывалось «доедатца в Бухаре шолку сколько родиться и что какому шолку цена ... и если будет московской цены ниже ... с торговыми людьми договор учинить». Поскольку шелк в торговых рядах в Москве появлялся, то, видимо, такие договоры «учиняли».

По сведениям таможенных книг городов, связанных с внешней торговлей, спектр товаров, вывозимых из России на Восток, был более широким. Значительным спросом пользовались всяческие деревянные изделия – «щепьё», особенно посуда, конская упряжь, кожи различной выделки, мука, гвозди без шляпок, пуговицы и другая одежная фурнитура, мед, воск. Торговля моржовой костью и мехами была монополизирована государством. Самым редким и элитным товаром, использовавшимся более для подарков среднеазиатским владетелям, были соколы – «кречеты», поскольку ханы «де к потехе охоту имеют звериную». Охраной такого товара занималось тоже правительство, всячески запрещая даже возможность купить соколов кем-либо из восточных купцов. По расценкам XVI в., один сокол приравнивался к семи пудам меда, который тоже дешевым не был. Даже в начале XX в. в Бухаре один кречет мог стоить 1000 руб. Было что защищать.

«Русские ведут торговлю в Ургенче, если хотят в Бухаре, если хотят – в Балхе ...»

Несколько торговых путей сообщения и поиски новых, кратчайших, свидетельствует о заинтересованности развития торговли между Россией и Средней Азией.

Кроме двух основных путей – морского и сибирского – существовало, как минимум, еще пять. Древнейший со времен Хорезма путь через Хвалимское (Каспийское) море оставался действующим и эксплуатировался активно на протяжении XVI–XVIII вв. Маршрут его начинался в Астрахани, где специально для этих целей содержался правительством «бусовый флот»

(от слова «буса» – судно, типа поморского «коча»). Бусы курсировали до выдающегося в море полуострова Мангышлак, где расположены удобные места швартовок – так называемые Тюб-Караганские «пристанища» (пристани). Командовал каждой бусой служивый человек или сын боярский, в чье ведение входило: просмотр грамот, проверка товаров. Он же по прибытии на туркменский берег отправлял нарочных («хабарщиков») в Хиву с сообщением, что «пора поспешать на торг». Торг длился около месяца, по истечении которого суда возвращались в Астрахань. По прибытии начальник бусы обязан был выслать вперед лодку к воеводе, чтоб тот распорядился осмотреть привезенные товары таможене, описать, взять пошлины.²⁸¹ Бусовые рейсы совершались два раза в год – весной и осенью. Но такого количества явно было недостаточно, и среднеазиатские купцы неоднократно просили русские власти об их увеличении, стремясь больше своих товаров переправить в Астрахань. Морской путь хоть и считался рискованным вследствие стихии, но был более безопасным с точки зрения сохранности товаров от кочевников. Впрочем, в XVII в. распространились еще и морские разбойники, ходившие в восточные страны «за зипунами». В частности, имя Степана Разина было на слуху среди туркмен и хивинцев. Известно, что для охраны судов царь Алексей Михайлович распорядился построить корабль «Орёл», разрушенный впоследствии тем же Разиным.

Весь путь до Тюб-Карагана мог занимать от двух до восьми дней, дорога от пристаней до Бухары или Ургенча требовала до месяца. В зимнее время предпочитали степной путь, по «последнему насту, как снега большие побудут и лёд на реках не пройдёт». В записке П. Зубову в 1794 г. митрополит Хрисанф, проехавший из Астрабада в Хиву и далее в Астрахань, тоже отмечал зимний вариант пути как наиболее удачный, учитывая, что «зимой удобно доставать воду из выпавшего снега, летом же земля сия почти безводна». Однако год на год не приходился и предпочитавшие зимнее продвижение торговцы могли остаться без всего, вследствие стирания об лед копыт у верблюдов. Степной путь проходил от Волги через верховья Яика в Хиву. После постройки города Гурьева движение торговцев стало оживленней. В одну сторону караван двигался 1,5–2 месяца. Другой степной путь пролегал из Астрахани в Бухару, через Чарджуй, минуя Хиву.

Все степные дороги имели значительное преимущество перед морским путем, поскольку можно было не ограничивать число участников каравана, количество товаров, верблюдов и т. д. Кроме этого, названные дороги были удобны для вьючного или конного транспорта. Колесный не использовался. Но здесь – в приволжских и уральских степях – время от времени хозяйничали калмыки и ногайцы. Выяснявшие меж собой право на обладание данной территорией они безнаказанно грабили караваны. Особенно сильно это ска-

²⁸¹ Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент. 1964.

залось на узбекских купцах, отчего в XVII в. участились обращения к Московскому государству с просьбами о поддержке в борьбе с кочевниками.

Как альтернатива перечисленным торговым путям прокладывались и иные. Известны, в частности, дороги от Казани по р. Орь на р. Иргиз. Впоследствии данный путь пройдет через построенный в 1734 г. Оренбург. Пройдя по высыхающему руслу Иргиза на юг, пути расходились. Один обходил Аральское море по восточному берегу и направлялся в низовья Сыр-Дарьи и в Бухару, другой – вдоль западного берега, попадая в Хиву, затем в Бухару. Оба этих пути были также опасны. Следуя по первому, через горы Эрьтау, можно было встретить далеко не дружелюбных казахов, частенько специально поджидавших караваны. «Эрьтау» так и переводится – разбойничьи горы. Второй мог привести к более лояльным туркменам, но вследствие их службы различным хивинским группировкам и по их приказу, торговые люди могли остаться «без порток».

В XVII в., в связи с освоением русскими людьми бескрайних просторов Сибири, границы России на юг от Урала продвинулись до кочевий казахов и до устьев Тобола и Ишима. Нередко сибиряки хаживали до Ямыш-озера «по соль». Соль там добывалась как «на государя», так и «про себя», и возилась по западносибирским городам. Экспедиции к Ямыш-озеру проходили не всегда мирно и поэтому по пути к нему воздвигались «острожки» и «надолбы», что было характерной особенностью закрепления на местности русских поселенцев вплоть до середины XIX в. Движение «по соль» носило не только торговый, но еще и дипломатический характер, так как у озера наряду с погрузкой соли проходили переговоры и велась торговля с калмыками и бухарцами. Там же действовала летняя ярмарка, так и называемая – Ямышевская, ориентированная на внешний рынок. По значимости она стояла сразу после знаменитой Ирбитской ярмарки.²⁸² Торговцы обычно присоединялись к отправлявшемуся из Тобольска вверх по Иртышу «по соль» каравану «государевых судов», и в течение двух-трех недель, обычно в конце лета, вели торг с подходившими туда среднеазиатскими купцами. После завершения погрузки самоосадочной соли из озера часть русских, а также часть бухарцев отправлялась обратно в Тобольск либо на «государевых дощаниках», либо караванным путем на верблюдах. Среднеазиатские торговые караваны приходили в сибирские города и самостоятельно, обычно осенью, с тем, чтобы проторговать в них всю зиму и весной держать обратный путь. Главная восточная торговля постепенно переместилась из Тобольска в Тару. Часть русских купцов, нерасторговавшихся у Ямыш-озера, следовали к Туркестану, оттуда, пересекая Сыр-Дарью, в Бухару. От Ямыш-озера весь путь занимал в среднем 45 дней, но часто продвижение караванов осложнялось появлением на их пути ойратов. Другие задержки в пути связаны с главной проблемой степных переходов – с водой. Дело в том, что источники и водоемы встречались не всегда, иногда просто пересыхали. Не было другого выхода, как

²⁸² *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века. М., 1987. С. 80.

рыть колодцы. Хорошо, если вода залегала на глубине всего 10–12 метров – такой колодец путем установки сруба рыли один день. Хуже, когда до воды добирались через 60 метров проходки. Из таких глубоких источников воду доставали в кожаных мешках, используя животную силу. Нередко колодцы застаивались и заносились песком. Иногда Среднюю Азию достигали через Персию. Путь длинный, но без кочевников. Обычно этим путем возвращались, пройдя соответственно Бухару, Хиву, Астрабад, в Астрахань.

Восточная торговля манила к себе русское купечество, заставляла преодолевать невероятные трудности, лишения, порой рисковать жизнью. Нередко отправлялись «на удачу», полагаясь на русский «авось», или были отправляемы по «службе государевой». Но зачастую с российской стороны торговля почти прекращалась из-за невозможности ее проводить, и тогда необходимо было принимать меры. Так, в 1754 г. по указу Елизаветы Петровны в Оренбурге формировалась купеческая компания из московских купцов, а для «приохочивания купечества в те края» ... давались привилегии на 15 лет. Подобное поощрение правительства свидетельствовало о вынужденности такого шага, ибо привилегии давались не часто, а, значит, упомянутые московские купцы ради выгоды поменяли спокойствие на риск. Действительно, частный торг со Средней Азией зачастую напоминал по своим результатам плачевную торговую карьеру Афанасия Никитина.

«Ты ж, государь, не веди с моих товаров пошлину имать»

Не только русских купцов пугала перспектива торговых предприятий. Среднеазиатские купцы тоже выражали опасения перед поездкой на север. Дело было не только в страхе быть ограбленным по пути, многие из них просто пугались неизвестности, не имея представления о стране, куда направляются, в том числе и о России. Еще англичанин А. Дженкинсон, будучи в середине XVI в. в Бухаре, отмечал робость местных негоциантов, сомневавшихся, впустят ли их в Россию и выпустят ли, потому что «долгие годы перед тем никто не ездил...» Пришлось англичанину клясться «по своему закону», что в Москве с ними будут хорошо обращаться. Надо сказать, что А. Дженкинсон слово свое сдержал.

Почти через столетие российский купец Ш. Арсланов писал, что многие ташкентцы хотели бы поехать торговать, но боятся военных действий, якобы ведущихся на всей территории России. Между тем первое десятилетие правления Елизаветы Петровны характеризовалось как раз обратным. Арсланов все же убедил купцов в безопасности и сам привел их в Оренбург.

Мало того, что российский рынок был спокойным, правительство в целях развития торговли предоставляло ряд льгот бухарцам и ташкентцам, выражавшихся в уменьшении пошлин. Зачастую у них брали меньше, чем у русских. Только в петровское время протекционизма отечественной торговли обиженные такой несправедливостью «московские гости» – немосковское

русское купечество – обращались за правдой к монарху. Так, в конце XVII в., среднеазиатские купцы были высланы из Москвы и получили право торговать только в Астрахани. Обнародование Торгового устава внесло ясность в позиции российского правительства, вставшего на защиту развития русского предпринимательства. Когда в 1700 г. возник вопрос: брать ли с хивинского посланника пошлины, ответ последовал однозначный: «Взять по торговому уставу сполна!» После данного случая астраханский воевода получил распоряжение о регулировании среднеазиатской торговли «по правилам». Правила заключались в том, чтобы все прибывшие имели при себе соответствующие грамоты с известием, кто, откуда и куда едет, чтобы ни товар, ни людей тайно не провозили. В противном случае запрещалось торговать. А вторично ослушавшихся ждала казнь.

Столь нежеланная перспектива породила вереницу посольств в Россию с заверениями дружбы и, конечно же, с просьбами о снижении, а то и о не взятии пошлин вовсе. Такие просьбы случались и раньше, правильнее было бы сказать – всегда, и стали протокольными в церемониале общения среднеазиатских посольств. Еще царю Федору Ивановичу в 1585 г. жаловался бухарский посол Магмет-Алей, что пошлины лишние берут. Результатом, несмотря на недовольство царя из-за неподобающего обращения «без пригожу», то есть без царского титула, был указ к казанским воеводам о невзятии пошлин с бухарцев и о дозволении купить им воску, меду, вина.

В XVII в., кроме вышеуказанных льгот со стороны российского правительства, существовали и другие. Царем Михаилом Федоровичем в 1645 г. разрешено было среднеазиатским купцам ездить для торгового промысла в Казань, Астрахань, Архангельск. Особым покровительством пользовались купцы с проезжими грамотами от азиатских владельцев. Им предоставлялась не только свобода от пошлин, но даже казенные перевозочные средства. Последняя льгота сохранялась и в XVIII в. А. И. Остерман в 1734 г. принимал посольство из Хивы Артык Батыря Разумбаева. Хивинский посол, имея соответствующие документы, пользовался казенными со стороны России деньгами и не торопился уезжать. А в 1740 г. нашелся и повод остаться в Астрахани – персидские войска заняли Хиву. Кроме разрешения, Разумбаев получил «карманные деньги». Их сумма вначале составляла 180 руб., а впоследствии – 30 руб. в месяц. Терпеливая самарская администрация не выдержала: «...от содержания его в Самаре напрасное иждивение происходит». В результате жалованье сняли, но еще 17 лет экс-посол жил в Астрахани.

Русское правительство давало вид на жительство бухарцам и ташкентцам: им разрешалось селиться в Сибири, чем они и пользовались. С постройкой Оренбурга ташкентцам разрешили там заниматься ремеслами. В XVII в. в Россию переселяются и некоторые туркменские племена, образовав впоследствии этническую общность ставропольских туркмен. Незавидное положение туркменских племен по восточному берегу Каспийского моря начинается с XVI в., когда заселенные ими территории лишаются воды: высыхает Саракмышское озеро. Миграция туркмен идет в двух направлениях: в Хорезмский

оазис и далее к Копет-Дагу и, вследствие конфликта в XVIII в. туркменских родовых вождей и хивинских ханов, на север, на полуостров Мангышлак. Переселение на Мангышлак усилилось после занятия в 1740 г. хивинских земель Надир-шахом. Взоры туркмен обратились к России. С 1740 г. идет оживленная «бомбардировка» Петербурга прошениями старшин Мангышлака о присылке хлеба. Калмыцкий хан Дондук-Омба комментировал это следующим образом: «... люди они не кочевые и обыкные к хлебу и где хлебных мест нет, тамо они жительство иметь не могут». Хлебосольная Россия кормила неимеющих хлеба туркмен довольно долгое время – до конца 60-х гг. XVIII в. Вместе с тем к просьбам о хлебе с 1745 г. прибавляется просьба о принятии их в российское подданство. Однако ни Елизавета Петровна, ни Екатерина II в принятии туркмен под свое монаршее крыло явно не торопились. Обе императрицы помышляли лишь о возможности торговли с ними. Так, в 1746 г. Елизавета выпускает указ Астраханскому губернатору о мероприятиях по развитию торговли с мангышлакскими туркменами. Екатерина собирает Сенат в 1763 г. для обсуждения торговли с туркменами, продолжавших обивать пороги правительства с упомянутыми просьбами. Последнее обстоятельство вызвало в жизнь доклад Коллегии иностранных дел Екатерине II в 1767 г., где сообщалось: «Издавна уже в обычай вошло отправлять из Астрахани к Мангышлакскому мысу суда с хлебом... Бедность трухменских и тамошних мест принудила их нарочно присланных сюда просить о принятии в здешнее подданство с домогательством, чтобы ежегодно отправляемо было к ним довольное количество хлеба». Безысходность в решении о прибыльности русской торговли с туркменами приводит впоследствии к иному разрешению проблемы – строить крепости для ее защиты.

Продолжая разговор о просьбах среднеазиатских посольств, стоит вспомнить высказывания Н. И. Веселовского, замечавшего, что сокровенной целью всех этих посольств было «выживание подарков»: «ханы без всякого конфуза заявляли, что им желательно получить...»²⁸³ Вероятно не стоит преувеличивать односторонность миссий ханов – они имели более широкий спектр, но обойти вопрос о просьбах и подарках (поминках) было бы неверно, поскольку в них раскрывается часть восточного стиля жизни, где хан, пусть он даже «калиф на час», есть хан со всеми ханскими амбициями, приближавшимися иногда к падишахским.

Чаще всего просили для ханской забавы кречетов, причем при Алексее Михайловиче специально их разводили, в том числе для отправки в качестве «поминков». Не всегда русское правительство положительно реагировало на просьбы и принятие послов. Иногда для русских государей была важна информация о том, как там, в Бухаре или в Хиве, принимали их послов. Так, посланник бухарского хана Имама-Кули Чобак из Тюмени был возвращен обратно ни с чем. Мотив неласкового приема крылся в том, что некоторое

²⁸³ *Веселовский Н. И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII–XVIII столетиях // ЖМНП. 1884. Июль. С. 69.

время назад посольство И. Д. Хохлова было отпущено также ни с чем. Без подарков по той же причине отбыл и хивинский посол Ходжа-Магомед Богадыр в 1633 г. Ходжа Магомед просил «добрый панцирь».

Кроме кречетов и панцирей – самых распространенных подарков – встречались совсем необычные для европейских послов просьбы. В 1642 г. Исфендияр – хан решил женить своего сына Саита. Столь важный шаг наследника хивинский хан хотел подкрепить и финансово, но не за свой счет. Прибывшие в Москву его представители Авяз-бек и Кошут просят у Михаила Федоровича «... пожаловать, прислать для свадебного подъема денег несколько». Отцовские гены разыграли и у Саита. Алексея Михайловича молодой хан поучал: «... а буде изволит государь к нему прислать соболей, да лисиц добрых чёрных, да к нему ж бы прислать девку Черкасску добру, и то де будет приятно и в любовь». Навязчивость хивинцев без ответа не оставили и кое-что было отправлено, но не в полном объеме. Справедливости ради надо сказать, что Алексей Михайлович тоже не гнушался «игр в подарки». Посольству В. А. Даудова наказывалось, чтобы он «домогался» у эмира Бухарского нарядных верблюдов и по возможности доставил их ему «в дарех».

Всех, пожалуй, в оригинальности перещеголял бухарский посланник Кули-бек топчи-баши. Поздравив Петра I с победой над шведами, посол просил возобновить торговые отношения между Россией и Бухарой, а также прислать девять шведок. Обычная для востока просьба для России оказалась неприемлемой. Хотя в XVIII в. модно было держать, например, арапчонка в виде прислуги. Но это, скорее, экзотика и поддержание репутации среди определенного светского круга.

Вместе с тем среднеазиатские ханы вполне целенаправленно смотрели на серьезность отношений с Россией. Но если просьбы о готовности принять подданство северного соседа выглядят порой лишь тактическим ходом, дающим возможность получить деньги «за службу» как было, в частности, в начале XVIII в. с хивинскими ханами, то от попыток использовать военную мощь русских для усмирения своих конкурентов уже веет серьезностью и продуманностью несложных политических ходов. В 30–40-е гг. XVII в. узбекские ханы искали у Московского государя поддержки в борьбе с калмыками, появившимися в 1620 г. на берегу Ори и Эмбы. В 1695 г. хитрый хивинский Арап-хан, провинившись задержкой русского каравана, просил поддержки у Петра I в борьбе с бухарскими ханами, пытаясь объяснить задержку русских представителей издержками военного времени, а не враждебным по отношению к России актом. Тонкие хитросплетения письма бухарского эмира Абулфеиза к Петру I в 1724 г. скрывали под собой заверения верности и надежды на совместные действия против Хивы, которые они якобы уже начали и «повелели земли его (Ширгазы, хивинского хана – М. К.) разорить».

Ташкентцы с удовлетворением встретили строительство Оренбурга, не только потому, что увеличивался торг, но и потому, что Оренбург с его военными возможностями станет форпостом для наведения порядка в степях

постоянно враждующих казахов. О постройке города и охране их торговли неоднократно просили туркменские племена, страдавшие от прихоти более могущественных хивинских ханов.

Наибольший политический и экономический прагматизм проявил неординарный политик Юнус-Ходжа. Владетель Ташкента, сравнительно молодого государственного образования для конца XVIII в., стремился выжать максимальные выгоды из добрососедства с Россией. Способствуя активизации сибирского торгового пути, Юнус-Ходжа смотрел намного дальше своих предшественников. Преодолевая недоброжелательство Бухары, он просит у русского правительства направить к нему группу горных инженеров. С большим трудом отправленные шихтмейстеры Безносиков и Телятников в 1796 г. добрались до Ташкента, где были встречены с большим почетом и уважением. Тем не менее результат изысканий оказался неутешительным: ни золота, ни серебра, желательных для Юнус-Ходжи обнаружено не было. Безносиков доносил правительству, что в прилегающих к Ташкенту горах кроме железных, медных и свинцовых руд других нет, да и те «остаются в недрах без обрабатывания». Подобный расклад оставлял место для интересов России. А Юнус-Ходжа любыми связями с Россией стремился показать своим соседям свое преимущество. В 1797 г. он отправляет в Петербург посольство, в число задач которого входили следующие: продолжение развития торговли и горных изысканий, возможность оказания Ташкенту военной помощи. Последняя задача, вероятно, была главной, поскольку существовала реальная угроза со стороны Цинской империи. Коллегия иностранных дел, возглавляемая А. А. Безбородко, удовлетворила две первые просьбы, а на последнюю заверила послов, что в случае реальной угрозы нападения будет оказана необходимая помощь и это не было дежурным обещанием. Влияние на Ташкент через три года могло рассматриваться в контексте перемены внешнеполитического курса Павла I, рассчитанного на союз с укрепляющим силы Наполеоном Бонапартом, искавшего свои пути в Индию.

Между тем горные изыскания очередных специалистов, побывавших в ташкентских горах, рождали в 1800 г. доклад правительству, посчитавшему на его основании невозможным оказывать дальнейшую помощь в разработке полезных ископаемых, ибо затраты превысили бы реальную выгоду для России.

Лензибаши Филипп Ефремов

Одной из задач, поставленной перед русскими посольствами с самых первых своих экспедиций, было освобождение рабов – русских подданных, по разным причинам попавших в столь незавидное положение. Рабство во всех цветах существовало в среднеазиатских государствах и было уничтожено только с приходом русских во второй половине XIX в. Большинство рабов происходило из персов в результате непрекращающихся войн между Хивой

и Ираном. Рабство единоверцев было возможно, поскольку различны были их направления в мусульманстве: узбеки проповедовали сунизм, а персы – шиизм. С русскими было легче – они вообще считались неправоверными, и никаких комплексов у торговцев живым товаром по этому поводу не возникало. Крупные невольничьи рынки существовали в Хиве, Бухаре и в любом крупном по меркам Средней Азии городе.

Т. Бурнашёв, будучи в Бухаре в 1795 г., отмечал, что там два крупных базара, работающих от полудня до ночи. Наибольшее удивление русского инженера вызвало то обстоятельство, что здоровые мужчины ценились почти вдвое дешевле чем женщины, за которых давали в среднем по 80 русских червонцев в пересчете на рубли. Источником рабства служили набеги на торговые караваны, посольства, на русские территории. В основном этим занимались не образовавшие своей государственности кочевые народы, для которых данное ремесло приносило доход и становилось традиционным.

Вопрос о количестве русских пленников в среднеазиатских государствах остается до конца невыяснен. Диапазон колеблется от нескольких сотен до 140 тыс. человек. Петровский посланец Ф. Беневини писал в Петербург, что пленных русских в Бухаре содержится 2 тысячи человек, и он не имеет возможности выкупить даже более сотни. Путешествующий новопатрасский митрополит Хрисанф в 1794 г. написал о 4 тыс. русских пленников. Надо сказать, что русские посланники и не могли видеть всего того, что, может быть, хотели, и свои соображения строили в основном по рассказам местных жителей и самих пленников, что могло оказаться субъективной информацией. Вместе с тем с начала XVII в. в качестве одного из главных наказов русским дипломатам поручалось узнать о количестве русских узников и по возможности их освободить. Кроме христианского милосердия, выкуп или освобождение русских подданных показывал социальный уровень и авторитет России, готовой вступить за каждого своего человека.

Одним из первых освободить русских пленных должен был И. Д. Хохлов, отправившийся с посольской миссией в Бухару в 1620 г. В дальнейшем каждому посольству это вменялось в обязанность. Чаще всего бухарские правители, старавшиеся не портить отношения с Россией, пленников в качестве дара или в знак уважения к великому российскому государю отпускали незначительным числом, сопровождая личным объяснением, что всех, находящихся в государстве, освободить нельзя, поскольку они находятся в частном владении, и это остается делом каждого владельца.

Русские пленники, как правило, выделялись среди общей массы различным мастерством и умением, знаниями и их зачастую использовали на государственной службе, многие делали карьеру, предварительно поменяв веру, и находились в привилегированном положении. По свидетельству самарского купца Д. Рукавкина, посетившего Хиву в середине XVIII в., «...в Хиве и других местах пленных из всякого народа есть не малое число, и ханы в охранении своей особы доверенность полагают на чужестранцев, они при дворе

содержатся в отменной милости, довольно получают жалованья». Русские не были исключением.

В 1671 г. думный боярин А. Матвеев принял бухарского посла Муллу Фарруха. В доверительной беседе выяснилось, что Ходжа Фуррух по происхождению «русской породы из Теряевых, взят в полон подростком калмыками и продан в Бухарию». Отпрыск Теряевых поведал, что «...если русские пленные захотят и им разрешено будет, то отпустят, только многие из них в чести и в начальниках». Мулла Фаррух умер в России, видимо, и рассчитывая на это, определяясь в посольство. Другой «бухарский пленник» сержант Филипп Ефремов, взятый в качестве товара кочевыми киргизами вблизи Оренбурга в 70-е гг. XVIII в., был пожилым человеком, что, видимо, и стало впоследствии причиной тяги его на Родину. Проданный в Бухаре Ходже-Гафуру он был подарен аталыку Данияр-Беку (правителю Бухары). «Карьера» Ф. Ефремова начиналась с поста стража гарема, после чего был пожалован дабаши (капралом) и дослужился до лензибаши (сержант). Получив свободу передвижения, бежал через Тибет, Индию, Африку и Англию в Россию. Его опыт в языкознании был востребован в Коллегии иностранных дел, где он дослуживал прапорщиком. Известен и другой случай, когда один из солдат А. Бековича-Черкасского дослужился в той же Бухаре до топчибаши (полковника).

Вопрос освобождения русских рабов не стал по аналогии с защитой балканских православных народов поводом для вмешательства в дела среднеазиатских ханств, но сыграл роль катализатора в общественном сознании россиян в середине XIX в., узнавших о соотечественниках – рабах. Такая постановка проблемы казалась многим невыносимой, и пресса легко убеждала население России, при наличии других причин, в необходимости покорения новых среднеазиатских территорий.

«Присматривать прилежно, проведывать искусно...»

Другая проблема, интересовавшая русских царей, была скрыта от любопытствующих среднеазиатов – поиски путей в Индию. В контексте этих поисков Средней Азии предназначалась роль своеобразной перевалочной базы.

Не самой заветной мечтой великих московских государей была торговля со Средней Азией, во многом бывшей не всегда эффективной в режиме грабежа караванов, неустойчивости политического положения и т. д. Между тем караваны продолжали отправляться и не только частные, но и казенные. Последние имели, кроме прочего, еще и посольские функции. И отправляя очередную экспедицию, лица, ее возглавлявшие, получали весьма подробные наказы о сборе сведений как о политическом состоянии ханств, что немало важно в свете налаживания через них торговли в Индию, так, собственно, о возможных путях к Великим Моголам. Во многом посольства в Бухару или

Хиву, а также разговоры о «доброй» с ними торговле считались своеобразной маскировкой реальных целей.

Послам и негодьянтам приписывалось «тайным делом» проведать, с какими государствами Индия граничит, защищена ли индийская граница крепостями, есть ли у индийского хана флот, как из России удобней до нее добраться. После ряда неудачных попыток брата Пазухины в 1669–1671 гг., пожалуй, впервые определили возможный путь в Индию через Хиву, на Балх до Хелжона и индийского города Парвана. Рассчитали они и время движения от Астрахани до Джанабата – четыре с половиной месяца пути верблюжьим ходом. А уже известному пути через Персию Пазухины вынесли следующий вердикт: «А путь через Персию тяжелее и убыточней...» Впервые они собрали и конкретные сведения о политическом состоянии ханств в Средней Азии и их отношениях с Персией и Индией и даже с Турцией. Алексей Михайлович оценил деятельность послов и приказал «список с Борисова статейного списка Пазухина переплести ему, великому государю...»

Мулла Фарух подтвердил в 1671 г. сведения Пазухиных о примерном пути в «Индийское государство», определив его длительность от Бухары в 40 дней. Надо сказать, что прибывавшие в Россию (Астрахань, Тобольск) среднеазиатские послы вежливо подвергались опросу, спектр которого был весьма широк. Подобная практика была принята в протокольных встречах. Но если ханов или лиц, их заменяющих, более притягивали вопросы о русском оружии и диковинных зверях, то в Посольском приказе тщательно переводили и записывали сведения политического характера об «индийской дороге». Лишь однажды дьяки приказа в доставленных им грамотах наместника индийского хана после экспедиции умершего в Персии С. Маленького «многих речей перевести не сумели».

Василию Андреевичу Даудову, персу по происхождению, поступившему на русскую службу, поручалось разузнать «сухим ли путем, или водным, или горами в Индею путь» и, по возможности, проникнуть к «Индийскому шаху». Как правило, русское посольство состояло из двух частей: направленное собственно в Хиву или Бухару и двигающуюся далее – к Индии, официально слывшей второстепенной. Так и в случае с посольством В. А. Даудова (1675–1676) – вместе с ним был отправлен Юсуф Касимов «под образом купчины», продолживший маршрут и, в конечном итоге, дошедший до Кабула. Именно у Ю. Касимова находились тщательно скрывающиеся на территории Средней Азии грамоты к «Индийскому шаху» Аурангзебу. Впрочем, Ю. Касимов к Великому Моголу допущен не был, и переговоры о дружбе и торговле не состоялись.

Незаинтересованность Индии к отношениям с Россией в торговле в конце XVII в. объяснялась несколькими причинами: торговля с Европой по суше хоть и оставалась, но переходила на второй план, так как государство Великих Моголов уже пережило свои лучшие времена и благополучно шло к своему распаду. Внутренний кризис после смерти Аурангзеба (1707) привел к усобице и концу могущества. И наконец, проникновение на Индостан Ост-

Индской Компании к концу XVIII в. сводит Великих Моголов до положения марионеток Британской короны. Упрочение англичан в Индии положило начало другой проблеме – противостояние на Востоке двух империй – Российской и Британской.

Постепенно, интуитивно менялись задачи и русской дипломатии, но акцент делался в основном на более обширный сбор информации о Хиве, Бухаре, реках и коммуникациях, при этом «индейский» вариант становился второстепенным. Но оба дипломатических изыскания ведутся так, «чтобы того не признавали бухарцы и хивинцы: присматривать прилежно, проводывать искусно». Ради сведений разведывательного характера в 1697 г. тобольские власти провели так называемое «сыскное дело о дороге в Хиву». Опросили сведущих людей. «Допросу» подверглись в приказной палате дети боярские Скибин, Кобеков и др. В итоге получилось описание сухопутной дороги в Хиву, причем внимание обращалось не столько на количество дней в пути, сколько на стратегические, оборонные детали, рудные промыслы, колодцы. В частности, было сообщено, что «Бухария строением и вышиною, что Туркестан, в 12 башень ... а воинских людей у него тысяч с четырехста, мелкого огневого оружия мало, а боевых пушек будет с пятьдесят, а воздух и вода у них не здоровы...» На протяжении года под «допрос» попало несколько бывавших в среднеазиатских городах служащих и торговых людей, и информация накопилась весьма полезная.

Банк данных о Востоке в России расширялся на протяжении XVIII в. Но начало названного столетия было ознаменовано и попытками проникновения России в Среднюю Азию. Правительство осознало, что выгодность торговли может иметь место только в случае ее приведения в нормальное, цивилизованное русло. Может, даже путем нажима или «бряцания оружием», но не исключался договорный, коалиционный вариант. Россия не могла оставаться безучастной к судьбе в сущности незащищенных своих юго-восточных границ вследствие меняющегося внешнеполитического положения, в частности своих отношений с Турцией и Персией.

Надо учитывать и то, что основной дипломатический и военные театры действий для России находились далеко от восточных пределов – на Северо-Западе. Именно там решалась судьба геополитического авторитета России. Война со Швецией требовала неимоверного напряжения сил, финансов и энергии. Таким образом, укрепление южно-российских границ было вялотекущим. Лишь после Полтавской баталии и ухудшения отношений с Турцией Петр I все чаще обращает свой взор на Восток.

«Сила все резоны уничтожит»

После выхода русских войск к побережью Балтийского моря и основания Санкт-Петербурга мало в Европе находилось политиков, способных убедить своих собеседников в том, что Россия обосновалась на Балтике не-

надолго. Еще меньше скептиков было в самой России. Балтийский геополитический узел Петру I удалось разрубить: Россия получила выход к морским путям в Европу, и теперь целая озерно-речная система связывала Петербург с Астраханью. Намечалась, хоть и исторически запоздалая, перспектива стать России посредницей в торговле Запада с Востоком, максимально используя при этом водный транспорт. Не случаен в этом случае интерес Петра именно к возможности по рекам проникнуть в Индию.

Осуществление подобных проектов упиралось в слабость позиции России на Каспийском море. Морские суда не соответствовали веянию времени, военной их защиты со времен «Орла» не было, берега таили в себе опасность караванам быть ограбленными, а известные Тюб-Караганские пристани никем не охранялись – не было на восточном берегу ни одной крепости, хотя необходимость в них ощущалась год от года все острее. Часто об этом просили и некоторые обитающие на восточном берегу Каспия туркменские племена. Редко, но оговаривались об этом и хивинские ханы в начале XVIII в. Складывалась благополучная ситуация для осуществления проектов закрепления на Каспийском море и решения назревавшего военно-политического вопроса. Тем более, что дважды, в 1700 г. хивинский хан Шанияз и в 1703 г. хивинский хан Араб-Мехмет просили о принятии их в российское подданство, обещая верную службу. Петр I в подданстве им быть повелел и как пунктуальный государь, выполняющий обязательства, распорядился выдать им жалованье в тысячу золотых червонцев – сумма для того времени немалая.

Юго-восточная окраина Российской империи была легко уязвима в случае нападения возможных внешних врагов. Прикаспье – это обширная равнинная, слабопересеченная пустынная и степная местность, не располагающая при отсутствии укреплений к отражению даже локальной агрессии: на юго-восточном пограничье постоянно происходили набеги кочевников и их междоусобные конфликты, делавшие русские территории театром военных столкновений. Ввиду незаконченной войны со Швецией был предложен нейтральный вариант решения всех проблем в Средней Азии. Вместе с усилением флота на Каспийском море и строительством крепостей по пути следования караванов и на ключевых местах пересечения путей планировалось установить протекторат России над среднеазиатскими ханствами, включить их в орбиту своих геополитических интересов. Первенствующая роль здесь отводилась Хивинскому ханству, занимавшему более выгодное среди всех других положение в междуречье. Между тем продолжавшаяся Северная война с невероятной быстротой поглощала денежные средства, и российская казна нуждалась в их пополнении. Одним из вариантов ее увеличения считалась возможность выйти на месторождения золота и серебра, находящиеся по информации ряда донесений в той же Средней Азии.

Губернатор Сибири князь М. Гагарин сообщал в Петербург, что в Малой Бухарии есть золотой песок в окрестностях г. Эркети (Яркенда в современном Китае). В связи с этим предлагался грандиозный план овладения «золотым» городом, для чего было необходимо по проторенной дороге от Тобольска до

Ямышева озера и далее до Яркенда построить ряд крепостей. Более того, осуществление замысла сибирский губернатор брался произвести за счет доходов губернии. Годом ранее, в 1713 г., садырь племени йомутов Ходжа Нефес, прибыв в Россию, сообщал, что Аму-Дарья несет в своих водах золотой песок, и что ранее она впадала в Каспийской море, о чем свидетельствовало старое ее русло. Причина перемены течения реки, по мнению Нефеса, была искусственной. Хивинцы в прошлом веке засыпали русло, направив течение в Аральское море.

Ходжа Нефес представлял интересы некоторых туркменских племен, к началу XVIII в. пребывавших вследствие противостояния с Хивой в невыгодном положении. Обезвоженные пространства восточного побережья Каспия стали непригодны для хозяйствования, миграция в хивинские земли привела туркмен к столкновению с Хивой. Поиски защитников привели их в Россию. Серьезность Нефеса подтверждалась готовностью его самого и подвластных ему туркмен поддержать все начинания русского правительства. Таким образом, задачи правительства в юго-восточном регионе совпали с теоретическими возможностями. Оставалось их практически реализовать.

В 1714 г. с разницей в два дня вышли именные указы Петра I. Первый – о посылке поручика Преображенского полка А. Бековича-Черкасского в Хиву и Бухару, «сыскав какое дело торговое, а дело настоящее – проведать про Иркенд, сколь далеко оной от Каспийского моря и нет ли каких рек оттоле в Каспийское море». Второй – об экспедиции капитана Бухгольца с совершенно конкретной инструкцией о постройке города у Ямышева озера, давно известным русским соледобытчикам. Бухгольцу предписывалось, поставив выше по течению Иртыша крепости, «искать далее до Эркета и оным овладеть». А по дороге «велели редуты через каждые пять-семь дней пути ставить».

Обе экспедиции снаряжались весьма серьезно и мало напоминали посольские караваны. Затраты на первый поход А. Бековича-Черкасского составили более 30 тыс. руб. В ней участвовало 1800 чел., 2 шхуны, 27 стругов, имелось 19 пушек. Отряд Бухгольца насчитывал до 3 тыс. чел., включая купцов, инженеров, артиллеристов. Бухгольца постигла неудача. Благополучно достигнув Ямыш – озера осенью 1715 г. на пути в Яркенд, на Зайсане, готовясь к зиме, заложили крепость. Построенные укрепления не на шутку встревожили калмыков, боявшихся изменения сложившейся политической ситуации не в их пользу. Отправленное Бухгольцем посольство в Бухару было разграблено казаками, а калмыцкий хан Контайша осадил крепость, которая сдалась через полгода. Несмотря на неудачную попытку проникновения русских в Яркенд, экспедиция дала толчок к созданию оборонительной Иртышской линии с крепостью Усть-Каменногорск.

Маршрут миссии А. Бековича-Черкасского в 1714 г. пролегал по известному водному пути из Астрахани к Тюб-Караганскому заливу. От него в качестве разведки часть людей отправлялась на восток – в поисках старого русла Аму-Дарьи, часть – на юг – в поисках мест для постройки крепостей. Масштабность задач, поставленных перед поручиком, малочисленность отря-

да и стихия Каспия заставили А. Бековича-Черкасского вернуться в Астрахань для более детальной подготовки второго этапа экспедиции, с чем он поехал на личную встречу с Петром I в Митаву.

Князь Александр Бекович-Черкасский пользовался оправданным доверием монарха. Петр I отправлял его – кабардинского князя Девлет Киздень Мурзу – в 1707 г. для ученья за границу. После возвращения и крещения он поступает на русскую службу и иницирует возможность экспедиции в Хиву, всячески ее отстаивая. Убедил он и в этот раз Петра I: родился указ, значительно расширяющий задачи миссии и явившийся олицетворением сокровенных желаний Петра на юго-востоке. Этим, видимо, определялось и количество людей – «сколько потребно».

А. Бековичу-Черкасскому разрешалось на свое усмотрение строить крепости. Предусматривалось, что одна из крепостей будет на устье высохшей реки, другая – на плотине, которую хивинцы возвели. «Ежели возможно, – гласит указ, – оную воду (Аму-Дарьи. – М. К.) обратить в старый ток, прочие устья запереть, которые идут в Аральское море». Кроме военно-строительных функций А. Бекович-Черкасский должен был убедить хивинского хана Ширгазы поступить на российскую службу, в знак чего определить к нему в охрану русских гвардейцев. После согласия хана просить у него людей и транспортные средства для разведывания водных путей до Яркенда и для осмотра золотых приисков и до Индии. Для подобных целей должен был использоваться отряд поручика Кожина, который должен был двигаться туда под видом «купчины».

Приведение Бухары и Хивы под протекторат России отвечало бы ее интересам на Востоке. Поэтому Петр I не жалел ни денег, ни собственной гвардии. Вместе с тем в числе главных пунктов инструкции значилось предупреждение о «ласковом» отношении с местными жителями. Однако полувойенный характер миссии не мог не встревожить хивинские власти. Столь грандиозных мероприятий на хивинских землях и вблизи них Ширгазы предвидеть не мог. Не лучшую службу сыграл для русского продвижения находящийся в русском подданстве правитель калмыков Аюк-хан. Ведя двойную игру, он нагнетал обстановку в самой Хиве, искажая истинные намерения русских. В Хиве укрепилось мнение, что русские хотят обманом захватить ханство «ради золота», находящегося в горах Шейх-Джели. В такой обстановке экспедиция, официально именуемая посольством, имея в своем составе более 5 тыс. чел., включая яицких и гребенских казаков, 22 пушки, 69 судов, обошедшая уже к 1716 г. казне в 219 тыс. руб., отправилась на осуществление исторической задачи.

Поставив крепости на восточном берегу Каспия и оставив там гарнизоны, А. Бекович-Черкасский в сложных погодных условиях двинулся, не зная того, навстречу хивинскому войску. У озера Айбугир, расположенного за несколько километров от Хивы, состоялось сражение, показавшее превосходство регулярного строя русских. Ширгазы вынужден был пойти на переговоры, во время которых убедил главу русской миссии разделить русское

войско на части, уверяя его в своем доброжелательстве. Днем позже войско вместе с его руководителем перестало существовать. Часть солдат бежала, и достигла построенных крепостей, гарнизоны которых, продержавшись до весны 1718 г., вынуждены были вернуться в Астрахань. Ширгазы ликовав и в эйфории победы отослал голову А. Бековича-Черкасского своему конкуренту в Бухару. Бухарский эмир благоразумно от такого подарка отказался.

Вместе с тем для Ширгазы и его преемников, а также хивинских купцов и просто хивинцев наступило время синдрома вины и ожидания наказания, чувство, которое они так и не преодолели. Ф. Беневини в 1723 г. заметил в своих реляциях правительству, что хивинские власти как-то собравшись писать письмо по поводу случившегося, так и не смогли подобрать нужный текст и составить грамоту. Готовящийся поход Петра I в Персию хивинцы восприняли как поход на Хиву, отчего спешно пытались сколотить блок среднеазиатских государств. Уже в 1737 г. новый хивинский хан Ильбарс в письме к оренбургскому генерал-губернатору В. Н. Татищеву акцентировал внимание на дружбе и согласии, а события 14 летней давности дипломатически обошел: «А которые прежде были у нас ханы, оные все миновались, а ныне время мое и желаю в дружбе жить». Но даже в середине XVIII в., по известиям Д. Рукавкина, хивинцы находились «во всегдашней опасности от России в рассуждении учиненного ими незаконного убийства над князем Александром Бековичем-Черкасским . . . и что оное без достойного отмщения им оставлено не будет».

После неудачи хивинской операции стремление Петра I укорениться в Средней Азии не угасло. Зная о судьбе А. Бековича-Черкасского, Петр старался осмыслить ошибки и параллельно отсылает еще одну экспедицию. Поручику Урусову в 1718 г. поручалось составить карту Каспийских берегов и особенно бывшего протока реки Аму-Дарьи. Были внесены коррективы и в политические планы касательно усиления России в Средней Азии. Было решено, что главную роль в их осуществлении должна играть не Хива, а Бухара. Следовало отказаться от бряцания оружием, а особое внимание обратить на военную разведку и использование дипломатических средств. И повод для этого нашелся. В 1717 г. Петр принял долгое время ожидавшегося его бухарского посла, который всячески открещивался от действий хивинцев во время похода А. Бековича-Черкасского. А для торговых сношений по поручению хана Абулфеиза просил прислать в Бухару «разумного человека». Им оказался секретарь ориентальной экспедиции Посольского приказа Флорио Беневини, который и отправился в 1718 г. в Бухару уверять хана в дружбе и целесообразности заключения «оборонительного альянса о взаимной помощи против всех врагов и особливо против хивинцев» и разведывать политическую картину Средней Азии. А она была очень непроста, в чем Ф. Беневини убедился сам. Еле вырвавшись из персидского сидения, он попал в бухарское. Вынужденно задерживаясь в Бухаре, русский посол изнутри в течение нескольких лет изучал политическую обстановку. Определив логику правления как не имеющую ни порядка, ни смысла, Ф. Беневини,

учитывая, что «все дженерально между собою драки имеют», советовал отправить русское войско, ибо «сила все резоны уничтожит». Однако сам Ф. Беневини находился в положении заложника. Армия, которую готовил сам Петр I, была предназначена не для Средней Азии, но там об этом знать не могли. Персидский поход был обусловлен слабостью Персии, внутренними там междоусобиями и вмешательством в ее дела Турции. Последнее обстоятельство особенно тревожило русское правительство. Бессилие Персии ставило ее на грань потери независимости, а усиление за ее счет в данном регионе Турции делало положение России здесь весьма неустойчивым. Чтобы не уступить своей вечной противнице, Петр сам решается использовать ситуацию в Персии. Именно туда была направлена 46 тысячная армия, которую «ждали» хивинские ханы. На Каспийском море создается флотилия. Успехи русского оружия охладил воинский пыл турок и заставили персидского хана Тахмаспа пойти на подписание в 1723 г. в Петербурге союзного договора, по которому русские обязывались помочь укрепить Тахмаспу власть взамен передачи России провинций по всему западному и южному побережью Каспийского моря, включая города Баку и Дербент. Конфликт с Турцией тоже удалось урегулировать.

Тем не менее восточный берег Каспийского моря оставался не русским, и решение данного вопроса откладывалось на неопределенные времена. Активная политика Петра I в Средней Азии продолжения после его смерти не получила. Последний петровский посланник Ф. Беневини вернулся уже к Екатерине I, а новых посольств не предусматривалось.

«Со временем малую крепостцу сделать можно»

Прикаспийская политика России в 20-е гг. XVIII в. не отличалась активностью. Свертывание военного присутствия на западном и южном побережье Каспия привело к осознанной и готовящейся передаче персидских завоеваний Петра I. Верховный Тайный Совет²⁸⁴, несмотря на легкое нежелание Екатерины I, начал давать отступного задолго до фактической их передачи Персии. Серией договоров с персами Россия поэтапно возвращала Астрабад, Дербент, Баку и территории до р. Терек. Взамен Россия получила союзнические отношения с Персией и свободную торговлю через нее. Кроме того, Россия рассчитывала усилить Персию в ее противостоянии с Турцией.

Именно Турция для России была главным геополитическим противником в XVIII в. в борьбе за Причерноморье. Андрей Иванович Остерман, определявший внешнюю политику России без малого 15 лет, выразил ее основное направление предельно просто: «Для России необходим Азов!» Англия, как всегда стремящаяся чужими руками делать свою политику, к войне с Россией

²⁸⁴ Верховный Тайный Совет – формально после императора второй по значимости государственный орган в Российской империи в период с 1726 по 1730 гг. Фактически все нити управления были в его руках.

подталкивала Турцию. Расчет ее был на то, что русские войска и дипломаты увязнут в турецкой проблеме и разгрести ее не смогут долгое время, и Петербург без интереса будет смотреть на среднеазиатское пространство, не доставляя лишних хлопот колониальной политике Великобритании в Индии и развитию ее восточной торговли. Действительно, нащупанные политикой Петра I возможные подвижки России в Среднюю Азию продолжения не получили. Даже Елизавета Петровна, основным принципом которой являлось следование «системе Петра Великого», предполагавшей учет национальных интересов России главным критерием внешней политики, в Средней Азии ограничивалась, при необходимости, частными указами о поддержании торговли. И то, видимо, находившись под впечатлением богатств Востока, брошенных в ее ноги Надир-шахом, приславшим шестнадцатитысячное посольство в надежде увидеть пышную голубоглазую красавицу, дочь великого царя в своем гареме. Но Елизавету более захватывала европейская дипломатия.

Неудачно посватавшийся Надир-шах в своих завоевательных походах по Средней Азии не скрывал, что Персия является союзником Великой северной империи. Это придавало ему авторитет и, возможно, собственное успокоение. Таким образом, персидский правитель, опосредованно являвшийся выразителем воли России, наказал хивинцев за их прегрешения в убийстве А. Бековича-Черкасского. Понимание своих отношений с Россией Надир-шах продемонстрировал в 1740 г. на подступах к Хиве. Незадолго до этого казахский хан Абулхайяр, принявший российское подданство, стал и хивинским ханом. Прибывшие в то время в Хиву поручик Гладышев и геодезист Муравин сообщили о покровительстве России над Абулхайяром и его ханством Надир-шаха, который согласился пойти на договор с новоиспеченным хивинским ханом. «Он, шах, ради разорения сего города ходить не изволит», – писали русские посланцы. К сожалению для Хивы, Абулхайяр сбежал, а город подвергся разорению.

Екатерина II была апологетом модной среди монархов и дипломатов европоцентристской идеи о закономерности и неизбежности продвижения европейцев как жителей севера на юг, в края, заселенные дикими азиатскими народами, с целью нести им культуру и цивилизацию. Своими мыслями просвещенная императрица делилась с бароном Ф. М. Гриммом, считая, что южные народы всегда слабы и не имели прочного могущества. В поисках мифической столицы для России взор Екатерины II остановился на Константинополе. Подготавливая почву для осуществления известного «Греческого проекта», Екатерина II приложила максимум усилий для умирения Турции. Восточное направление внешней политики ее интересовало постольку, поскольку оно было полезно для ситуации в Причерноморье. Императрица прекрасно осознавала и оценивала силы и возможности Российской империи и ею не владела жажда мирового господства. Сделать Босфор русским было пределом ее желаний. В этой связи Екатерина II отказывалась от некоторых других, геополитических проектов. Не добились ее поддержки русские зем-

лепроходцы Северной Америки. Предрешены были искания путей в Индию, а о существовавшем проекте похода туда Екатерина высказалась в весьма категоричной форме: «У России довольно земель и произведений, чтобы не иметь никакой нужды отправляться в Индию». Еще менее шансов на внимание центральной власти имело практическое освоение Средней Азии.

Инициатива в данном вопросе вплоть до середины XIX в. переходит в руки местных властей приграничных губерний. Особая роль здесь принадлежала Оренбургу. Еще И. К. Кириллов, обер-секретарь Сената, доказывал, что если Россия откажется от активных действий на Юго-Востоке, то «не только новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства, со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подборанию рассыпанных бухарских и самаркандских провинций и богатого места Бодокшана упустим». Правительство вынуждено было признать справедливость логики Кириллова и он получил «добро» на создание в 1734 г. Оренбургской экспедиции. Кроме строительства системы укреплений против башкир, в целях экспедиции значилась организация расширения торговли и в этой связи использование вод Аральского моря. Энергия Кириллова привела к постройке на реке Орь с третьей попытки Оренбурга. Хивинцы ее прозвали «Янги-кала» – новая крепость. Оренбург и одноименная оборонительная линия на долгое время стали границей южных рубежей империи. После смерти Кириллова Оренбургскую экспедицию возглавил В. Н. Татищев. В 1744 г. в связи с образованием Оренбургской губернии экспедиция прекратила существование. Деятельность основателей губернии носила разносторонний характер, но отправляемые на юг и юго-восток караваны, кроме торговых, несли и разведывательную функцию.

В 1740–1741 гг. по поручению В. Н. Татищева из Орска в Хиву были направлены поручик Гладышев и геодезист Муравин с рядом сопровождающих лиц. Кроме подтверждения опыта, что в степях небезопасно, было дано подробное и достоверное описание Аральского моря. Из показаний Муравина следовало, что «по тому морю судами ходить можно: по Сыр-Дарье до Туркестана, Самарканда и Ташкента; по Улу-Дарье до Хивы и Бухары».

В 1753 г. из Оренбурга вышел первый крупный караван «к познанию азиатских владений», описание маршрута которого дал самарский купец О. Рукавкин. Годом позже оренбургский губернатор И. И. Неплюев читал донесения о поездке в Хиву переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова. Цель поездки заключалась в том, чтобы подвигнуть хивинского хана на союз для охраны торговых караванов. Кроме подписания договора Неплюева интересовало положение самого строптивного среднеазиатского государства после его «отпадения» от Надир-шаха. Оказалось, что амбиции Хивы не изменились со времен А. Берковича-Черкасского. В дальнейшем «среднеазиатская» деятельность Оренбургских губернаторов продолжилась. Через Оренбург в конце XVIII в. планировалось движение казаков на Индию во время кратковременного союза Павла I и Наполеона, но по смерти российского императора казаков вернули с марша на пути к городу.

В докладах оренбургских властей Сенату выражалась надежда на укрепление позиций России и все более раздавались голоса о силовом решении проблемы, ибо никакой нормальной торговли быть не может без ее «охранения». В. Н. Татищев, успевший послужить губернатором другого юго-восточного форпоста Российской империи – Астрахани – в 1744 г. склонялся к мысли, что на восточном берегу Каспия «малую крепостцу сделать можно и ... торг распространится и немалую прибыль приносить будет». Для «осмотра местности» на Мангышлак был отправлен капитан Копытовский на шмаке «Гусь». Результаты осмотра не дали всеобъемлющей информации о возможности строительства защитных для торговли сооружений. Самого В. Н. Татищева переводят на службу в Петербург, и им намеченное дело на время прекращается. Лишь в 1763 г. императрице Екатерине II Сенат подготовил доклад по просьбам туркмен о посылке экспедиции на Мангышлак с целью выбора места для сооружения крепости. По результатам доклада Екатерина II выразила необходимость «отправить знающего и надежного человека для приискания удобного места к заведению крепости». Возложенная опять на астраханского губернатора обязанность снарядить экспедицию вылилась в отправку на восточный берег Каспия М. Ладыженского и С. Токмачева.

Пунктуальные их разыскания привели к не очень радужной перспективе: «В Мангышлаке поселению быть не можно, горы от подошвы до верху меловые, а на поверхности песок и кремень и изредка растет полынь. Дерну нет зелени нет, лесу и камыша на всем берегу нет, колодези от берегу весьма далеко и в тех солодковатая вода. . .» Вместе с тем Ладыженский побывал на о. Челекен, обнаружив, что туркмены, живущие на нем, добывают нефть, серу, соль и черную краску. На другом острове – Нефтяном – туркмены добывали до 4000 пудов нефти в год. Привлекательность Прикаспия увеличивалась, а усиливавшиеся англо-русские противоречия заставляли правительство ускорять движение на юго-восток. С 1781 г. по 30-е гг. XIX в. на берегах Каспийского моря побывал ряд миссий. Но только после экспедиции, снаряженной Оренбургским губернатором Сухтеленым, было выбрано место для постройки в 1833 г. Ново-Александровского укрепления, перенесенного через 13 лет на Тюб-Караган и ставшее Новопетровским.

На протяжении XVIII в. Россия не вела активной политики ни в Прикаспии, ни в Средней Азии, несмотря на то, что юго-восточные границы империи не внушали доверия и требовали не только корректировки, но и усиления. Ведущаяся усилиями Западно-Сибирской, Оренбургской и Астраханской губерний торговля, все более привлекавшая русских купцов, наталкивалась на неприемлемые условия ее проведения. Не только торговцы, но и местная администрация осознавала необходимость охраны торговых караванов. Лучшим вариантом было бы строительство крепостей на караванных дорогах. Но правительство вследствие других внешнеполитических интересов не могло уделять ни сил, ни финансов на осуществление проектов относительно «усмирения диких и кочевых народов» на юго-востоке.

В бумагах В. Н. Татищева был найден любопытный документ, принадлежащий Пьеру Куки. Предназначенные, видимо, Анне Иоановне его «Примечания о невыгодности торговли с Бухарией» составляли, в сущности, план завоевания Средней Азии – только в этом случае, по его мнению, утвердится прочная торговля. Ключом для покорения среднеазиатских земель являлась Хива, но чтобы завладеть ею, вначале необходимо «усмирить казахов», для чего потребовалось бы 2 тыс. чел., а также устроить «добрую дорогу от Яика до Хивы, снабдив водою и жильем, а в Хиву вступить секретным образом». Автор «Примечаний» предлагал использовать против восточных правителей их же прием – хитрость, завуалированность истинных действий. Аналогичные советы давал правительству и потомок знаменитого Контарини митрополит новопатрский Хрисанф, после путешествия по странам Востока. Столь необычный советчик настоятельно рекомендовал «отправить в те места людей под видом врачей, путешествующих, и небольшим числом. Образ жизни им вести бедный, а называться турецкими подданными, быть лицемерными, особливо в отношении к их законам». А после сбора информации уже войском через Астрабад занять все течение Аму-Дарьи. Без покорения Хивы, по мнению Хрисанфа, нечего даже думать об овладении Бухарой. Неизвестны побуждения Куки и новопатрского митрополита, по которым они обращаются к высшей российской власти, но кажутся они искренними. Их наблюдения во многом перекликались с желанием администраций южных губерний активизировать политику России в Средней Азии.

**«Английское правительство поддерживает
дружеские отношения только с теми государствами,
которых оно боится»**

Другой причиной для проведения более динамичной среднеазиатской политики России следует считать англо-русские отношения. Блестящими их ни в XVIII в., ни, тем более, в XIX в., никак назвать нельзя. Тому было ряд обстоятельств. Российская империя в лице Екатерины II, а затем – Александра I заняла благожелательную позицию касательно США. В 1808 г. установление дипломатических связей между Россией и США вызвало явное раздражение Великобритании. Успехи русских войск во второй половине XVIII в. в Северном Причерноморье родили в британском правительстве версию о «русской угрозе» английским владениям в Индии. Опираясь на такую политику, английские власти активизируют действия в Центральной Азии, главным субъектом становится Афганистан и прилегающие к нему на севере территории. В известном смысле Великобритания спровоцировала Россию к серьезному подходу в решении вопроса о защите своих юго-восточных рубежей. Рваные англо-русские дипломатические отношения в начале XIX в. не выявили общности интересов в среднеазиатском регионе. Великобритания не хотела упускать из своих рук инициативу индийской торговли ни Франции,

ни России. Той торговли, ради достижения выгод от которой было положено много усилий.

История заинтересованности Англии в богатствах Востока начинается в средневековье. Но тогда на пути их реализации лежало Московское государство. Пользуясь его внутренними проблемами, Англия с XVI в. ищет сухопутные пути в Индию через Среднюю Азию. Стартом этому процессу стоит считать мероприятия возникшей в 1555 г. британской торговой «Московской компании», одной из целей которой было своеобразное реанимирование известного еще до новой эры пути, пролегавшего из Китая и Индии через Каспийское море по Северному Причерноморью в Европу. В XVI в. возможный маршрут из Индии должен был по планам английских negociантов пересекать Среднюю Азию и Россию. Антоний Дженкинсон, смелый путешественник и энергичный торговец, возглавил экспедицию «Московской компании» в 1558–1560 гг. в Хиву и Бухару. Иван VI сопровождал его соответствующими грамотами. В сущности, Дженкинсон стал в какой-то степени и первым посредником в делах среднеазиатско-русской торговли, приведя в Москву опасавшихся туда ехать бухарских купцов. Главные цели английской экспедиции не достигли результата – пути в Индию и Китай пока были недоступны. Но проницательные английские монархи настойчиво пробивали брешь в неразрешимом вопросе, пытаясь установить монополию британской короны на торговлю с Востоком через Россию. В 1588 г. англичанин Флетчер от имени Елизаветы просил право через Россию торговать, а также брать в России проводников, судовых людей, суда, пищу для поисков «китайской земли». Определявший политику того времени в России Борис Годунов составил дальновидный ответ: «Государю нашему через своё государство пускать на отыскивание других государств непригоже». Однако же торговля была разрешена. Став царем, Годунов на подобные просьбы теперь Иакова I, английского короля, отвечал также уклончиво.

Не утратили англичане интерес к восточной торговле и при Петре I, разрешившему им вести транзитный торг через Россию. Но было очевидно, что с ростом британского морского могущества, преобладающим для Англии становится водный путь. В XVII в. на территории Индии уже существуют английские фактории. В XVIII в. успешная политика Англии натравливания мусульман на индусов привела к усилению ее на Индостане. Становящаяся твердой ногой в Индии, реорганизованная Ост-Индская компания к концу XVIII в. распространила свое влияние вплоть до Афганистана. Перед англичанами на севере лежали земли с имперской точки зрения еще не занятые. Но для их освоения требовалось дополнительное финансирование. В ход была брошена выдвинутая с легкой руки премьер-министра Англии Питта версия о «русской угрозе». Используя как доказательство реальное продвижение России в Причерноморье, сановные англичане раздували этот факт до внушительных размеров. Лорд Стэнли, ссылаясь на честолюбие Екатерины II, считал, что она не сможет удовлетвориться меньшим, чем титул императрицы Востока. Собственно руководитель индийской политики

в английском правительстве Г. Дандас любезно уточнял: «Если Россия станет хозяйкой в Средиземноморском архипелаге, то угроза индийским владениям очевидна». Как бы ни лестно это было самой Екатерине II, Индия ее не интересовала. А вскоре ее встревожила Великая французская революция и антиреволюционные настроения императрицы и антифранцузские Георга III на время смягчили англо-русские отношения. Но Павел I позволил себя увлечь Наполеону на основе взаимной неприязни к англичанам в затею сокрушения британского владычества в Индии и на Востоке в целом. План совместной операции роль опорного пункта союзной русско-французской армии отводил Астрахани. Движение союзников должно было проходить по Каспийскому морю, через Персию на Герат и далее в Индию. Часть русских войск другой колонной в том же направлении, только через Оренбург и Среднюю Азию, готовилась к маршу. Смерть Павла I прервала исполнение замыслов. В целом идея движения на Индию через Среднюю Азию могла бы привести к благоприятным геополитическим подвижкам России в этом направлении, если бы не явное стремление Наполеона просто использовать русские возможности ради давней цели – завоевания Индии. Александр I настороженно относился к подобным предложениям французского императора. В результате русско-французского блокирования Англия заняла позицию укрепления своего влияния в странах Средней Азии и Среднего Востока, считая, что чем больше и шире ее владения, тем меньше шансов на агрессию в Индию будет у ее противников.

Во время ирано-русских войн за спиной шаха стояли британские эмиссары, что, однако, не привело его к победе. После Гюлистанского мира 1813 г. Россия получила исключительное право содержания военного флота на Каспийском море. Не поколебал позиций России в регионе и Туркманчайский трактат. Иран в 30-е гг. становится тем государством, которое в дипломатической игре пытались использовать и Англия, и Россия. Особенно очевидным это становится во время решения Гератского вопроса в 1838–1842 гг. Игра проходила с переменным успехом. В 1838 г. полковник Стоддарт прибыл в Бухару с целью вовлечь эмира Насруллу-хана в антирусскую коалицию среднеазиатских ханств, для чего предлагал реорганизацию и вооружение бухарской армии на средства Англии. Вслед за Стоддартом прибыл в эмират капитан Конолли с теми же намерениями. Но если хан Коканда был не против предложенного союза, то Бухара, исторически доброжелательно расположенная к России, не соглашалась. Более того, в 1842 г. обоих англичан публично повесили, обвинив в шпионаже. Последний шаг эмира предопределил политическую направленность бухарского государства. Обоснованное опасение вторжения британских войск в Бухару, аналогично вторжению в Афганистан, вынудили бухарские власти искать поддержки у России. В 1848 г. в Оренбург прибыл посланник эмира Ходжи-Мирза Хайрулла Мирахур и предоставил полную информацию о происках англичан в беседе с местным генерал-губернатором.

Примерно так же, как в Бухаре, обстояли дела и с Хивой. Несмотря на натянутые русско-хивинские отношения, хивинский Алл-Кули хан не вел антирусскую политику, стараясь подчеркнуть собственную независимость. В 1838 г. в Хиве было казнено трое англичан за шпионаж. Через два года Алла-Кули хан достойно представлял Хиву в переговорах с английским послом Эбботом и поверенным в делах Англии в Иране Тоддлом. В ответ на письменные предостережения английского короля о завоевании ханства Россией через 50 лет (надо отдать должное прозорливости его величества) и в этой связи предоставление Хиве Британского подданства, Алла-Кули хан ответил, что Россия пока не наступает, а что будет через 50 лет – сказать трудно, «в данное время не хотим вам отдать свою страну». Развернув широкую разведывательную сеть на территории ханства, Эббот был задержан при осмотре Ново-Александровска русскими разъездами и впоследствии выслан в Лондон.

В годы Крымской войны Великобритания старалась максимально использовать болевые точки России, вынашивая планы отторжения Крыма и изгнания русских с Кавказа с помощью Шамиля. Через турецкую исламскую пропаганду Англия вернулась к идее антироссийского союза и призывала среднеазиатские народы к газзавату против России. Были приложены и экономические рычаги. Привозимые английские товары продавались по ценам ниже российских, ханам предлагалось обустроить судоходство на Аму-Дарье. Но ожидаемой для английского правительства эффективности эти меры не принесли, а восстание сипаев в Индии в 1857–1859 гг. против английской системы управления потрясло Восток и не послужило делу увеличения симпатий англичанам и в Средней Азии. Тем не менее английские эмиссары не оставляли своей деятельности вплоть до заключения англо-русского соглашения в 1885 г.

Напористость английских дипломатов и военных в Средней Азии не могла не пройти незамеченной в Петербурге. В правительстве постепенно приходят к единственно возможной формуле общения с агрессией Англии на юго-востоке, выраженной знатоком в восточных делах графом Н. П. Игнатьевым, директором Азиатского департамента МИД России в докладе министру иностранных дел А. М. Горчакову: «Для сохранения хороших отношений с Англией нужно ей доказать, хотя бы однажды, что мы можем выйти из пассивного положения и причинить ей, в случае разрыва, чувствительный ущерб. Английское правительство поддерживает дружеские отношения только с теми государствами, которых оно боится».

«Сила – последний из вариантов давления»

Сложности торговых и дипломатических отношений между среднеазиатскими ханствами и Россией, бывшие в XVII–XVIII вв., переложились и на век XIX. Каких-либо серьезных подвижек не произошло. На фоне все более

нарастающего интереса к торговле русского и среднеазиатского купечества продолжались грабежи караванов, захват людей в рабство. Нервно складывающиеся с Хивой и ровные с Бухарой связи усложнились к концу XVIII в. появлением Кокандского Ханства, подчинившего себе в начале XIX в. Ташкентский регион. Ташкент, всегда лояльно расположенный к России, стал яблоком раздора между Кокандом и Бухарой.

Российско-бухарские отношения славились своей стабильностью. Было явно, что в Бухаре дорожат полусоюзническим с Россией положением. Такой подход подтвердил в начале XIX в. ряд посольств из Бухары в Петербург. Интересно заметить, что штампы переговоров остались такими же, как и в XVII в. Бухарские дипломаты подчеркивали, что Бухара всегда дружна с Россией «по соседству с оной производили торговлю, обеим державам полезную», и предлагали «возобновить прежние доброго соседства и полезной торговли связи». С Российской стороны обычно канцлер подтверждал аналогичные стремления царских властей. Далее следовали долгие сетования на издержки торговли от беспокойного пути. По окончании чего шли просьбы, например в 1801 г. посол Им-Мухаммед Байкишев ходатайствовал о разрешении бухарским купцам пасти скот на азиатской части Урала или о позволении бухарским паломникам выехать через Россию в Мекку.

Обычно все пожелания выполнялись. Главное, что более тревожило обе стороны, – безопасность торговых дорог. Но ни та, ни другая страна не предпринимали конкретных шагов для реализации намеченного взаимодействия. Сорок лет спустя русская миссия в Бухару К. Бутенева также будет муссировать ту же тему. Вместе с тем появляется новое влияние в посольских связях – бухарские представители стараются все чаще информировать правительственные круги России или глав пограничных губерний о состоянии дел как в Бухаре, так и в сопредельных государствах. Так, в 1803 г. бухарские власти через посольство Юсуфа Байкшиева передали опасение в связи с намерением русского царя войско послать через Бухару в Индию (имеется в виду поход казаков по приказу Павла I). Эмир велел передать, что были готовы и квартиры, и провиант, и проводники, но для бухарцев это было бы весьма беспокояно. Потому просьба заключалась в том, чтобы, при необходимости, данный поход поручать бухарскому правителю. Петербургу пришлось заверять, что подобных мер уже не требовалось, однако нежелание Бухары видеть вблизи своей территории русские войска правительство приняло к сведению. Информирование дружественных соседей – важная часть дипломатии, позволяющая избежать ненужных недомолвок, могущих привести к серьезным конфликтам. России невыгодно было упускать Бухарский эмират из зоны своего экономического влияния, тем более что в видимости этой зоны появилась Британская империя. В частности в Бухаре, в 1811 г. по сообщению российского офицера Субханкулова, англичане пытались утвердиться на частных рынках при помощи демпинга.

После смены эмиров Бухары отношение к России в целом не изменилось. Вплоть до 1860 г. Насрулла-хан старался жить с Россией в мире,

поддерживая тесные дипломатические связи, и одновременно настойчиво укреплял господство Бухары в Средней Азии. Тем не менее использовать это обстоятельство в целях нажима на Хиву со стороны России успехом не увенчались. А амбициозность Насруллы-хана иногда проявлялась в некоторой прохладности к российским посольствам и неуважении к российскому купечеству.

Другим новшеством XIX в. становится внимание правительства к Кавказу, не только как к собственному геополитическому участку, но и как к своеобразному плацдарму для возможного проникновения в прикаспийские степи, в том числе на восточном берегу Каспия. Сторонниками такой постановки вопроса являлись выдающиеся деятели России: Н. С. Мордвинов, А. П. Ермолов, В. П. Кочубей. Развивая мысль, выдвинутую еще В. Н. Татищевым о постройке крепостей на Каспии, Мордвинов считал, что в вопросе восточной торговли сила не должна иметь решающего значения. С его точки зрения азиатские народы следовало бы приучить к российским товарам и тогда они «откроются» сами. После экспедиции Н. Н. Муравьева 1819–1820 гг. в туркменские земли и Хиву предложение Мордвинова оказалось верным только по отношению к туркменским племенам йомутов. Хивинский хан Абдул-Гази Мухаммед Рахим-хан весьма недвусмысленно показывал свою позицию России. Сначала он 40 дней в яме держал Муравьева, затем в записке к Ермолову было ясно начертано, что ни в какие особенно дружественные связи входить не желает. Столь откровенно самостоятельная позиция была обусловлена географическими особенностями расположения Хивинского Ханства: весь северо-запад окружали труднопроходимые пустыни, северо-восток Хивы «охраняли» Бухарские владения, в Прикаспийских степях обитали туркмены, одинаково зависимые в силу сложившихся обстоятельств как от Хивы, так и от России. При передвижении любого каравана туркмены сообщали об этом хану, в то же время они же сопровождали русские караваны, служили им проводниками и охраной.

Неудачные попытки наладить связи с Хивинским ханством через Кавказ были повторены с тем же успехом через Оренбург. Караваны систематически грабились уже не степными жителями, а хивинским войском. Ноты протеста Мухаммеду Рахим-хану оставались без ответа. Позицию министерства иностранных дел России, возглавляемого Нессельроде, в таких условиях иначе как растерянной не назовешь. Принимались меры для доискивания причин непримиримой позиции Хивы. В этих целях П. К. Эссен, губернатор Оренбурга, в 1823 г. по поручению правительства пытался созвать представителей Бухары, Хивы, казахов на «мирное урегулирование». Возлагаемые ожидания на встречу «по-европейски» оказались по-восточному несостоятельны – никто в Оренбург не приехал.

С 1830-х гг. в какой уже раз вернулись к вопросу об организации военной экспедиции «дабы усмирить Хивинское ханство». Эту точку зрения отстаивал Оренбургский губернатор П. П. Сухтелен, считая такую меру самой эффективной и экономной. В качестве первоочередных задач П. П. Сухте-

лен также считал учреждение военных поселений от Орска до Сыр-Дарьи. Исполнением поставленных задач занялся новый губернатор – В. А. Перовский. Будучи одним из доверенных лиц Николая I, он мог позволить в своей политике в Средней Азии действовать более решительно, чем этого бы хотелось министру иностранных дел. В. А. Перовский ввел в практику отправку послов «от себя», а не от правительства. Кроме экономии, такой ход в случае ошибки не мог бросить тень на императора и, таким образом, избежать лишней огласки. В. А. Перовского интересовало не только состояние торговли с ханствами, но и географическое положение, возможность вызволения русских пленных и особенно степень британского влияния в Средней Азии. По результатам посольств «от Перовского», возглавлявшихся П. И. Демероном в 1833 г. и Я. В. Виткевичем в 1835–1836 г., Оренбургский глава одним из корней зла, мешающего торговым связям, признал Хиву. Как следствие, был подготовлен проект нажима на непокорное ханство. Факты, представленные в проекте, были удручающими, а аргументы в пользу серьезного вмешательства убедительны. «Слишком сто лет существует Оренбург, и Россия питает надежду на торговлю с Азией, но эта торговля все еще находится в самом жалком положении... самоуправство, грабеж, увоз людей, притеснения всякого рода продолжают», – резюмировал В. А. Перовский. Но только в 1836 г. Николай I встал на сторону автора проекта. Началось осуществление задуманного. По всей России задерживались хивинские торговцы, на их товары налагался арест. Но скорого эффекта эти меры не имели. Из большого количества пленных, находящихся в Хиве, в течение двух лет вернулось лишь 130 человек. Поэтому репрессивные меры отменены не были и о дружбе, и сотрудничестве речи не шло. Подвешенное состояние между Россией и Хивой ждало своего разрешения. Окончательное решение правительства организовать военный поход созрело к осени 1839 г. Главнейшей целью его было «исключение состояния» враждебности Хивы, для чего предусматривалось заключение договора между новым (прорусским) ханом и Россией. Проект договора предусматривал отказ Хивы от претензий над казахами – подданными России, срытие хивинских укреплений, отказ Хивы от неравности торговли и т. д.

В середине ноября 1839 г. В. А. Перовский начал злополучный поход. Серьезным упущением в его подготовке стали сроки его проведения. Суровые зимние условия могли за Хиву решить проблему ее охраны. Так и случилось: верблюды, а их насчитывалось 10 тыс., о ледовый покров быстро стерли ноги. Уже на половине пути основное средство передвижения было потеряно более чем в половину. Многие участники похода были обморожены. Дойдя до Ак-Булака, в феврале 1840 г. В. А. Перовский приказал повернуть назад.

Несмотря на срыв военной операции, в Хиве, наконец, поняли серьезность требований России и не решились более ее дразнить: были отпущены все русские пленники, а в Петербург отправилось посольство Атанияда Ходжи Ренс Муфтия просить о мире. Посетивший Москву и Петербург хивинский

посол был встречен благожелательно, что должно было подчеркнуть удовлетворение Николая I подвижками в межгосударственных отношениях.

Снаряжавшиеся тем временем экспедиции К. Бутенева в Бухару и П. Никифорова в Хиву должны были закрепить упрочнение в ханствах монопольного влияния Российской империи. П. Никифорова в Хиве ждали затруднения в связи с попыткой подписания «обязательного акта», на новых условиях определявшего отношения между Хивой и Россией. Только новое посольство Г. И. Данилевского в 1842 г. осуществило задуманное. Упомянутый документ стал первым письменным договором между Россией и одним из ханств Средней Азии. Впрочем, для Хивы он был просто ненужной формальностью. Во время посещения ханства Н. П. Игнатьевым в 1858 г. о нем там просто никто не знал.

Другое ханство – Кокандское – отнюдь не было враждебно к России со времени своего становления. Заинтересованность отношений между государствами подкреплялась конкретными мерами. В 1813 г. в Коканд отбыло посольство Филиппа Назарова. Пробыв более полутора лет в ханстве, русский посол расположил Омар-хана на дружескую волну переговоров с российским правительством. Такой уровень поддерживался и в последующие 15 лет, что было подтверждено кокандским посланцам в 1828 г., прибывшим в Омск, а затем в Петербург. Прием их обставлялся необычайно тепло, хотя и уменьшил казну на 10 тыс. рублей. Вместе с тем обе стороны остались довольны переговорами. Николай I заверил послов, что и впредь кокандским представителям будет оказываться «приянь, защита и справедливость по их делам».

Тем не менее интересы Коканда и России пересеклись в вопросе о суверенитете над казахскими племенами. Расширяя сферу влияния, Коканд устремился на север от своих владений. Стал практикой сбор податей с казахов, считавшихся подданными Российской империи. Коканд явно поддерживал тех казахских султанов, которые отрицательно были настроены к России. В довершении всего кокандцы строят укрепления в районах казахских кочевий, используя, собственно говоря, русскую тактику колонизации. В этих условиях правительство России меняет позицию в отношении с Кокандом. Налицо было вмешательство в дела России, которая получила со стороны Сибирской линии силу, противоборствующую распространению влияния империи на юго-востоке. Кокандское ханство среди неприятелей постепенно в данном регионе становится на первое место. Однако осторожный Несельероде не спешил, не испытал других средств, прибегать к силе оружия. Терпеливые переговоры не привели к урегулированию спорных вопросов, и российское правительство пришло к более решительным действиям. В 1847 г. укрепляются позиции России в казахских степях. Строятся несколько крепостей у устья Сыр-Дарьи, а на Аральском море в разобранном виде доставлены из Оренбурга суда «Николай» и «Константин», положившие начало Аральской военной флотилии. Тем самым было определено направление основного удара с Хивы на Коканд. Симптоматично было и то, что в Орен-

бурге вновь появился Перовский. Его решительные взгляды на политику со Средней Азией были известны всем, в том числе и в ханствах. В 1853 г. со второй попытки была взята сильная кокандская крепость Ак-Мечеть, контролировавшая значительную территорию по берегам Сыр-Дарьи, а также построили поселение Верное в 1854 г. На дальнейшее сосредоточение российских войск вокруг Ак-Мечети кокандское правительство отреагировало быстро и недружелюбно.

Взятие Ак-Мечети, названное фортом Перовским, стало началом создания Сырдарьинской линии, т. е. одного из двух плацдармов, использовавшихся в 60-е гг. XIX в. для дальнейшего проникновения в Среднюю Азию.

«Не бросаться вперед, чтобы после не идти назад»

Крымская война внесла коррективы в среднеазиатскую политику России. Она уже не рассматривалась как только отношения с имевшимися там ханствами, поскольку откровенно враждебные действия Великобритании указывали Российскому правительству на серьезную опасность потери геополитического положения на юго-восточном направлении. На фоне продолжавшегося в Английской прессе муссирования темы «русской угрозы» Индии английское правительство в 1857 г. практически установило контроль над Гератом, считавшимся воротами в британские владения с севера. Таким образом, получив проход в Среднюю Азию, Англия не могла остановиться. Овладение ханствами стало бы логическим завершением максималистской концепции об обороне индийских владений с северо-запада. Однако данная концепция не укладывалась в геополитическую доктрину Российской империи. Терять инициативу в этом вопросе означало оголять южные рубежи государства. С другой стороны, естественные границы в виде горных хребтов Копет-дага, Гиндукуша, Памира и Тянь-Шаня как нельзя лучше способствовали бы их укреплению. С 60-х г. XIX в. начинается противостояние двух империй за овладение ключевыми территориями в Средней Азии.

Такой подход требовал активизации политики России по отношению к среднеазиатским ханствам, чему после Крымской войны мешал общий внешнеполитический курс, провозглашенный новым министром иностранных дел А. М. Горчаковым. Подчиненность внешнеполитических решений задачам внутреннего развития и осторожность Горчакова объяснялась еще и тем обстоятельством, что для него наиболее важными были дела европейские, а также ему была свойственна излишняя боязнь осложнений с Англией. Именно Горчаков считал, что в среднеазиатской политике надо вести себя крайне осмотрительно и «не бросаться вперед, чтобы после не идти назад».

Тем не менее в официальных российских кругах с середины 50-х гг. XIX в. складывалась и другая точка зрения на данный вопрос. Накануне Крымской войны А. М. Чихачев выступил автором проекта о противодействии в случае войны с Англией на Среднем Востоке. По его мнению, если

Россия отправит войска численностью в 4–5 тыс. человек из Астрабада на Герат и Кандагар, то это будет иметь больший аргумент против Англии, чем подкрепления русской армии в 30 тыс. человек на берегах Дуная. Новый руководитель Азиатского Департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевский стал сторонником активизации политики России на Востоке и пытался отстаивать перед императором инициативу сменившего на посту Оренбургского губернатора А. А. Катенина, ратовавшего за решительные действия в вопросах отношений со Средней Азией. Постепенно количество сторонников наступательной политики увеличивалось. Среди них оказались Н. П. Игнатьев, ставший директором Азиатским департаментом в 1861 г., и Д. А. Милютин – военный министр.

Но чтобы склонить к такому же решению в данном вопросе Александра II, нужна была свежая информация об истинном положении дел в Средней Азии. В этих целях и для поиска ослабления английского влияния были направлены три миссии: в Хиву и Бухару – Н. П. Игнатьева, Восточный Туркестан – Ч. Валиханова, в Иран – Н. В. Ханькова. Наиболее важной считалась экспедиция Н. П. Игнатьева. Ему предстояло добиться установления русско-хивинских и русско-бухарских дружественных отношений. Проявлением чего должно было стать разрешение обоих ханов на плавание русских судов по Аму-Дарье в случае ее судоходности. Н. П. Игнатьев должен был добиваться равноправной торговли, уничтожения порочной практики взимать с российских купцов лишние пошлины и таможенные сборы. Одной из главных задач являлось урегулирование пограничных споров. Ни Хива, ни Коканд не относились с должным уважением к продвигающимся на юг русским границам. Кроме всего, Н. П. Игнатьев должен был внушить ханам, что для них приоритетна торговля с Россией, а не с Англией.

Бухарского хана необходимо было склонить к отпуску русских пленников, находящихся на территории ханства. В помощь миссии посылались и Аральская флотилия под руководством капитана-лейтенанта Бутакова, на чем особенно настаивал великий князь Константин, курировавший российский флот. Именно «сильно палившие корабли Бутакова, чуть было не севшие на мель в устье обмелевшей к этому времени Аму-Дарьи, сильно насторожили хивинцев. С переговоров в Хиве началась миссия Игнатьева. Хивинский хан Сенд-Мухаммед согласился на все пункты договора, кроме плавания по Аму-Дарье. Но в ходе переговоров Игнатьев все более убеждался, что любые подписанные документы на Хиву значения никакого не имеют, и единственным аргументом остается «физическое воздействие».

В Бухаре переговоры с Насруллой-Ханом шли более динамично. Добившись взаимопонимания по всем вопросам, Игнатьев также получил согласие хана на плавание по Аму-Дарье. Однако самым важным результатом переговоров в Бухаре было определение позиции Бухарского эмира в отношении поползновений Великобритании для заключения союза против России. Насрулла-Хан заявил, что не намерен даже принимать английских послов. Глава миссии лишним раз убедился, что Британская империя про-

являет к Средней Азии практический интерес и предпринимает конкретные шаги к утверждению там своего влияния. Это побудило Игнатьева выработать свое решение по вопросу соперничества с Англией. Исходя из убеждения, что Англия поддерживает дружественные отношения только с теми государствами, которых она боится, он стоял за твердую и решительную политику, чтобы доказать Англии, что «мы можем выйти из пассивного положения и причинить ей в случае разрыва чувствительный ущерб».

Изучив внутривосточную и внешнеполитическую обстановку в ханствах Средней Азии, составив разное представление об их экономике и улучшив состояние среднеазиатско-русской торговли, Н. П. Игнатьев мог считать свою миссию выполненной. Александр II, прочитав докладную записку Н. П. Игнатьева, сделал на ней запись: «читал с большим любопытством и удовольствием, надобно отдать справедливость генерал-майору Игнатьеву, что он действовал умно и ловко и большего достиг, чем мы могли ожидать».

В Российской внешней политике в начале 60-х гг. можно было ожидать существенных перемен. Несмотря на противодействие А. М. Горчакова и министра финансов Рейтерна, боявшихся увеличения расходов в связи с намечавшейся активизацией русских войск в Средней Азии, существовал ряд положительных моментов. *Во-первых*, для подчинения ханств не нужно было многочисленное войско, поскольку обремененные войнами между собой, они, по информации миссии, не представляли серьезной силы. *Во-вторых*, вследствие малочисленности требующихся войсковых соединений расходы на них не представлялись запредельными. *В-третьих*, стабилизировалась после окончания Кавказской войны обстановка на Кавказе, и опытные, обученные армейские части могли быть эффективно использованы и в Средней Азии. И наконец, наступление русских войск на азиатской границе стало бы своеобразной демонстрацией в Средней Азии для отвлечения внимания Англии от восстания в Польше в 1863 г. Кроме того, Александр II утвердил решение о целесообразности соединения Сибирской и Оренбургских линий. С 1864 г. идет отсчет времени покорения среднеазиатских территорий.

«Когда б не было русских, не видали бы и холодов»

В XIX в. у читающего русского обывателя уже могло сложиться определенное мнение о Средней Азии, ее государствах, жителях. Во многом это было возможно благодаря появляющимся в печати описаниям путешествий и научным исследованиям. Одно из первых бытописаний Средней Азии, изданных уже в 1776 г., было «Путешествие в Хиву» самарского купца Данилы Рукавкина. Не могло остаться незамеченным «Девятилетнее странствование» Филиппа Ефремова. Популярностью пользовалась «Записка о некоторых народах и землях Средней Азии» Филиппа Назарова. Книга Н. Муравьева «Путешествие в Среднюю Азию» стала одной из немногих источников в Европе

о современном состоянии региона. В дальнейшем банк данных пополнялся. Появляются обширные и подробные работы о состоянии среднеазиатских государств, как, например, «Описание Хивинского ханства» Г. И. Данилевского или «Описание Бухарского ханства» Н. В. Ханькова. Интересующийся Средней Азией россиянин имел представление о многих сферах жизнедеятельности ее быта и жителей, о политическом и экономическом состоянии, где-то, возможно, находил общее.

Коканд, ставший крупнейшим в территориальном отношении ханством, насчитывал примерно 2,5 млн жителей. В его состав входил крупнейший город Средней Азии Ташкент, насчитывавший до 80 тыс. человек населения. Но если Ташкент был для России старым торговым партнером, то в самом Коканде, по свидетельству Ф. Назарова, на русских смотрели как на чудо, «рассматривали амуницию, сабли, ружья... народ с утра до ночи толпился в саду смотреть на нас». К юго-западу от Кокандского ханства располагался Бухарский эмират с населением около 2 млн человек. Среди городов выделялся Самарканд, являвшийся одним из центров суннитского ислама. Хивинское ханство, лежавшее к северо-западу от Бухары, занимало все южное побережье Аральского моря и имело слаборазвитую городскую жизнь. Города располагались в основном по берегам главной водной артерии края – Аму-Дарьи. Пустыни с кочевавшими там туркменскими племенами отделяли Хиву от восточного берега Каспийского моря. Хивинское ханство, тем не менее, не утратило ключевой торговой позиции со времен древнего Хорезма. В. А. Перовский замечал, что, находясь на перепутье всех дорог из Средней Азии в Россию, Хива является держателем и верного сообщения с Бухарой, Балхом по Аму-Дарье, а Ташкентом и Кокандом по Сыр-Дарье. Расположенная в засушливом климате Хива максимально использовала искусственные инженерные сооружения – каналы, проводящие воду по всему ее пространству. В зимнее время ханство было почти не доступно и хотя, по сведениям Н. Муравьева, «снегу в продолжении зимы бывает мало: гололедицы случаются часто и останавливают хождение караванов, если такая погода застанет их на пути, то наносит им ужаснейший вред» – верблюды обивают копыта и становятся непригодными для дальнейшего передвижения. Однако предостережение Муравьева, к сожалению, не остановило Перовского в походе на Хиву.

Выпадал снег и в Бухаре, но если ранее, по словам Ф. Ефремова, он не превышал двух вершков (44, 45 мм), выпадал и в пол-аршина (16 вершков = 71,2 см), а иногда и больше. Правда, с восходом солнца снег быстро таял, если не было редкого для тех мест холода, появление которого бухарцы связывали с русскими: «когда бы не было русских, не видели бы снегу и холоду». Отсюда и примета пошла, что их «города всеконечно будут в российском владении». Несмотря на мрачные предзнаменования и краткие холода, в Средней Азии многими путешественниками был отмечен здоровейший воздух и «райский климат».

Последнее обстоятельство послужило причиной обитания, в основном в поймах рек и в горах, разнообразной фауны, которая становилась предметом охоты – любимой потехе ханов. Охотились они на львов (барсов), волков, лисиц, маранов. Водились также барсуки, бобры. Реки наполнились белорыбницей и «всякой мелочью» – по словам Муравина в 1741 г. Благоприятный климат обусловил и отменное здоровье местного населения, не имевшего серьезных заболеваний и эпидемий. Может быть, поэтому не было известно какой-либо организации, занимавшейся медицинским обслуживанием, за исключением частных лекарей – табибов. Т. Бурнашев и М. Пospelов в 1800 г. после посещения Ташкента лестно высказались о его жителях: «...они все крепкого сложения, болезней особенных не бывает, кроме оспы, горячки и других небольших припадков». Вместе с тем многие посещавшие государства Средней Азии отмечали загадочную болезнь, названную бухарской или «волосатиком». И. Герги в своем «Описании всех в Российском государстве обитающих народов» так очерчивает протекание болезни: «Червь ходит по всему телу, от чего образуются нарывы, нередко он вылезает в глазах, языке». Данный червь «ришта», по свидетельству врача Э. А. Эрисмана, располагается длинными завитками под кожей, многие люди получают их по 12 штук. Метод излечения приводился весьма простой: «...как вылупиться из кожи, его хватают и, раскачивая, вытаскивают».

В городах Средней Азии были распространены и бани, вносящие свой вклад в здоровье местных жителей. Горный инженер Т. Бурнашев описывал торговые бани в Бухаре: «Все они каменные и в хорошем состоянии. Мужские и женские построены отдельно. При входе в баню должны вымыть руки свежей водой, в противном случае не получишь банной посуды».

Несмотря на прекрасные условия возделывания винограда, вино практически не производилось. Ограничительные функции предусматривались Кораном. Но предприимчивые обыватели все-таки без увеселительных напитков не обходились. Распространено было производство некой браги, получавшейся посредством переброживания изюма в арбузе. Применялась и «буза» – дурмящее зелье из проса. В 1869 г. бузу запретили, поскольку русские солдаты, к ней неадаптированные, чувствовали себя весьма плохо после ее употребления. Не чурались среднеазиаты и русской водки. Часто приезжая в Россию, гости не отказывались от хлебосольного угощения. В жалобе В. Даудова в Посольский приказ на сокольника Епенета, везшего кречетов «в поминки» бухарскому хану, отмечалось, что Епенет «под Синбирском зазвал посла Хаджи Фарруха к себе на струг и напоя пьяным отпустил ночью». Однако сетования Даудова заключались не в том, что напоили, а в том, что чуть не утопили вверенного под его охрану посла – «был в воде по самое горло». Астраханский губернатор в 1733 г. доносил в коллегия иностранных дел о Хаджи Батыре: «Тот хивинский посол Аджиджи Батыр от без-

мерного пьянства 8 числа апреля умре». М. Терентьев отмечал, что страсть к одуряющим, опьяняющим веществам развита в народе довольно сильно. В числе первых курили опий, завернутый в английскую бумагу, а также «анашу» из листьев и цветов конопли. Маленький шарик опия укладывали на уголья внутри самодельного кальяна из тыквы и несколько затяжек переносили любителя покурить в неземные пространства.²⁸⁵ В процессе освоения русскими Туркестана, в крае постепенно укоренялась водка, хотя продавалась она подконтрольно и в русских анклавах. Пьющие мусульмане нашли оригинальное согласие в вопросе употребления водки с Кораном: это еще и лекарство и поэтому ее употребление не противоречит канонам ислама.

Значительное влияние мусульманство оказывало на судопроизводство. Власть казиев, назначаемых ханом, в этом отношении была обширна, поскольку они решали все дела по части как духовной, так и гражданской. В известном смысле наказания дисциплинировали. После включения Средней Азии в орбиту российских интересов, путешествующие россияне отмечали с большим удивлением, что на дверях жилищ аборигенов отсутствуют замки. На самом деле объяснение лежит в воспитании существовавшими шариатскими законами. «Бухарский пленник» Ф. Ефремов детально описал сентенции наказаний: «В воровстве за малость мужчин вешают, а женщин окапывают по груди в землю и убивают камнями. За душегубство виновного отдают родственникам, кои поступают... соответственно поступкам; когда же увидит муж жену свою обращающуюся с посторонним, то убьет обоих, потом скажет сродникам о том дурном поступке... а суда не бывает». За полвека, прошедших со времени плена Ефремова, мало что изменилось. В 1814 г. переводчик Ф. Назаров отмечал, что за воровство рубят руки и оставляют по прежнему в обществе. «Я видел – свидетельствует он, – что за покражу баранов отрубили у одного мечом кисть правой руки, обмакнули для останавливания крови в горячее масло и отпустили. За смертоубийства отдают преступника в распоряжение родственников».

В политическом отношении среднеазиатские государства были восточными деспотиями, правители которых единолично распоряжались жизнью и собственностью своих подданных. По описанию Е. К. Мейендорфа (1820 г.) «правление... деспотическое, но жестокость произвола умеряется влиянием религии и кочевого образа жизни многих подданных. Хан предаётся разврату и ему усердно подражают его придворные. Политические связи мало развиты вследствие равнодушия государя. Пока его доходы не страдают, он представляет государственные дела воле случая». Во многом справедливое высказывание нельзя применить абсолютно ко всем правителям. Например, ташкентский хан Юнус-ходжа вел весьма активную внутреннюю и внешнюю политику на рубеже VIII–XIX вв. Несколько особняком развивалось устройство политической жизни у туркмен, которое укладывалось в определение,

²⁸⁵ Терентьев М. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. Сентябрь. Кн. 9. С. 102–103.

данное Д. Рукавкиным: «...трухменцы – орда не сильная, и не многолюдная. Ханов над собой не имеют, а начальствуют над ними старшины». Часть туркменских племен находилась на службе у хивинского хана, часть в течение XIII–начала XIX вв. перешла в русское подданство, часть ушла в Мервский оазис к Копет-Дагу, но государства так и не создали.

Между собой ханства жили в постоянном состоянии вражды, и не было случая, когда бы они составляли вместе одну коалицию, вследствие своих амбиций и претензий друг к другу. Такая обстановка была совершенно кстати для успешной политики России в Средней Азии.

В военном отношении среднеазиатские государства не были сильны. Русские путешественники сообщали, что все крепости стоят при каналах, укреплений, кроме невысоких глиняных стен и небольших рвов, не имеют. Самое сильное фортификационное сооружение представлял собой Ташкент, имевший стены высотой до 8 метров и до 2 метров толщиной. В город можно было попасть через 12 ворот. Вооружение до XIX в. в основном было «копейное и лучное», а пушки, лежа на регистане для одной только славы, никуда не употреблялись. А если и употреблялись, то весьма мало и неэффективно. Литье своих пушек начинается в Средней Азии с начала XIX в., но как сообщал М. Пospelов, побывавший в Ташкенте, «они льются из привозной меди и, впрочем, так толсты и неискусно сделаны, что служат более для страха народа». Войско в каждом ханстве могло собираться большое, иногда до 10 тыс. человек, причем оно было интернациональным, что отрицательно сказывалось на боевом духе. В случае неудачи, приведенные в робость, несмотря на мужество предводителей, бросались в бегство. Войско считалось сильным, если численность неприятеля была вдвое меньше. В середине XIX в. влияние Великобритании позволило в некоторой степени вооружить современным оружием часть войск ханств.

Основным средством дохода ханств была торговля, отчего инициатива во многом исходила из Средней Азии. А когда что-либо мешало проведению торговых операций, обращались с первой просьбой к России о возобновлении торговли. Отдаленность ханств и труднопроходимые вследствие грабежей пути затрудняли торговлю. Вместе с тем ханства торговали и между собой и даже использовали малые дощатые суда для перевоза товаров по рекам. Правители выжимали максимум дохода из торговли с Россией, используя разные таможенные пошлины. Известно, что немусульманские торговцы платили в 4, а то в 5 раз больше правоверных. Однако торговля была не единственным способом пополнения ханской казны. Многочисленные налоги шли с различных отраслей экономики. Основными видами сельскохозяйственных культур были пшеница, рис, ячмень, а также хлопок. Под эти и другие культуры использовали превосходную почву оазисов. Хорошая почва и благоприятный климат позволяли снимать по два урожая в год. Хлопчатник не обладал высоким качеством, грубое и короткое волокно использовалось в местной промышленности. Весьма было развито шелководство, не требовавшее в местных условиях больших затрат. А урожай зерновых убирали

серпами. Садоводство было специализировано под выращивание винограда (для изюма) и плодовых деревьев. Повсеместно выращивался лук. Скотоводство, особенно распространенное у туркмен, ориентировалось на разведение овец, верблюдов и лошадей. Породы лошадей, например ахалтекинцы, имеют и по сей день мировую известность. Меньшую роль в хозяйстве играли крупный рогатый скот, козы и ослы. Скотоводство развивалось экстенсивно, а заготовки кормов практически не производилось – использовался саксаул и верблюжья колючка.

Торговля с такими государствами, как Россия, восполняла необходимые средства производства в сельском хозяйстве, поскольку собственное ремесло не удовлетворяло его потребности. Из числа ремесленников можно выделить ткачей, скорняков, ковроделов, ювелиров, купцов. Каждый из видов деятельности облагался определенным видом налога. В Бухаре их насчитывалось до 50, в Хиве до 25 видов. Основным считался харадж (поземельная подать). Несмотря на предусмотренную шариатом норму 15 %, он иногда доходил до половины урожая.²⁸⁶ Вторым по значимости был зякат – пошлина с продукции, находящейся более года у торговцев. С садов и огородов брали танаппули, рассчитывался который, исходя из одного танапа (375 десятин) 10 танга (2 рубля). Имея пять верблюдов или 40 овец, хозяин должен был платить одного барана в качестве налога. На хашар, общественные ирригационные и другие работы население привлекалось по мере необходимости. Имели место различные сборы в чью-либо пользу. Поскольку чиновники не получали жалования, они кормились «на местах», то есть часть налогов шла в их карман. Сборщик налогов «амлякард», заведующий ирригацией «мирабон», казий, раис (духовное лицо) существовали на подобные средства.

Большая часть земель находилась в собственности государства, крестьяне ею пользовались на правах аренды. Земля отдавалась в пользование «за службу», и обычно она становилась наследственной (вакфной), а также дарилась (мульк). Значительные территории вакфной земли находились у духовенства.

В целом хозяйствование в ханствах не было эффективным, хан или эмир зачастую заботились только о своих доходах. Бывший в Бухаре Д. Н. Логофет симптоматично в этом отношении заметил, что государственное хозяйство Бухары все ведется хищнически и результаты его плачевны, «бедного бухарца правительство высасывает со всех сторон, и если когда-нибудь Бухара будет присоединена к России, то мы получим буквально нищих». Экономическое состояние среднеазиатских государств внушало опасение русскому правительству при решении о возможном их присоединении. Это было одной из причин, по которой Санкт-Петербург долго отказывался от прямого завоевания Бухары, Коканда и Хивы.

²⁸⁶ *Перепелицына Л. А.* Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии. М., 1966. С. 35.

«Ташкент взят. Никто не знает почему и для чего»

Конкретные действия по решению задач укрепления юго-восточных границ России поручались местной администрации. В этой связи для решительных действий у нее формально развязывались руки. Мнения о российской политике в Средней Азии в Петербурге и у приграничных в этом регионе губернаторов явно не совпадали. Если Горчаков всячески увещевал не продвигаться далеко на юг, а только выпрямить Оренбургскую и Сибирскую линии, то любую подвижку Петербурга по активизации действий на местах расценивали как сигнал к наступлению. Надо сказать, что складывающееся таким образом развитие событий для российской дипломатии было как нельзя выгодно. Официально не давая приказа к взятию той или иной территории в Средней Азии, правительство тем самым всю вину за происходящее или уже происшедшее перекладывало перед лицом британских политиков как раз на Оренбургского или Сибирского генерал-губернатора или на «зарвавшихся» командующих войсками. Один и тот же шаблон «оправданий» повторялся довольно часто. С каждым годом русские войска все глубже и глубже проникали в самое сердце Средней Азии. Великобритания требовала объяснений и получала всевозможные заверения на тот счет, что царь будто бы не собирается аннексировать ни единого квадратного метра земли.²⁸⁷ И поначалу такого рода утешительные слова помогали снять вопрос и напряжение в межгосударственных отношениях, тем более, что и Англия нередко пользовалась подобным дипломатическим прикрытием в отношении Афганистана. Горчаков в 1868 г. успокаивал британского посла Э. Бьюкенена по поводу взятия русскими войсками Самарканда и сожалел о происшедшем, а в 1872 г. в Лондоне граф Шувалов заверял английское правительство о напрасном их беспокойстве по поводу вступления русской армии в Хиву.

Между тем в Петербурге директор Азиатского департамента МИД России Н. П. Игнатъев и военный министр Д. А. Милютин понимали важность Средней Азии как геополитического узла, потеря которого могла привести к потере инициативы на юго-востоке и к усилению, как следствие, Британской короны. К такой позиции постепенно склонился и влиятельный министр иностранных дел А. М. Горчаков, который и убедил Александра II начать более интенсивное укоренение России в Средней Азии. Причем для России создавалась благоприятная международная обстановка к концу 60-х – началу 70-х гг. XIX в. Все европейские державы увязли в своих проблемах, обусловленных борьбой за первенство в Германии между Пруссией и Австрией. Усиливавшаяся Пруссия вызывала оправданные опасения у Франции за свои территории. США, умиротворенные покупкой Русской Америки, старались, если не поддерживать Россию, то, по крайней мере, не вмешиваться в ее дела. Великобритания, никогда не делавшая в Европе что-нибудь в одиночестве, и на этот раз не решилась противодействовать России. Сложившуюся

²⁸⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 133.

ситуацию блестяще использовал Горчаков в деле отмены «нейтрализации» Черного моря. Более того, после 1873 г. позиция России в Европе временно усилилась, благодаря заключенному между Германией, Австрией и Россией Союзу трех императоров. Несмотря на различные интересы участников Союза, Конвенция заключала в себе пункт о предоставлении каждой из них 200 тыс. армии в случае нападения других держав на одну из трех сторон. Угроза столкнуться с 600 тыс. армией могла сдержать любое возможное нападение. Охлаживала она и Англию в ее политике в Средней Азии.

Так, «железный канцлер» Горчаков, возможно, не стремясь к этому, обеспечил тыловое прикрытие среднеазиатской политике России, интерес к которой из европейских держав проявляла лишь Англия. В отношениях между двумя империями в 60-е гг. сложилась ситуация, когда никто из них не хотел уступать и поэтому возможное разрешение противостояния крылось в определении некой нейтральной территории между владениями, которая устраивала бы обе стороны. В 1869 г. английское правительство предложило России создать таковые территории, но без определения четких границ договоренности были невозможны, поскольку будущие нейтральные земли, то есть Афганистан, виделись английским политикам своими. Вместо переговоров получилась их видимость, после чего английские войска потянулись от индийских владений на север. В таком положении было очевидно, что если земли среднеазиатских государств не будут в руках России – они окажутся в руках Англии.

После выравнивания юго-восточных границ России взятием Аулие-Аты, Туркестана и Чимкента казалось бы задача правительства была выполнена, но, не дожидаясь указаний из Петербурга, командующий войсками полковник М. Г. Черняев двинулся к Ташкенту, взять который в 1864 г. не удалось. Ситуация осложнилась тем, что взятые и включенные в состав России города кокандский хан отдавать не хотел, и соперничество за южно-казахские земли разгорелось с новой силой, но уровень соперничества уже не был прежним. Серьезность намерений русских, видимо, понимали и в Коканде, правительство которого ради усиления своих позиций стремилось укрепить власть в Ташкенте, ставшим своеобразным стратегическим ключом для Средней Азии. Тем временем и бухарский эмир не прочь был овладеть ключ-городом. Воспользовавшись борьбой между Кокандом и Бухарой, новоиспеченный военный губернатор созданной Туркестанской области генерал-майор Черняев в мае 1865 г. занял крупнейший в Средней Азии город. Потери русской армии составили 25 убитых и 89 раненых. Некоторую роль в успехе русских войск сыграли горожане прорусской ориентации.²⁸⁸ Овладение Ташкентом не было санкционировано Петербургом. Министр Внутренних дел П. А. Валуев даже говорил так: «Ташкент взят. Никто не знает, почему и для чего». В известной степени эта неясность определялась слабым знакомством правительства с конкретной обстановкой. Несмотря на его колебания, Ташкент был включен

²⁸⁸ История Ташкента. Ташкент, 1988. С. 140.

в состав России в 1866 г., предлогом для чего послужили набеги бухарского эмира.

Новые земли требовали нового административного устройства, и в 1867 г. создается туркестанское генерал-губернаторство во главе с К. П. Кауфманом. Он был облачен широкими полномочиями и, обладая решительной натурой, немало способствовал успеху русского оружия. В новых землях объявлялось о неприкосновенности веры, обычаев, до 10 % снижался основной налог – харадж, увеличивались возможности для развития частного землевладения. В Туркестанское генерал-губернаторство вошли Сыр-Дарьинская и Семиреченские области. Решительный напор со стороны России побудил Коканд идти на переговоры, и в 1868 г. первое из последующего ряда соглашений со среднеазиатскими государствами было подписано. Торговый по своему характеру договор свидетельствовал о фактическом контроле над Кокандом. Впервые были уравнены права русских и кокандских купцов. Устанавливалась 2,5 % пошлина на ввозимые товары как в Россию, так и в Коканд. Русское торговое представительство получало право находиться в Коканде.

Внешнее урегулирование русско-кокандских отношений вызвало обострение отношений с бухарским эмиратом. Эмир Музаффар развернул широкую кампанию для привлечения заинтересованных сторон в союз против России, но согласия нигде не нашел. Самостоятельные военные действия эмира привели к занятию бухарскими войсками Коканда и аресту размещавшегося там русского представительства. Последнее обстоятельство привело в движение русскую армию, которая в короткое время заняла Ходжент, разбила на р. Зеравшан бухарцев и вошла в открытые ворота Самарканда. Несмотря на объявленную ранее «священную войну» против русских, бухарский эмир вынужден был подписать с Россией аналогичный кокандскому договор с признанием за победительницей Ходжента, Джизака, Ура-Тебе, а также обязывающий Музаффара выплатить контрибуцию в размере 500 тыс. руб. Названное соглашение разделило бухарское общественное мнение на сторонников и противников эмира – начались беспорядки. Чтобы иметь при своих границах спокойного соседа, российское правительство рекомендовало П. К. Кауфману вернуть Самарканд Бухаре. Генерал-губернатору Туркестанского края немало усилий стоило убедить императора не делать этого, ибо, по его мнению, передача Самарканда будет показателем слабости и неуверенности политики России и вместе с тем шагом назад в удержании на должном расстоянии Англии. В 1872 г. судьба Зеравшанского округа с Самаркандом была решена в пользу его присоединения к России. Твердая поступь российских политиков и войск привела к пересмотру российско-бухарского договора. Суть пересмотра сводилась к уточнению новой границы между государствами. Россия в новом соглашении выступила гарантом целостности эмирата в обмен на право эмира проводить самостоятельную внешнюю политику.

Ввести Хиву в подобное вассальное состояние было предрешено еще в 1872 г. на особом совещании по обсуждению доклада П. К. Кауфмана «О положении дел в Средней Азии». Тремя годами ранее российское правительство, обеспокоенное желанием Англии включить во владение подконтрольного ей афганского эмира земель по нижнему течению Аму-Дарьи, увеличивает военное присутствие на восточном побережье Каспийского моря, для чего был снаряжен отряд под руководством Н. Г. Столетова. Но благополучно утвердившееся в Красноводском заливе подразделение не стало сдерживающим фактором для все более агрессивных действий со стороны независимой Хивы. В феврале 1873 г. начался третий в истории военный поход на Хиву, сопровождаемый дипломатическим сдерживанием выпадов со стороны Великобритании. Некоторым умиротворением последней послужили возобновленные переговоры о нейтральных территориях в виде Афганистана. Россия признала, что Афганистан не входит в сферу ее интересов. К маю 1873 г. двенадцатитысячная экспедиция в Хиву, в конечном счете, закончилась успешно. Хивинский хан Мухаммед Рахим II подписал вассальное соглашение с Россией, отказываясь от внешнеполитической деятельности и становясь под ее контроль при заключении каких-либо торговых договоров. Одним из важных достижений соглашения было запрещение рабства и работорговли – были освобождены десятки тысяч невольников, в основном персов. Кроме предусмотренной после военных поражений контрибуции, устанавливалась твердая граница в виде Аму-Дарьи. Северный берег реки переходил под юрисдикцию Российской империи, а противоположный – стал доступным для беспошлинной торговли русских купцов.

Складывалось благоприятное геополитическое положение России в Средней Азии. Не присоединяя среднеазиатские государства, Россия фактически контролировала их политическое развитие. Одновременно с этим в лице вассальных территорий образовался санитарный кордон между Россией и Великобританией. Учитывая полунейтральное положение Афганистана, можно было считать юго-восточные границы вполне защищенными. Кроме этого, российское правительство не имело обязательств экономического освоения формально независимых государств, тем самым казна тратилась только на присоединенные земли.

Однако ситуация осложнилась в 1875 г. восстанием национально-религиозного толка в Кокандском ханстве. Направленное против правящего Худояр-хана и вместе с ним против русских, оно постепенно приобретало форму газзавата, расширение которого было не на пользу российским интересам. Получить войну, подобно Кавказской было не лучшей для России перспективой. К счастью для нее, лидер восстания Мулла-Исхак Мулла-Хасан-оглы не дотянул до авторитета Шамиля. Несмотря на возможность переговоров, предложенных Кауфманом, они не состоялись по причине нежелания нового кокандского хана Насреддина их вести. Начавшиеся военные действия привели русские войска в столицу ханства, а Коканд к заключению нового договора, по которому очередное бекство, на сей раз Наманганское,

вошло в Туркестанское генерал-губернаторство. Тем не менее узаконенный договором Насреддин-хан был не в состоянии навести порядок в собственной епархии. И с подачи Кауфмана, ввиду угрозы разрастания недовольства в соседние земли, Александр II согласился на присоединение всего Коканда, исходя из геополитического постулата: лучше завоевать, нежели иметь Коканд в качестве беспокойного соседа, готового при благоприятном для него стечении обстоятельств «перекинуться» в сети английской политики, тем более, что прецедент в первой половине XIX в. уже имелся. Под названием Ферганской области Коканд продолжил свое существование, но уже в составе России.

Ревностно смотря на успехи России, Англия всеми возможными средствами мешала им. В конце 1876 г. в Лондоне был разработан конкретный план военных действий против России, который предусматривал операции и в Средней Азии, и на Ближнем Востоке: начать наступление из Индии, поднять на свою сторону туркменские племена. Но Великобритания не нашла союзников для борьбы против России, а в одиночку воевать не решилась. Но противодействия России не прекратились. В 1877 г. Англия, учитывая, что Россия начала русско-турецкую войну 1877–1878 гг., в очередной раз пыталась сколотить «мусульманский блок» государств против России, для чего создавалась широкая агентурная сеть. Туркменов Ахалтекинско-го и Мервского оазисов запугали русскими так, что они, не имея представления ни о планах англичан, ни о планах русских, начали вооружаться современным английским оружием.

Параллельно Англия, в то время как Россия воевала на Балканах, вторглась в Афганистан, захватила его столицу Кабул, готовилась подчинить туркмен. С 1874 г. по «Временному положению о военном управлении в Закаспийском крае» Закаспийский округ, включивший в себя территории от восточного берега Каспийского моря до западных границ Хивинского ханства, вошел в Кавказское наместничество. Но закрепившись на Каспии, русская администрация не была уверена в прочности своего положения. Угроза военных действий повлияла на увеличение численности войск Туркестанского округа и на укрепление их материальной базы. В этих условиях правительство России отдало приказ занять стратегический Ахалтекинский оазис для противовеса Англии. Но попытка овладеть сразу центром оазиса городом Геок-Тепе была крайне неудачной. Русская армия потеряла 464 человека убитыми и ранеными. Эта неудача встревожила Александра II, опасавшегося, что Англия, завоевав Афганистан, начнет наступление на Среднюю Азию. Поэтому в Петербурге в 1880 г. было решено предпринять «серьезные меры» в Азии ввиду агрессивности англичан. Командующим русскими войсками был назначен герой русско-турецкой войны генерал М. Д. Скобелев. Сторонник наступательной тактики Скобелев масштабно подошел к поставленной перед ним задаче. В ходе продвижения русских войск он большое значение придавал северным районам Персии как источнику снабжения войск продовольствием, особо важным в полупустынной

местности. Через посланника России в Тегеране удалось получить согласие шаха на продажу продовольствия.²⁸⁹ Соппротивление русским войскам было ожесточенным вследствие того, что текинцы – жители оазиса – использовали современное оружие, в том числе пулеметы, и имели инструкторов – англичан. По сути дела овладение Ахалтекинским оазисом было принципиальным в приобретении геополитической инициативы в регионе. Если это удастся России, Англия останавливает свою экспансию в Среднюю Азию, если это удастся Англии, то Россия лишается безопасности своих южных границ.

Скобелев говорил о сложности военной обстановки: «Взятие Геок-Тепе есть дело серьезное. Неприятель решил драться упорно и все подготовил». Чем упорнее сопротивлялись текинцы, тем большая жестокость овладевала русскими солдатами: сжигали аулы, уводился скот. Надо сказать, что не только у подножия Гиндукуша российские войска применяли жестокость. Любое сопротивление русским властям вызывало карательные меры как в Самарканде, так и в Коканде. Население Средней Азии не всегда приветствовало завоевателей радостно как представителей порядка и гражданской свободы.²⁹⁰ Только в январе 1881 г. текинцы прекратили борьбу, оставив город. Стараясь заручиться поддержкой населения, Скобелев объявил амнистию всем воевавшим против русских войск (а воевали почти все). Через два месяца вернулось в город более 8 тысяч кибиток – туркмены жили полукочевым способом. После Геок-Тепе Ашхабад сдался без боя. Ашхабад стал и центром Закаспийской области. Между тем ситуация требовала урегулирования пограничных разногласия с Персией, поскольку российские войска вышли к границам персидских владений. Конвенция, заключенная в 1881 г., имела не только соглашение о пограничном разделении, она явилась своеобразным гарантом регионального одиночества Великобритании.

Взятие под контроль Ахалтекинского оазиса имело важное значение – его не заняли англичане. Благоклонность русских властей к местным жителям сыграла свою роль – жители следующего оазиса в г. Мерв приняли «на собрании народных представителей» решение добровольно присоединиться к России. Причем вопрос на собрании стоял простой: входить ли в состав России или подчиняться Англии.²⁹¹ В английской прессе это вызвало истерию русофобии, что повлияло на решение парламента о продолжении противостояния России. Сыграла роль и жесткая позиция Александра III, не стремившегося к военным конфликтам с Англией, но в то же время, не боявшегося и не желавшего уступить. Великобритания тоже не хотела прямого военного столкновения с Россией, но к войне готовилась, и вначале вынудили это сделать афганского эмира, но русские войска в районе Кушки наголову

²⁸⁹ *Киняпина И. С.* Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974. С. 265.

²⁹⁰ *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Лондон, 1991. С. 329.

²⁹¹ См.: *Тихомиров М. Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960.

разбили афганцев. Афганские войска были пробным камнем англичан. После поражения Великобритания пошла на переговоры с Россией. В 1885 году обе стороны договорились о границах. В качестве нейтральной территории между Россией и Англией был определен Афганистан. В 1887 г. окончательно установили русско-афганскую границу от р. Герируд на западе до Аму-Дарьи на востоке. После чего подул теплый ветер в отношениях двух империй.

Нормализация отношений с Великобританией означала новый поворот в развитии политики не только в Средней Азии, но и в мире. Перегруппировка сил в Европе привела к мирному существованию двух империй на востоке. Их соперничеством в силу мировой политики, державы интересовались мало, что позволило поставить Великобританию в условия дипломатического одиночества в регионе. Соглашение 1885 г. было явным выигрышем российской дипломатии и русского оружия и выглядело своеобразным реваншем за дипломатический проигрыш в 1878 г. на Берлинском конгрессе. Потеряв на Балканах, Россия приобрела Среднюю Азию. Осторожное противостояние Англии в конечном счете вывело Россию к стабильным границам на юго-восточных рубежах и было обеспечено завоеванием Кокандского ханства, ставшим вместе с другими территориями Туркестанским генерал-губернаторством, а также туркменских земель, образовавших Закаспийскую область, подчиненную генерал-губернатору Кавказа (впоследствии переподчиненную в тоже Туркестанское генерал-губернаторство). Хивинское ханство и Бухарский эмират с уменьшенными в пользу России территориями, оставаясь независимыми, постепенно экономически вращались в российский рынок и вовлекались в геополитическую сферу влияния России. Угроза потери влияния и заставила Российское правительство придти к необходимости покорения Средней Азии.

**«Хотя русские противоположны нам по религии,
но в дружбе, искренности, человечности они превыше всех»**

В начале XIX в. никто не мог вообразить, что через 70–80 лет в Средней Азии и прилегающих к ней землях воцарится спокойствие как политическое, так и экономическое. Что кокандское и хивинское ханства, и Бухарский эмират, «помиранные» русским покорением, не будут уже иметь взаимных претензий. Что отправляющиеся на юго-восток торговцы и путешественники могли быть уверены не только за свои товары, но и за свою жизнь. Что русские купцы, добравшись до мест торгов, могли не опасаться многократного налогового обложения.

Действительно, включение в состав Российской империи значительных территорий и введение Бухарского эмира и хивинского хана в вассальное состояние позволило стабилизировать внешнюю и внутреннюю обстановку в регионе и дать возможность их экономического роста. Поскольку в Бухаре и Хиве сохранялась известная самостоятельность в налоговой, администра-

тивной, судебной и финансовых системах, то данное обстоятельство ставило их в отличное от Туркестанского края состояние. Вместе с тем наблюдались и общие тенденции. Устанавливалась общая граница, имевшая важное геополитическое значение. Как новые – российско-афганские и российско-персидские, так и бухаро-афганские рубежи ставились под контроль российской пограничной службы. Армейские подразделения в вассальных государствах хотя и имелись, но реального значения и тем более угрозы для России уже не представляли. Даже несмотря на то, что русские войска практически не дислоцировались на их территориях, тем самым поддерживая внешнюю иллюзию независимости.

К концу XIX в. устанавливается и общий таможенный контроль для защиты интересов русских товаропроизводителей и от провоза через границу наркотиков. Политическая власть в Хивинском ханстве и в Бухарском эмирате, осуществляясь местной администрацией, в большей степени зависела от воли и распоряжений Туркестанского генерал-губернатора. Осложнение обстановки в Средней Азии в 80-х гг. привело русское правительство к необходимости создания политического агентства в Бухаре. В такой ситуации бухарский эмир, а впоследствии и хивинский хан превращались в «русских уездных начальников».²⁹² Политические агенты являлись своего рода и судебной инстанцией. По договорам между Россией и среднеазиатскими государствами русские граждане были подсудны только им. Со временем агенты стали разбирать иски, возникшие в результате российско-бухарских конфликтов. Рассматривались дела и местных жителей, решения по ним приравнивались к решению суда казиев. Некоторая либеральность русского судопроизводства притягивала население.²⁹³ В этом заключалась одна из основных задач политики российского правительства, усиливавших интеграцию Средней Азии в государственную ткань Российской империи.

На присоединенных и зависимых землях отменялись работорговля и рабство. Число невольников неуклонно росло к середине XIX в. Поэтому освобождение рабов и запрет работорговли был по заслугам отмечен даже англичанами, несмотря на их негативное отношение ко всему, что делалось русскими в Средней Азии. Первым был закрыт невольничий рынок в Ташкенте, а желающим экс-рабам отвели земли. Зачастую отправка на родину пленников, освобожденных русскими войсками, осуществлялась русской военной администрацией, как это произошло после взятия Хивы – около 40 тыс. персов было возвращено в Персию.

Строительство железной дороги в 1880-е гг. дало значительный толчок экономическому развитию Средней Азии. Начатое параллельно движению

²⁹² Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1906. С. 262–263.

²⁹³ Григорьев С. Е. Российская империя и Бухарский эмират в конце XVI–начале XX века: Социально-культурное взаимодействие метрополии и протектората // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 43.

войск Скобелева к туркменским землям, в дальнейшем оно, пройдя через Ашхабад, Чарджоу, Самарканд, замкнет железнодорожное кольцо по линии Ташкент – Оренбург. Мысли о железнодорожном строительстве появились у российских предпринимателей еще с 50-х гг. XIX в. К 1880 г. в правительство было подано около 40 проектов постройки. Большинство из них предпочтении отдавало направлению Оренбург – Ташкент. Но самым грандиозным замыслом не без основания считался в правительстве проект творца Суэцкого канала Ф. Лессепса о железнодорожном соединении Оренбурга и Индии. Во многом его автор убеждал русских чиновников, опираясь на ситуацию, складывающуюся в Индии. Строительство железных дорог англичанами могло рассматриваться как шаг к агрессии на север. Однако при рассмотрении в 1875 г. в Петербурге проекта Лессепса единогласно было признано, что мысль о соединении с Индией железнодорожной сетью более вредна, чем полезна для России.²⁹⁴ Другим транспортом в Средней Азии стал водный. Существовавшее с 40-х гг. XIX в. Каспийское пароходство существенно дополнилось Аральской и Аму-Дарьинской флотилиями. Причем в 60-е гг. пытались реанимировать проект времен Петра I об использовании старого русла реки, вытекавшей из Саракамышского озера, принимавшегося за русло Аму-Дарьи.²⁹⁵

Как правило, вдоль коммуникаций и строились предприятия, специализировавшиеся в основном на переработке хлопка. Именно хлопковый голод в России, возникший в 60-е гг. вследствие гражданской войны в США и, как следствие, повышения цен на него, привел российских промышленников в единственно благоприятный по климатическим условиям регион для его выращивания – в Среднюю Азию. В 80-90-е гг. заводчики российской текстильной промышленности проявили немало энергии, чтобы внедрить там наиболее качественные сорта американского хлопка. Подчас процесс внедрения проходил форсированными темпами: хлопководам раздавались бесплатно семена для посева, а в некоторых районах под хлопок использовали земли, ранее засевавшиеся зерновыми культурами, что приводило к росту цен на хлеб. Основным районом хлопководства стала Ферганская долина, к концу XIX в. дававшая до 70 % урожая хлопка. Культивирование и селекция хлопка привели российских промышленников к независимости от американской хлопковой монополии в мире.

В другую сторону от успеха привело стремление расширить в Средней Азии шелкопрядение. Созданное для этих целей «Московско-Ташкентское общество для содействия российской шелковой промышленности» выделяло немалый капитал. Однако благие цели стали нереализованными вследствие эпидемии шибрины – болезни шелкового червя. В целом по Средней Азии произошел упадок отрасли.

²⁹⁴ Дневник Д. А. Милютин 1873–1875 гг. Т. 1. М., 1947. С. 181.

²⁹⁵ Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е годы XIX века. М., 1963. С. 88–89.

Другие традиционные сельскохозяйственные занятия жителей разных регионов Средней Азии тоже не оставались без внимания. В них вносились коррективы, связанные с потребностями российского народного хозяйства. Продукция виноградарей использовалась не только для приготовления изюма, но и в виноделии и винокурении. Официально производством алкоголя (в основном спирта) занималось немусульманское население. Заметное движение получило табаководство. Применявшийся ранее для жевания табак стал выращиваться для нужд российских курильщиков. Посевы мака не уничтожались, в нем была заинтересована фармацевтическая промышленность, и в течение Первой мировой войны опиум использовался в качестве наркотика в госпиталях.

Процесс перехода от кочевого к оседлому состоянию населения, прежде всего туркменских племен, сопровождался развитием скотоводства. Улучшались породы скота, появлялись новые. Ветеринарное обслуживание, прививки, ранее не использовавшаяся заготовка сена впрок позволила в голодные годы избежать падежа скота. Новый импульс получило овцеводство и каракулеводство. Кроме хлопкоочистительных предприятий, на вторых ролях по значимости для российского рынка были маслобойное, мыловаренное и кожевенное производства. Все возрастающая потребность нефти для становления российского капитализма нашла свое понимание в развитии нефтедобычи на землях туркмен, в частности на некоторых островах в Каспийском море – Челекен, Нефтяный.

Для стимулирования производств, и прежде всего хлопкового, в Средней Азии разветвлялась банковская система. Отделения Государственного банка существовали и в Хивинском ханстве, и в Бухарском эмирате.

Особое значение для российского правительства имела переселенческая политика. Переселение крестьян из Центральной России смягчало там земельный вопрос, а в Средней Азии приводило к укреплению национальной опоры России. Постепенная миграция была благожелательна, но если поток усиливался, местная администрация часто с ним не справлялась и иногда официально приходилось ее притормаживать. Пики волн переселенцев приходились на голодные для российского крестьянства 1891–1892 гг., а также на начало XX в. В связи с непригодностью почв для зернового земледелия в Бухаре и в Хиве большинство переселенцев оседало в Семиречье. Присутствие русского населения в более южных районах связывалось как со строительством и обслуживанием железной дороги, так и с промышленным производством. Русское население к 1915 г. в Туркестанском крае насчитывало 865 742 чел., что составляло 11 % от численности всего населения. Переселенцы привнесли в жизнь местных жителей некоторое разнообразие, в частности в быту. Появляется потребность в европейских и русских товарах. Это касалось не только знати, но и средних обывателей. Увеличился спрос на различный тип посуды, стулья, кровати, керосиновые лампы, свечи, мыло и т. д. В Ташкенте и в других городах Средней Азии начинается застройка по европейскому стилю. С 1867 г. в Ташкенте создается новый «русский»

квартал, разраставшийся по мере увеличения числа администрации, военных, торговцев и промышленников. Видимо, последнее обстоятельство и послужило росту населения в городе с 1871 по 1874 гг. с 2073 до 4859 чел. С 1870 г. начинается и шоссирование дорог.²⁹⁶ Но Ташкент – город особый, центр управления Туркестанским краем. Другие «русские» города в Средней Азии переживали меньший строительный бум. А в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате старались селить русское население отдельно. Так, например, рядом с исторической Бухарой возникла Новая Бухара. Значительное количество русских проживало в Самарканде, Чарджоу, Термезе.

Осторожная политика в деле размещения переселенцев связывалась российским правительством и с внимательным отношением его к мусульманству. На заре приобщения магометанских народов к российскому подданству попытки распространения православия не приносили значительных результатов и с конца XVIII в. от них отказались вообще. Мирное сосуществование конфессий – принцип российской колонизации, ставший довлеющим и в Средней Азии. Отсюда – запрещение миссионерской деятельности и политика невмешательства в дела мусульманской веры. При образовании Туркестанского генерал-губернаторства это положение легло в основу политики России. Православные храмы разрешалось строить только в местах скопления русского населения и на территории воинских частей. Более того, российское правительство оказывало поддержку для совершающих традиционный для мусульман хадж. Еще в начале XIX в. оно пропускало через Россию паломников из Бухары, а с постройкой железной дороги этот процесс еще более упростился. Мусульманское население не подлежало призыву в российскую армию, а складывавшаяся система образования отличалась отсутствием насильственного внедрения русских программ. Практически не трогались низшие школы – мактабы, а высшая ступень конфессионального образования – медресе – оставалась верной традициям и нормам обучения. Наряду с названными учебными заведениями вводились и новые. В 1884 г. генерал-губернатор Туркестанского края Н. О. Розенбах выступил с проектом создания сети упрощенных начальных школ для детей русского и местного населения. С 1884 г. проект «русско-туземных» училищ заработал. Вместе с основами ислама и узбекским языком вводились и светские предметы. Русский язык для обучения не являлся главным, хотя для желающих его изучать открывались специальные курсы. К концу XIX в. грамотность несколько возросла, но не была всеобщей – 1,6 %.

Значительный вклад в культурно-просветительское развитие Средней Азии внесло появление книгопечатания. Первая типография возникла в Ташкенте. Там же появилась и первая газета «Туркестанские ведомости», печатавшие приложение на местном языке, которая со временем в 1883 г. превратилась в самостоятельное краевое издание «Туркестан волятининг газетаси». В начале XX в. газеты появляются и в других регионах. В част-

²⁹⁶ История Ташкента. Указ. соч. С. 146.

ности, «Бухара-йи шариф» («Благородная Бухара»), издаваемая в столице Бухарского эмирата. Кроме газет печатались переводы русских писателей на узбекский язык, а также произведения Навои, Фузули, Фурката, Мукими, Завки, Дониша. Таджикский поэт, просветитель, участник многих бухарских посольств в Россию Ахмад Дониш писал: «Хотя русские противоположны нам по религии, но в дружбе, искренности, человечности они превыше всего». Его пафосная фраза служит своеобразной оценкой деятельности российского правительства в Средней Азии до Советского периода».

Вызванное геополитической необходимостью покорение Средней Азии выявило в то же время осторожный и осознанный подход российских властей к процессу культурно-идеологического приобщения народов в общероссийский цивилизационный поток и втягивание ранее замкнутого среднеазиатского рынка в общеевропейскую систему через Россию. Установившаяся стабильность политической обстановки ликвидировала «железный занавес» Средней Азии. Начиналась интеграция ее в Российскую империю, а также рост населения: на 1897 г. в Туркестанском крае, в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве проживало 7 721 684 человек – один из важнейших показателей относительного благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев А.И.* Труды В.Н.Татищева по географии России // *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950.
2. *Бартольд В.В.* Соч. Т. IX. М., 1977.
3. *Григорьев С.Е.* Российская империя и Бухарский эмират в конце XIX–начале XX века: Социально-культурное взаимодействие метрополии и протектората // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996.
4. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова. СПб., 1842.
5. *Игнатъев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году. СПб., 1897.
6. История Ташкента. Ташкент, 1988.
7. История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1988.
8. *Киняпина Н.С., Блиев М.И., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.
9. *Марков Е.* Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Ташкенту и Ферганской области, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901.
10. Материалы военно-учетного архива Главного штаба. СПб., 1871.
11. *Перепелицына Л.А.* Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии. М., 1966.
12. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Лондон, 1991.

13. Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. Ашхабад. 1963.
14. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. I–III. СПб., 1906.
15. *Уляницкий В.А.* Сношения России со Средней Азией и Индией // ЧОИДР, 1888. Кн. III. М., 1889.
16. *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии. М., 1974.
17. *Шукуров Р.* По дороге в Индию // Родина. № 10. 1995.
18. *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960.

Россия и Крымское ханство в XV–XVIII веках

Историко-геополитические очерки

«... другу другом быти, а недругу недругом ...»

В XIII в. крымский полуостров попал под власть Золотой Орды. Начав с пробного набега на крепость Сурож в 1223 г., монголы и в дальнейшем не оставили Крым в покое. В 1239 г. монголо-татары снова явились в Тавриду и взяли ее степи в прочное обладание, причем разорениям подверглись прибрежные города: снова Сурож, затем Кафа и Херсонес. Постепенно Крым вошел в состав улуса Джучи, получившего впоследствии название Золотой Орды. По сообщениям францисканца Рубрука,²⁹⁷ пересекшего Крым в апреле 1253 г. с юга на север, сами монголы расположились в степных районах полуострова, обложив обитателей горной и прибрежной частей данью. Среди данников упоминаются: генуэзская колония г. Кафа, утвердившаяся в 60-х гг. XIII в., Солдайя (Сурож, Судак), княжество Феодоро и, возможно, самостоятельная община Кырк-Ора.²⁹⁸ Несмотря на полузависимое от монголов состояние все эти владения итальянцев и местных феодалов существовали относительно долго, вплоть до конца XV в., а некоторые из них пережили короткую, но бурную пору расцвета, связанную с оживлением внешней и транзитной торговли с Западной Европой и Востоком,²⁹⁹ в которой была заинтересована и Золотая Орда.

На протяжении всего XIII в. Золотая Орда представляла собой одно из мощнейших государств Европы и Азии. Ее политическая стабильность была обусловлена отсутствием в названное время сильных соперников на двух континентах, способных вести борьбу с монголами. Однако внутри Улуса Джучи все с большей силой начали проявляться сепаратистские тенденции различных группировок, которые со временем приводили к потере целостности монгольского государства.

В 1261 г. татары, кочевавшие под начальством беклярибека Ногая, в северном Причерноморье, попытались обособиться от власти сарайских ханов и создать собственное независимое государство. Но если разгром Ногая и его смерть ликвидировали угрозу раскола в XIII в., то в следующие века наметилась тенденция персонифицирования татар ногайских и татар крымских³⁰⁰ с дальнейшим определением их самостоятельной политики. Отношения между двумя ордами складывались по-разному, но когда речь заходила о политике в отношении метрополии – Сарая, то единение находилось довольно быстро.

²⁹⁷ Рубрук был отправлен к монголам Людовиком Святым, как и в случае с Плано Карпини, с целью установить такие отношения с Золотой Ордой, чтобы избежать ее нападения на Западную Европу. В лучшем варианте – договориться с ней о совместной борьбе с мусульманами на Ближнем Востоке и по всему Средиземноморью (*Де-Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Книга Марка Поло. М., 1997. С. 10*).

²⁹⁸ *Де-Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. С. 86–88.*

²⁹⁹ *Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 80–81.*

³⁰⁰ *Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды и его время. Пг., 1922. С. 28.*

Собственно Крымское ханство сложилось довольно поздно – в 30-е гг. XV в. и его появление было связано с распадом Золотой Орды, которая так и не сумела подняться после смертельного удара Тимура. Крымский улус к тому времени уже сильно обособился от Золотой Орды и заметно усилился. В состав его входила не только степная, но и почти вся горная область Крыма, а также южное побережье. Смерть Эдигея в 1420 г. завершила золотоордынский период Крыма. В Золотой Орде и Крыму начались смуты, борьба за власть. Крымские мурзы усилились и стремились создать из Крыма собственное государство. Был определен верховный правитель с титулом хана. По мере роста государственности Крым приобретал все большее значение в ходе общетатарских дел.

Претендентом на ханский престол явился Хаджи Гирай, собственное национальное имя его было Девлет, мусульманское Бирди, а прозвища Хаджи и Гирей он принял при вторичном занятии престола. Среди населения он прославился под именем Мелек (Ангел). Прозвище Гирай было впоследствии принято его сыном Менгли и стало династическим для всех крымских ханов.³⁰¹

Хаджи-Гирай, заняв ханский трон в 1437 г., стремился овладеть всем Крымом и, весьма вероятно, заключил с турками формальный договор, по которому уступал им Кафу с территориями горного Крыма – Готией. Свою самостоятельность крымский хан вынужден был доказывать в борьбе против хана Большой Орды Сейид-Мухаммеда, которая шла с переменным успехом, а затем и против хана Ахмата. Большим успехом Хаджи-Герая был вывод части казанских татар, живших на Волге, в Крым в 1438 г. Этим шагом он продемонстрировал не только состоятельность политического деятеля, но и внешнеполитическую перспективу Крымского ханства в сравнении со слабеющей Большой Ордой. Свидетельствовал о переселении татар венецианец Иосафат Барбаро, бывший в то время в Тане (Азове).³⁰²

Фактически до 1465 г. Крым подчинялся правопреемнику Золотой Орды. Но когда сын Хаджи-Герая – Менгли – при поддержке турецкого султана прочно сел на крымский престол, противодействия независимости Крымского ханства со стороны ханов Золотой Орды стали безуспешными. Однако властолюбивый Ахмат-хан не терял надежды распространить свое влияние и на мятежный Крым, особенно это было важно в преддверии его противостояния с Русью.

Сношения с Крымским ханством в XV–начале XVI в. поддерживали практически все государственные образования на территории Северо-Восточной Руси: Тверское, Рязанское, Новгород-Северское, Стародубское княжества. Но особый политический подтекст просматривается в отношениях Крыма с Москвой, поскольку и для России Ахмат был главным противником

³⁰¹ *Гирай-султан Халим*. Розовый куст ханов или история Крыма. Симферополь, 2008. С. 16–17.

³⁰² Барбаро и Контарини о России. М., 1971. С. 142–145.

в борьбе за независимость. Общий враг объединяет – гласит историческое правило. Данный период в жизни обоих государств исключением не стал.

После кровавой борьбы со своей знатью Ахмату удалось возродить сильную ханскую власть в Большой орде. Его владения простирались от Волги до Днепра. Для восстановления цельной золотоордынской власти не хватало полного подчинения Крыма, да и Ивана III надо было заставить «колпак верх вогнув ходить» – у тюркских народов вогнутая шапка олицетворяла вассалитет: как бы под тяжестью «ханского слова» должна была вогнуться шапка великого князя. К 70-м гг. XVI в. Москва становилась все более самостоятельной – процесс нежелательный для Большой орды, и чтобы его прекратить ордынскому хану требовалось достойно «наказать» строптивного московского великого князя. С этой целью летом 1472 г. Ахмат начинает поход на северо-запад. Впервые за многие десятилетия против Руси выступили основные силы Орды во главе с энергичным и амбициозным ханом. Возможно, что поход Ахмата был вызван прекращением даннических выплат – ордынского «выхода». Направление удара было привычным со времен Тохтамыша – через Оку на Москву, но на пути ордынцев встал г. Алексин. Его героическая оборона сыграла существенную роль в провале попыток броска на столицу, сковав на время крупные силы противника. Три дня, потерянные Ахматом под Алексиным, были использованы русским командованием для выдвижения войск к месту переправы. И хан дрогнул, ушел в степи, впервые за всю историю ордынского ига не решившись на сражение с русскими войсками.

Но это не было окончательной победой. Приходилось ждать решающего удара, и Иван III наверняка знал, что Ахмат его подготовит, и готовился сам. Нельзя было не считаться еще и с тем, что второй крупный соперник Москвы – польский король Казимир IV – тоже был весьма заинтересован в ослаблении Руси. В сложившихся условиях дипломатия Ивана III иного времени и усилий уделяет поискам союзника в борьбе с геополитическими врагами. Им мог стать крымский хан Менгли-Гирай. Крымское ханство с тревогой смотрело на усиление державы Ахмата, на его попытки возродить могущество древней кочевой империи.

Начало официальным отношениям Москвы с Крымским ханством положила миссия русского посла Никиты Васильевича Беклемишева в марте 1474 г. Отправляясь с ответственным заданием – заключить союз с Крымом – Беклемишев не должен был дать даже повод, позволяющий каким-либо образом ущемить статус Руси: ни слова о зависимости от Орды, договаривающиеся стороны – просто соседи. В наказе послу тщательно были определены его обязанности по возможному заключению союзнических договоренностей. Поскольку не было уверенности в податливости Менгли-Гирая, то было предложено три варианта соглашения. Во всех случаях назывались общие враги – Ахмат и польско-литовский король – и это не вызывало сомнений. Оставалось лишь определиться с формой взаимодействия. Вот здесь и появились варианты. Союз против короля мог стать как оборонительным, так

и наступательным, но предусматривал одностороннюю помощь Москве со стороны Крыма. Союз против Ахмата предлагался чисто оборонительный, но двусторонний, то есть в случае нападения Большой орды Русь и Крым обязывались прийти на помощь друг другу. Обыгрывался случай, при котором Менгли-Гирай предложил бы прекратить посольские связи Ахмата и Ивана III. В этом случае посол должен был заявить, что «... осподаря моего отчина с ним на одном поле, а кочует подле отчину осподаря много еже лет; ино тому не мощно быть, чтобы межи их послом не ходити». Дело в том, что резкий и бесповоротный разрыв отношений Руси и Большой Орды означал бы усиление позиций Крыма в переговорах, поскольку Москве некуда было бы деваться, кроме как заключать союз на условиях крымского хана. Но не зная его истинных намерений, делать это было опасно. Вместе с тем Менгли-Гирай, подтверждая заинтересованность контактов с русской стороной, дал «шертную» (клятвенно-доверительную) грамоту, по которой стороны обязались пребывать в любви, братстве и мире, «против недругов стоять заодно», «другу другом быти, а недругу недругом...» Грамота обязывала Менгли-Гирая следить, чтобы его мурзы не совершали набегов в русские пределы, а если таковое произойдет, то виновников казнить, а награбленное и полон вернуть. Провозглашался свободный и беспошлинный проезд послов. Красивые протокольные слова не должны вводить в заблуждение. «Братство» покупалось богатыми дарами, намеки, а впоследствии и прямые указания на которые давались в собственных грамотах крымских ханов. Иногда свидетельством «братства» должны были быть кречеты, собольи меха, иногда серебряная посуда или «рыбий зуб». Беспошлинный посольский выезд всегда сопровождался богатыми «поминками» (подарками). Они на долгие годы стали непременным элементом русско-крымской дипломатической практики. Поминки не были формой официальной дани, имея видимость сугубо добровольных подношений. Кроме того, с их помощью можно было надавить на политику хана, но лишь в том случае, если они окажутся неизмеримо большими в сравнении с польско-литовскими дарами. В Крым поминки отправлялись целыми обозами, везли как меха, так и изделия московских ремесленников: медные котлы, серебряные пуговицы и пр. После взятия Полоцка в ходе Ливонской войны Иван Грозный, стремясь продемонстрировать успехи русского оружия, послал хану «полоцкого взятья», в том числе жеребца в убранстве и двух «литвинов». Чем прочнее становилось положение Крымского ханства, тем больше поминков требовалось, чтобы получить ханское благорасположение.

В 1474 г. Менгли-Гирай не был уверен в завтрашнем дне, поэтому более ценными для него в тот период были соглашения с Москвой. И хотя на предложения русской стороны конкретных ответов не последовало, Крым продемонстрировал желание продолжить переговоры. Поэтому Беклемишев в столицу возвращался не один, а с крымским послом Довлетек-Мурзой. Теперь уже великий князь выслушивал интересы противоположной стороны, а они весьма отличались от русской. Поскольку Менгли-Гирай был связан дру-

жескими отношениями с Казимиром IV и не хотел их терять, то в его проекте статья о союзе с Москвой против Польши отсутствовала. Иван Васильевич ясно понимал опасность противостояния на два фронта, и поэтому война против Ахмата была немыслима без уверенности ненападения со стороны запада. Переговоры опять прекращаются, с тем чтобы переместиться в Крым, куда и направился в марте 1475 г. очередной представитель Посольского приказа Алексей Иванович Старков. Он должен был убедить хана в том, что без сдерживания им Казимира союз и последующая война с Ахматом невозможны, ну или добиваться обещания Менгли-Гирая, по крайней мере, не помогать Польше. Возможно, согласие было бы достигнуто, если бы не мятеж, в результате которого Менгли еще «до лета» был сначала свергнут, а после вторжения на полуостров турецких войск султана Мохаммеда II тем же летом подчинился воле османов. Русское посольство Старкова, не выполнив многих поручений, подверглось ограблению и еле «своими головами» выбрались из Крыма.

На этот раз причиной срыва переговоров стала агрессивность Порты. Со времени взятия Константинополя в 1453 г. и прекращения существования Византийской и Трапезундской империй турки безраздельно властвовали на Черном море. Захватив ключевые проливы Босфор и Дарданеллы, они теперь и торговлю держали в своих руках, требуя повышения пошлин, а то и вовсе не пускали корабли через них. Больше всех от этих мер страдали Генуэзские колонии, главнейшей из которых была Кафа. Итальянцы от безысходности даже пытались наладить торговлю по суше, однако это не смогло компенсировать утрату морского пути. Переменчивую по отношению к Турции политику проводили правители значимого в Восточной Европе княжества Феодоро в горной Готии, но и они страдали от участвовавших нападений турецких десантов. В условиях грозящего османского нападения в начале 70-х гг. XV в. стороны старались и свои позиции сблизить, и союзников по возможности найти. В 1474 г. Генуя потребовала от управляющих своих колоний восстановления ранее прерванных отношений с Москвой, прекращения территориальных споров с Феодоро, сближения с крымским ханом. Со своей стороны феодоритский князь Исаак (Исайка) искал сближения и с вдохновителем антитурецкого сопротивления молдавским господарем Стефаном III Мушатом, за которого выдал свою дочь – Марию, и с великим князем Иваном III, стремясь династическим браком обеспечить себе поддержку Москвы во внутрикрымских делах. Ивану III возможный брак его сына Ивана Молодого с дочерью Исаака мог импонировать, поскольку род мангупских князей еще в первой половине XV в. был связан кровными узами с порфириночным древом императоров Палеологов и уже лет пятьдесят использовал их символику, в том числе и с двуглавым орлом (Иоанн, сын князя Алексея I, был женат на Марии Асане из рода Палеолог).³⁰³

³⁰³ *Фадеева Т. М., Шапошников А. К.* Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2005. С. 51–54.

После своей женитьбы в 1472 г. на Софье Палеолог, браком сына на феоdorитской княжне московский государь мог лишней раз подчеркнуть свои права и возможность претендовать на еще реально сохранявший независимость осколок византийского наследства. Кроме того, Москве, как известно, необходимы были союзники, способные помочь в отстаивании независимости. Через возможный брак происходил зондаж ситуации в Крыму. Известно, что мангупский князь Исаак принимал московского боярина Никиту Беклемишева, почтил его и великому князю «дружбу свою чинил», предлагая свою дочь за сына Ивана III. А когда в Крым отправлялось посольство А. Старкова, ему по этому делу в наказе написали, что поскольку «боярин Никита девку видел», то необходимо благожелательность великого князя было засвидетельствовать «поминками» и продолжить переговоры о браке и о приданом: «что взятка с девкою, на колко тысяч золотых?» Однако мы помним, что Старкова отправляли совсем с другой миссией – обеспечить союз с Менгли-Гираем, который не состоялся по очень существенной причине. Нападение на Крым османского султана Мохаммеда II перечеркнуло все намечавшиеся союзы и сорвало подписание всех возможных соглашений. Турками были захвачены Кафа, Мангуп, подчинился и Менгли-Гирай. По всему следовало, что наступает пауза в наметившихся было подвижках переговорного процесса Москвы с крымским ханом.

Неудача Ивана III в Крыму объективно ухудшила отношение к Руси Большой орды. Ахмат не только не упустил возможность напомнить своему русскому «улуснику» о его подчиненном положении, но и устроил демонстрацию силы, вторгшись в Крым и разгромив Менгли-Гирая. Мечты Ахмата о возрождении былой славы Золотой орды были почти реализованы. Оставалось только закрепить достигнутый успех в соглашении с турецким султаном. Наряду с заверениями в дружбе и верности в послании содержалось многозначительное напоминание о том, что он – Ахмат – прямой наследник Чингис-хана. Однако стремление укрепить свою власть в Крыму в сочетании с великодержавными амбициями сделало невозможным признание его Портой.³⁰⁴ И он не смог удержаться во власти на полуострове. К весне ставленник Ахмата в Крыму Джанибек был изгнан в третий раз ставшим ханом Менгли-Гираем, что открывало перспективу дальнейших русско-крымских переговоров. Предложение о возобновлении переговоров, прозвучавшее из уст срочно направленного в Крым толмача Иванчи Белого, было благосклонно принято. Менгли-Гирай как никто понимал, что четвертого восшествия во власть может уже и не быть.

Между тем в самой Руси обстановка накалилась до предела поднявшимся мятежом братьев Ивана III Андреем Большим и Борисом. Самое опасное было то, что они обратились за помощью как к Новгороду, так и к Казимиру IV. Таким образом, внутренний конфликт грозил перерасти в международ-

³⁰⁴ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. М., 1952. С. 112.

ный. Тем более что активизировались и орденские немцы, зачистившие в пределы Псковской земли. А угроза от Ахмата звучала уже давно и явно. Получалось, что войска Ивану III Васильевичу приходилось держать как на северо-западе, так и на западных рубежах, а также готовиться к главнейшему событию столетия – ратной встрече с Ахматом. Осенью 1480 г. Иван III стоял перед оформленной или неоформленной коалицией врагов: Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами в Лифляндии и Эстляндии, короля Казимира IV, имевшего возможность располагать польско-литовскими силами, и Ахмед-хана, поднявшегося со своей Белой ордой.

Одной Москве сдюжить не представлялось возможным. Необходимо было интенсифицировать переговоры с Менгли-Гираем. В апреле 1480 г. в Крым мчится князь Иван Иванович Звенец Звенигородский, имея широчайшие полномочия на заключение двустороннего оборонительного союза против Ахмата и одностороннего оборонительно-наступательного – против Казимира IV. Условия заключения в основных чертах повторяли наказ шестилетней давности. Пока Звенец исполнял свой посольский долг, Иван III готовился к встрече ордынского войска. Не имея сведений о местонахождении и намерениях Ахмата, великий князь подстраховался, и в наставлениях русской миссии в Крым значилось, что если во время переговоров Ахмат будет «на сей стороне Волги», то просить крымского хана срочно выступить либо против Ахмата, либо против Казимира.

Менгли-Гирай, зная о переговорах Ахмата и Казимира, выбирал между нежеланием ссориться с Польшей и страхом и ненавистью к Ахмату. Видимо, пересилило последнее, и исторический договор между Крымским ханством и Московским государством был подписан. Наученный своими политическими мытарствами крымский хан подстраховался и поэтому в договоре особо прописали гарантии безопасного приезда хана в Россию, в случае какого-либо «несчастья», под которым, прежде всего, имелось в виду лишение его в очередной раз ханского стола. Между тем договор Москвы и Крыма позволил с большим спокойствием за юго-западные рубежи сосредоточиться на отношениях с Ордой. Впрочем, ни к чему не ведущие переговоры с Ахматом имели лишь одну цель – затягивание времени, и поскольку ордынская сторона это делать позволяла, то Иван III понял, что его противник совсем не уверен в своих силах. Эта неуверенность вылилась в известное «стояние на реке Угре» в 1480 г., позволившее окончательно стряхнуть с себя ордынское иго. Немаловажную роль сыграло в этом процессе нападение Менгли-Гирая на южную окраину владений Казимира IV, который не решился оставить свои южные рубежи на разграбление крымским татарам и не отправил войска на поддержку своему восточному союзнику Ахмату.

После 1480 г. московско-крымские отношения оставались на прежнем добрососедском уровне. Прежде всего за счет продолжающейся борьбы Менгли-Гирая и ордынских царевичей – сыновей Ахмата за власть и территории, активная фаза которой началась в 1485 г. В этой борьбе русская сторона демонстрировала свои союзнические обязательства. Так, в 1486 г.

Москва информировала Бахчисарай о своих конфликтах с Литвой. А позже о предложении турецкой стороной дружбы с Россией. Надо сказать, что для движения дипломатических миссий, следующих в Порту, крымский хан предоставил свою территорию. Первый посол в Османскую империю Михаил Андреевич Плещеев путь держал вокруг литовских владений прямо на Перекоп, и далее – на Кафу, чтобы морем отправиться уже в Стамбул.

В 1491 г. последовала и прямая военная помощь Менгли-Гираю. Войска Большой орды Сейид-Ахмета и Ших-Ахмета подошли к Перекопу, но из-за посланных Иваном III в Большую орду отрядов московских ратных людей не осмелились вторгнуться в Крым. «Брани» между ордынцами и русскими не было, но действия Москвы в очередной раз демонстрировали верность договору 1480 г.

После свержения ордынского ига Москва сосредоточилась на геополитической проблеме возвращения западно-русских земель. Для решения ее неминуемо было столкновение с Литвой. В войне с ней Иван III надеялся на помощь крымского хана. Литовское княжество тоже готовилось к противостоянию и также делало попытки «перекупить» Менгли-Гирая. Для установления союзнических отношений с ним литовский князь Александр Казимирович отправил посольство в Крым. Параллельно литовской миссии на полуостров направляется представитель Ивана III К. Заболоцкий, усилиями которого крымского правителя удалось убедить в том, что «добрая война» и многочисленные «прибытки» с литовским княжеством лучше «худого мира». Да и сам Менгли-Гирай понимал, что пока не окончена война с Ахматовичами, ссориться с Москвой нет никакого резона. Таким образом, акция Александра Казимировича не удалась, и ему пришлось искать поддержку против России у Ордена и у ханов Большой орды. Лучшего дипломатического расклада для Москвы трудно было ожидать. Русским послам оставалось только держать крымского хана в убеждении того, что Москва всегда поможет Крыму в случае войны с Литвой.

В русско-литовской войне 1500–1503 гг. Иван III опять воспользовался союзническими отношениями с крымским ханом. У великого князя был план совершить зимний поход на Смоленск. Поэтому в сентябре 1500 г. в Крым выехал Иван Мамонов с наказом уговорить крымского хана нанести удар по Литовскому княжеству. Сам поход на Смоленск не удался из-за выпавшего большого количества снега и малого «корму коньского», а вот крымские орды постоянно вторгались в пределы Литвы. Но главные свои геополитические задачи Менгли-Гирай решал не здесь. Он усилил свое наступательное движение на «Ахматовых детей», и Иван III делал все, чтобы поддержать союзника. Когда в начале августа 1501 г. Менгли-Гирай сообщал, что выступает в поход на Ших-Ахмета, то великий князь сразу же послал в поддержку князя В. Ноздреватого и находящегося на русской службе татарина Мухаммед-Эмина на ордынские улусы. Должны были им помогать и рязанские князья. В мае 1502 г. войска Крымского ханства и Ногайской орды в степях за Перекопом у устья реки Сулы разгромили татар Ших-Ахмета,

что повлекло за собой практически прекращение существования Большой орды, а крымский хан становился единовластным держателем Северочерноморских степей. На радостях и в верность союзническому долгу Москве крымские царевицы почти сразу же после исторической победы совершили набег на правобережную Украину и в Польшу.

Теперь с развязанными руками Крым для Москвы становился опасен. Это почувствовали на Западе. В декабре 1502 г. в Москву прибыл посол Владислава Ягеллона – он привез Ивану III грамоту от папы Александра VI и обращение к великому князю от кардинала Реджио. Он призывал русского государя вступить в антиосманскую лигу и как можно скорее заключить мир с Литвой с возвращением ей всех завоеванных земель. Иван Васильевич предложения о войне с Турцией отклонил – не для того строили с ней отношения, а в переговоры о мире с Литвой вступить был готов, но без возврата земель. Вместе с тем терять своего крымского союзника тоже было бы неверно, и чтобы лишний раз заверить Менгли-Гирая в том, что Россия не заключит сепаратного мира с Литовским княжеством, был отправлен в Крым надежный Беклемишев. Русский посол в очередной раз получил признание хана в братских отношениях с Иваном III. Однако постепенно крымско-русский союз стал разваливаться.

«А посошную пошлину не платить ...»

Оптимистично начинавшиеся при Иване III «братские» отношения между Москвой и Крымом в начале XVI в. уже не отличались радужностью. Более того, при Василии III Ивановиче они резко изменились. Причина этого крылась в том, что Белая Орда и хан Ахмат уже не представляли серьезной опасности для Менгли-Гирая. Литва и Польша, во избежание частых набегов, старались щедро одаривать Крым и в этом значительно опережали прижизнистую Москву. Как следствие, Москва оказалась на положении своеобразного должника. А сам крымский хан все более чувствовал себя наследником золотоордынских правителей. Несколько мешало подчинение Турции, но и от нее крымская знать старалась дистанцироваться и по возможности, ослабить зависимость Крыма от Порты. Имело место неподчинение ее требованиям, но это удавалось им редко: при малейшем непослушании всегда было угрозой смещение с престола и замена другим лицом из числа нескольких десятков представителей рода Гираев. Отсюда произошла двойственность политики Крыма, с одной стороны, национально-татарских стремлений, с другой – посторонних, внешних требований, – и во внутренней жизни и в международной политике. Чтобы обеспечить Крыму прямое престолонаследие, Менгли-Гирай учредил сан калги, заместителя султана, но в сущности это было только почетное звание, а престол замещался по выбору турецкого султана и Порты и с возможным соблюдением старшинства в роду. В сущности, ханская власть в Крыму сделалась отражением власти султана.

А вот в отношении к Москве с начала XVI в. перекопские владыки всячески стремились подчеркнуть зависимое положение русских государей. Так, при следовании послов на аудиенцию к хану мурзы бросали им под ноги свои посохи, требуя плату за право их переступить. Вполне возможно, что подобный обычай – «посошная пошлина» – пришел из ставки Золотой и Белой Орд, поскольку русским дипломатам строжайше предписывалось ни при каких обстоятельствах эту пошлину не платить. Если без уплаты они не могли войти в ханский дворец, то им следовало уезжать, так и не увидев хана. Предостережения об этом фигурируют в наказах послам вплоть до конца XVI в. Здесь имели место не меркантильные соображения – несколько лишних подарков московскую казну не разорили бы. Требование «посошной пошлины» символизировало зависимое положение посла и его государя. Именно поэтому русский посол Иван Мамонов отказался ее уплатить, когда ему предлагали «Пошлины на тебе царь (хан – *М. К.*) не велит взять, а слово ты молви хотя одно то: царево (ханское – *М. К.*) слово на голове держу». Произнести вслух то, что предлагали крымские мурзы, для посла было равносильно уплате «посошной пошлины» – неприемлемо было ни то, ни другое, потому что на языке восточной дипломатии формула «держат слово на голове» означала зависимость и подчинение. За мелочами церемониала вставали проблемы несравнимо более важные: речь в данном конкретном случае шла об окончательном признании независимости Московского государства, завоеванной более чем в двухсотлетней борьбе с Золотой Ордой. Если раньше можно и нужно было терпеть многие протокольные унижения в общении с ней, то с Крымским ханством подобное было невозможно. Однако постоянная военная угроза с юга заставляла московских правителей сохранять в связях с Крымом некоторые нормы посольского обычая, ранее принятые в русско-ордынской посольской практике.³⁰⁵ Все более усиливающий свою власть Менгли-Гирав использовал любой момент в дипломатических перипетиях, чтобы показать свою значимость. Так, польский король Сигизмунд получил от крымского хана ярлык на право владения некоторыми территориями в Литовской земле некогда пожалованными еще его дедами князьям Витовту и Казимиру.

Напряженность между Крымом и Москвой, между тем, не перерастала в явную вражду. И Василий III получил «шертную грамоту» с подтверждением прежнего союза. Однако в 1507 г. крымские татары пришли воевать Белевские, Одоевские и Козельские земли. Как будто бы решили проверить русскую боеготовность. Великий князь выслал на «украину» воевод с ратными людьми, и они едва успели отбить обозы с полоном на Верхней Оке. Тем не менее до 1512 г. набеги не повторялись. Мир с Крымом нужно было подтверждать непрерывными и все возрастающими «упоминками», а также разрешением беспошлинной торговли для крымских купцов в Москве. По мере возможностей эти требования московской стороной удовлетворялись.

³⁰⁵ Юзефович Л.А. Как в посольских обычаях ведется. М., 1988. С. 24.

А в мае 1512 г. крымские ханы снова «воева московскую украйну» – Белев, Одоев, Воротынский, Алексин. На этот раз «лихими героями» были сыновья Менгли-Гирая, и им удалось пограбить «велико» и отступить с большой добычей. В том же году была разорена и Рязанская земля, хотя саму Рязань татарам взять не удалось.

В 1515 г. умер Менгли-Гирай. Если при нем еще теплились воспоминания об относительном добрососедстве, то после его смерти русско-крымские отношения стали намного хуже. Причиной тому стали упреки его преемника – Махмет-Гирая Москве в том, что, дескать, Василий III в ходе русско-литовских войн посмел отвоевать у Сигизмунда Смоленск и другие западнорусские города, то есть те земли, которые Менгли-Гирай «пожаловал» Литве.

Одновременно с претензиями крымской стороны русским купцам в Крыму стали творить «многие неправды»: от требования подарков по всей субординальной лестнице крымских чиновников до прямого грабежа. Тем самым крымский хан самым простым и доступным способом давал понять, что он ждет от Москвы большего участия в его – крымских – делах, в кои входила, например, помощь со стороны русского государства в его борьбе с Астраханью. В задачах московского правительства таких мероприятий не значилось. И как следствие снова начинается соревнование с Литвой в количестве подарков Крыму. Однако усилия великокняжеской казны не спасали от ежегодных набегов. Один из доверенных крымских мурз так назидательно и сообщал: «Все это делается великому князю самому от себя; говорил я, чтобы великий князь столько же присылал, сколько король присылает ...» Да что там мурзы, сам крымский хан прямо вещал, что совсем не ручается в том, что его люди не будут воевать: «Людей своих мне не унять: пришли на меня всю землю, говорят, что не будут меня в том слушаться, а Ширины мимо меня вздумали воевать ...» В этой позиции крымского хана заключалась характерная черта политики Крыма как тогда, так и на протяжении последующих веков. То есть несмотря даже на заключенные сторонами «братские» договоренности, крымский хан якобы не мог повлиять на возможные набеги своих мурз и, следовательно, он, дескать, не виноват. А раз так, то и претензии к нему Москвы безосновательны, а за обиды надо и подарков побольше.

Таким образом, ожидать от Крыма соблюдения договоренностей в полном объеме не приходилось, и необходимо было приравниваться к складывающимся непростым дипломатическим и военным специфическим особенностям московско-крымских отношений. В сущности, большая половина XVI в. и ушла на поиски их приемлемой концепции. Каждая посольская миссия Москвы в Крым, каждое столкновение с крымско-татарской ордой были своеобразными шагами в этом направлении.

В 1517 г. крымские татары появились под Тулой. Князя Воротынский и Одоевский, командовавшие русскими отрядами, использовали старую засечную тактику, применявшуюся еще со времен Киевской Руси для защиты

от набегов кочевников. Однако пришло время ее видоизменить: по предполагаемому направлению татарской конницы дороги засекали до непроходимости, потом пешим ходом московские ратные люди обходили неприятеля с обратной стороны и снова засекали дорогу так, что крымчаки попадали в ловушку. Действительно, для конных татар это было смерти подобно. И в описываемом случае под Тулой многие татары, разбежавшись мелкими частями, были побиты, многие утонули при переправе или взяты в плен.

Такие частные случаи политику не определяли и при переговорах учитывались редко. Иногда просто не замечались, иначе бы амбиции Мухаммед-Гирая потеряли бы свой вес. А он, как и его отец, явно готовил себе роль наследника разваленной Золотой Орды. Амбициозность Мухаммед-Гирая подтверждается биографическим изданием Гераев «Розовый куст ханов или история Крыма», в котором он прославляется взятием Астрахани и уничтожением множества врагов. А в «Добавлении» к книге поясняется, что «объединив под своей рукой Крым, Казань, Хаджи-Тархан, он выполнил первую часть своих планов, в которые входили покорение всех ногаев, завоевание Хорезма, Дешти-Кипчака, Сибири, уничтожение Персии и угроза Европе.³⁰⁶ И в этом своем стремлении хотел максимально использовать соседнее Московское государство. В связи с этим, хан добивался не только Мещерских земель, которые считал своими, но и помощи Василия III Ивановича в деле укоренения своей власти в Казани. России, только что освободившейся от ордынского ига, совсем ни к чему было усиление наглеющего на глазах Крыма. И поэтому Москва в вопросе о Казани подыграла противнику перекопских мурз астраханскому царевичу Шиг-Алею. На этот, по сути, прямой вызов Мухаммед-Гирай ответил весной 1521 г. со всей своей прямоотой: Казань отобрал и сел там сам, московского воеводу ограбил и выслал из города, многих из его слуг перебил, а всех крымцев, ногаев и принявших участие в набеге литовские отряды направил к берегам Оки. Перейдя Оку, орды рассыпались для грабежа от Коломны до Москвы. Впервые крымские отряды продвинулись так далеко на север: бунчук ханской ставки был водружен в 15 верстах от столицы, а крымские воины, дойдя на села Воробьева, разграбили великокняжеские погреба. Напор крымского воинства был столь силен, а добыча столь велика, что по пути назад татары как обузу бросали младенцев. По свидетельству австрийского посла С. Герберштейна, для поисков оставшихся детей Василий III впоследствии отсылал специальные отряды.³⁰⁷

Нашествие застигло Василия III врасплох. Поручив оборону Москвы зятю, татарскому царевичу Петру, великий князь бежал в Волоколамск для сбора войска. Дожидаясь подхода войск из Новгорода и Пскова, он приказал начать переговоры с крымским ханом. Приняв дары, Мухаммед-Гирай обещал снять осаду и уйти в Орду, «если Василий грамотой обяжется быть вечным

³⁰⁶ *Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. С. 27–29.*

³⁰⁷ *Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 51.*

данником царя (хана – *М.К.*), какими были его отец и предки». Крымцы стояли под Москвой две недели, и за это время требуемая грамота была доставлена крымскому хану. Получив требуемую грамоту от Василия III, Мухаммед-Гирай отошел к Рязани. Несколько недель под городом татары вели торговлю пленными с русскими. Состоятельные люди могли выкупить из плена своих близких. Мухаммед-Гирай сообщил рязанскому воеводе о грамоте, выданной ему Василием III, и потребовал, чтобы тот снабдил орду продовольствием за счет запасов, хранившихся в крепости. Воевода И. В. Хабар попросил предъявить ему государеву грамоту. Как только документ был доставлен в крепость, рязанцы пушечным огнем отогнали татар от стен города. Решительность рязанцев, а также известия о том, что астраханские орды вторглись в Крым, заставили крымского хана уйти в степи. А унижительная для русского князя грамота так и осталась на Руси. На следующий год Василий III был готов встретить своего крымского оппонента на Оке, но тот не пришел, поскольку Крым захлестнули внутренние усобицы. Кроме того, продолжилась борьба за главенство и дележ постзолотордынского пространства.

Относительное спокойствие продолжалось пять лет, до тех пор, пока в Крыму не уладили свои «замятни». Политическая стабилизация в крымском ханстве привела к беспокойству в Москве, поскольку власть в ханстве разделилась между Сахиб-Гираем и его племянником Исламом. И оба, называя себя истинными наследниками крымских ханов, требовали от Москвы «поминков». Сахиб-Гирай так и говорил: «Ведь ты нашу землю хорошо знаешь, наша земля войной живет». Как же тут не знать, когда набеги продолжались каждый год и волнами накатывали с завидной постоянностью в сезонности: весной после таяния снегов и осенью перед снегами. Причем эта нехитрые действия южных соседей Руси продолжались вплоть до времени присоединения Крыма к России. Российский чиновник XVIII в. И. Цебриков, наблюдая за жизнью крымских татар, отмечал, что как только весна наступала, «крымцы к бунту по теплоте свободу имели», то есть ментально татары по весне всегда готовы были саблями махать да полон брать.³⁰⁸ Самыми крупными можно считать набег Сахиб-Гиреевских войск на Оку в 1535 и 1541 гг. В 1542 г. его сын Имин-Гирей напал на Северскую область, но был разбит московскими воеводами. Через два года он же разорил Белевские и Одоевские места.

В таких условиях Москве необходимо было изменить стратегию постоянного удовлетворения вырастающих appetитов Крыма в требуемых объемах, тем более что татары «слова не держали». Уместно было наряду с умеренными поминками позаботиться о неприкосновенности собственных границ не только военным сдерживанием, но и дипломатическим гарантированием их безопасности со стороны Крыма. Последний нюанс подчеркивался едва ли не в каждом официальном послании хану.

³⁰⁸ *Цебриков И. М.* Справедливыя действы при врате Крыма в Таврике 1783 года. [Электронный ресурс]. <[http // www.crimea.metakultura.ru](http://www.crimea.metakultura.ru)>

Обозначив условные границы, московское государство не остановилось только на их обороне, а стало ненавязчиво упрочивать свое присутствие в южном порубежье, доказывая свое военное превосходство. Ускоренное строительство засечных линий и становление станичной и сторожевой службы были тому подтверждением.

«А стояти сторожем на сторожах с конь не сседая ...»

Редкий год на протяжении двух веков, XVI и XVII, когда крымские татары, не будучи гостями, не посещали окраины московских и литовских мест. Добросовестный рассказчик Д'Асколи называл эти мероприятия «обыкновением»³⁰⁹, настолько для крымских татар было обычным совершать разбойничьи набеги. Лишь только в Крыму начиналась весна, татары покидали насиженные места и продвигались на север по мере того, как таял снег и в степи появлялся подножный корм. Каждый вел за собой две-три лошади с плетеными корзинами, веревками и ремнями на спинах. Главными маршрутами их движения были русла рек, поскольку эти места ранее других обнажались из-под снега, обсыхали и покрывались травой. Сама природа, таким образом, указывала кочевникам наилучший беспрепятственный путь. Водоразделы сделались их излюбленными дорогами, или шляхами, по которым они подходили к порубежью.

Главным шляхом был Муравский. Начинаясь от Перекопа, он шел по водоразделу сначала между Днепром и Донцом, а затем между Окой и Доном и упирался прямо в Оку около Серпухова. Другой путь – Изюмский – считался вспомогательным, ответвлением Муравского. Он пересекал Донец около Изюмки, шел далее между Донцом и Осмолем и, обойдя Донец, соединялся опять с Муравским шляхом. Севернее, на верховьях Быстрой Сосны, с этим же шляхом соединялся Калмиусский шлях, шедший от Азовского побережья через р. Донец, а потом между Осколом и Доном. По водоразделам правых притоков Дона и левых притоков Донца, левых притоков Дона и правых Хопра и Оки проходила Ногайская дорога, которая пересекала верхний Воронеж и Дон, соединяясь с Муравским шляхом. К польско-литовским территориям вели Черный и Кучманский шляхи, использующие водоразделы между Днепром и Южным Бугом и между Южным Бугом и Днестром. Оба они приводили к Львову.

Как только до первых селений оставалось два дня пути, татары получали приказ «Пуститься вскачь!» или двигаться галопом. Вот как описывает вековой татарский строй турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби: «Тотчас народ татарский оседлывает коней своих отборных, и вскачь пускает, кони же те, ячменем откормленные, сил набраться смогли и в наилучшем состоянии находятся. Если же кто тогда с коня упадет, то спасения ему не

³⁰⁹ Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии префектом Кафы, Татарии и проч. Эмиддио Дортелли Д'Асколи. 1634 г. // «Записки Импера-торского Одесского общества истории и древностей» (ЗОИДР). Т. XXIV. Одесса, 1902. С. 124.

будет: затопчут его копыта конские, и смерть ему, ибо татары не имеют обыкновения оборачиваться или оглядываться вослед. Кони их по десять или по пятнадцать арканами за хвост друг к другу привязаны, и один другого тянет, а если же конь в сутолоке такой на землю падает, не подняться ему больше, и под копытами он погибает. О спасении же человека, который с коня упал, тем более речи быть не может, ибо будь то человек или конь, копытами конскими стерт будет, и только кровавые лохмотья от него останутся». Сами татары и их лошади были неприхотливы и выносливы: «Их лошади весьма смирны; не найдешь такой, которая кусалась бы или лягалась, к тому же они удивительно выносливы и могут пробежать, как бы рысью, сто миль в день; так они идут 3 или 4 месяца, не утомляясь. Они также способны долго переносить голод; зимой, когда нет подножного корма, лошади роют копытом землю, даже при глубоком снеге до тех пор, пока не докопаются до корней травы, чем и питаются, так как татары не запасаются в дорогу овсом для коней, довольствуясь сами 6-ю или 8-ю фунтами теста из гороховой, ячменной или хлебной муки и из кислого творога, называемого тогурт (togurt). Татары имеют при себе объемистую деревянную чашку и большую ложку, а когда чувствуют голод, то разводят немного теста в воде, съедают 8 или 10 ложек этой смеси и тотчас же продолжают путь безостановочно». Подойдя к русским селениям, татары обычно рассыпались мелкими отрядами, или загонами, и старались взять побольше всякого добра, сопровождая свое движение пожарами и убийствами. «Гяуров, там проживающих, берут они в ясыр (плен – *М. К.*) и страдания им причиняют. Взрослых и детей, седовласых и девиц, многие причиняя им муки, превращают в невольников со спутанными ногами, несчастных, замученных и в кандалы закованных. Тех, которых в неволю берут, кормят они шкурой конской и конскими внутренностями. Детей и женщин всех гяуров уводят в землю магометанскую, где находят они спасение свое в исламе».³¹⁰ Захватив женщин и детей и что поценнее из имущества, татары взваливали все это на спины запасных лошадей, притягивали плотно ремнями и веревками и быстро мчались обратно в степь. В Кафе и в Суроже их уже поджидали купцы, скупавшие живой товар и добычу. «По возвращении в Татарию, на долю пленных выпадает новое горе: победители делят их между собою и тогда печаль еще усугубляется тем, что иному достается мать, иному – сын, кому – муж, кому жена; затем их ведут в разные города Татариин на продажу. Там невольников выставляют на показ, как невинных овец, предоставляя их на выбор любого покупателя, который ничуть не стесняясь рассматривает и ощупывает их, дабы узнать, нет ли у них какого-нибудь скрытого порока, существенного изъяна». Описывающие сами нередко содрогались от увиденного и услышанного. Тот же Д'Асколи восклицал, что кроме «горя и печали»

³¹⁰ *Эвлия Челеби*. Книга путешествий. Симферополь, 1996. С. 52, 63–64.

татары не доставляют своим северным соседям ничего, и молил, чтобы они туда «забыли дорогу».³¹¹

Иногда татары являлись не весной во время пахоты, а летом во время уборки хлебов. Иногда, используя удачную для себя внешнеполитическую обстановку, татарские орды, возглавляемые ханом, вторгались в недра русской оседлости даже зимой. От их нападений небезопасна была даже сама Москва. Именно поэтому в XVI и XVII вв. она укреплялась каменными и деревянными стенами и земляными валами. И каждый год в столице составлялись росписи, кому из обывателей, где и с каким оружием стоять при появлении татар.

Сложившееся исторически соседство Руси с Крымским ханством к середине XVI в. продиктовало границы русской оседлости, которая к югу от Оки была крайне неустойчивой. Но после разгрома и покорения Казанского и Астраханского царств Русское государство получило возможность сосредоточить на южном фронте больше сил, чем прежде, и с большим успехом организовать оборону. Сама природа, до известной степени, подсказала русскому человеку способы успешной борьбы с ордой. Татары проникали в недра русской оседлости степными водоразделами, которые врезывались клиньями, языками в лесную область. В свою очередь, по течению рек заходили в степь лесные полосы. Русский человек и пошел в степь навстречу татарину, цепляясь за лесные места, воздвигая в них укрепления и стараясь подстергать татарина на его торных дорогах, пересекать ему эти дороги. Таким образом, в черноземную «дикую» степь русских людей направляли не только хозяйственно-экономические побуждения, но и инстинкт народного самосохранения, мобильная военно-оборонительная тактика.

В той или иной степени так называемые засеки – заграждения из срубленных деревьев – использовали еще со времен Киевской Руси, преграждая пути кочевникам. Поскольку леса южнее Киева росли только островками, то и засеки были редки и носили вспомогательный характер. Сокрушительные набеги татар сдвинули русское население на север, и леса стали почти сплошной полосой-границей. С возникновением централизованного государства появилась необходимость единой системы для обороны протяженных рубежей от продолжавшихся и усиливавшихся набегов степняков. Для этого сооружались в лесной местности сторожевые линии шириной в несколько километров. Они состояли из участков естественных заграждений – рек, лесов, болот, озер, оврагов – и искусственных – лесных завалов, земляных валов, рвов, частоколов, вбитых в дно реки кольев. Специфика установки завалов требовала умения и кропотливости. Деревья подрубали наполовину ствола и заваливали в сторону от неприятеля. Вершины этих деревьев заостряли. Чтобы завал труднее было разобрать, ветки деревьев сплетали и связывали веревками из коры. Растащить деревья завала было чрезвычайно сложно, по-

³¹¹ *Д'Асколи*. Описание Черного моря и Татарию префектом Кафы, Татарию и проч. С. 125.

сколькo мешали корни, от которых стволы не полностью отрубали. Лес, по которому проходила засека, имел межевые границы, назывался заповедным и строго охранялся. Запрещалась не только охота и рубка древесины, но и въезд (вход), чтобы «не накладывать стежек», не торить тропы.

Засечные полосы, как правило, соединяли в единое целое линию порубежных городов и острогов. Остроги строились в виде деревянных крепостей с башнями и воротами, обычно они устанавливались на пересечении линии засеки и дорог. Нередко острога становились градообразующими. Города исторически окружались рвами, валами. Перед рвами врывали в землю надолбы – заостренные бревна в человеческий рост, с тем чтобы они не только служили укрытием для ратных людей, но и препятствовали продвижению конницы. Чтобы дойти до надолбов, неприятелю необходимо было преодолеть еще один неприятный участок с небольшими вбитыми в землю заостренными копьями – частиками.

По мере угрозы со стороны крымских степей строились оборонительные сооружения русского государства. Охлаждение отношений между Москвой и Крымом, произошедшее при Василии III Ивановиче, привели к интенсификации строительства засек, и великий князь в 1512 г. «утвердил землю свою заставами». Но не имея единой концепции защиты, они на то время являлись лишь фрагментами будущих мощных заслонов степнякам. К тому же их можно было обойти, чем пользовались крымские ханы.

Внешнеполитическая активность Сахиб-Гирая в 30-е гг. XVI в. приводит к новому витку засечно-строительного бума. На этот раз акцент делается на взаимосвязанность всех оборонительных элементов. Река Ока и стоящие на ней города – Муром, Касимов, Переяславль Рязанский, Коломна, Кашира, Серпухов, Алексин, Калуга, Перемышль, Белев, Одоев, Тула, Мценск, Козельск – становятся первой линией обороны Московского государства с южной стороны.

В пятидесятые годы после овладения волжским путем колонизация правобережья Оки становится более поступательной и уверенной. На р. Шати, почти на Ногайской дороге, был построен Шацк, на р. Хупте, в окружении лесов и болот – город Рясск (Ряжск). Сдавливая Муравский шлях с двух сторон, стали русские города: на западе – Крапивна, Чернь и Орел (на верхней Оке), на востоке – Делилов, Епифань и возобновленный Донков (на верхнем Дону). Эти новые города вместе с прежними, возникшими к югу от Оки, составили новую оборонительную линию, которая шла от Путивля до Волги, включая в себя Новгород Северский, Путивль, Рыльск, Карачев, Орел, Новосиль, Мценск, Чернь, Крапивну, Тулу, Ряжск, Шацк, Кадом, Темников, Алатырь и др. Новые «украинные» города были средоточиями местной и пришлой вооруженной силы, форпостом от нападения татар. Теперь часть московской рати передвинулась с берега Оки из-под Серпухова, Каширы и Коломны на юг и, расположившись в укрепленных городах, была готова встретить на шляху татарские полчища, преградить им путь, сжать их с флан-

гов, перерезать на части. «Украинные» города стали базовыми для широко организованной сторожевой и станичной службы в степях и лесостепях.

В начале 70-х гг. на ее реорганизацию были направлены лучшие кадровые и технические ресурсы. Руководство было поручено князю Михаилу Воротынскому, опытному воеводе, неоднократно командовавшему московскими ратными людьми в самых сложных условиях противостояния с крымскими татарами. М. Воротынский после изучения документов Разрядного приказа, вызвал с «крымской украины» служивых людей, кто имел большой опыт по охране границы, вплоть до тех, кто давно покинул службу по старости или увечью, но «наперед того в станицах и на сторожи езживали или в плену были, и ныне из плена вышли». Обстоятельно расспросив опытных служивых людей, «как бы государеву станичному делу было прибыльнее», князь Воротынский «приговор велел писать». Одновременно на границу были посланы «станичные головы», чтобы убедиться в правильности расстановки сторожевых застав. По окраинным городам ездили с той же целью воеводы и дьяки Разрядного приказа.

После полуторамесячной напряженной работы появляется «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе»: «Лета 7079 февраля в 16 день по государеву, цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси приказу, боярин, князь Михайло Иванович Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и с станичниками о путивльских, и о тульских, и о рязанских, и о мещерских станицах, и о всех украинских, и о дальних, и о ближних, и о месячных сторожах, и о сторожах из которого города и которому урочищу станичником податнее и прибыльнее ездити, и на которых сторожах и из которых городов и по кольку человек сторожей на которой стороже ставить, которые б сторожи были усторожливы от крымские и ногайские стороны, где б было государеву делу прибыльнее и государевым украинам было бережнее, чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили, а станичником бы к своим урочищам ездити и сторожам на сторожах стояти в тех местах, которые б места были усторожливы, где бы им воинских людей мочно устеречь. А стояти сторожем на сторожах с конь не сседая, переменясь и ездити по урочищам, переменясь же, на право и на лево по два человека по наказам, каковы им наказы дадут воеводы».

Пограничную службу на «крымской украине» составляли сторожи и станицы. Сторожа – постоянная застава, за которой закреплялось тридцать-пятьдесят верст степной границы. Обычно на ней несло службу до десятка сторожей. Часть их стояла дозором в каком-нибудь укромном, удобном для наблюдения месте, а остальные по двое ездили по степи. Сочетание неподвижного дозора со сторожевыми разъездами позволяло прикрыть немногими людьми значительный участок границы: если крымцы незаметно проскальзывали мимо дозора, следы крымской конницы – «сакму» – обнаруживали разъезды.

Подвижные сторожевые заставы – станицы – состояли из четырех-шести всадников, которые непрерывно ездили вдоль границы, отыскивая

татарские «сакмы». Маршруты станичников были намечены так, чтобы, пересекаясь, они охватывали всю степную границу. Проскочить незамеченным конному было сложно.

Особое внимание уделялось безопасности сторожей и станичников при несении службы. «Станов им не делать, и огни класть не в одном месте. Коли кашу сварить, и тогда огня в одном месте не класть дважды. А в коем месте кто полдничал, в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдничать». Завидев пыль от коней надвигающихся кочевников, сторожа подавали знак напарнику и обязаны были послать гонца в ближайший пограничный город, а сами продолжать наблюдение. «Приговор» обязывал их также «сзади крымских людей на сакмы ездить и по сакмам и по станам людей измечать», чтобы выяснить численность врага. Кроме того, они должны были узнать, «на которые государевы украины воинские люди пойдут», и лишь «про то разведав гораздо, самим с вестями спешить к тем городам, на которые воинские люди пойдут». Особое внимание уделялось подлинности «вестей». Устав строго-настрого предупреждал: «не быв на сакме и не сметив людей и не доведовся допрямо, на которые места воинские людей пойдут, станичникам и сторожам с ложными вестями не ездить»!

Впрочем, каких-либо наказаний за «ложные вести» устав не предусматривал. А вот за самовольный отъезд сторожей и станичников со службы наказания предусматривались очень суровые. «А которые сторожа, не дождавшись себе смены, со сторожи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинится война, и тем сторожам быть казненными смертью». За каждый лишний день служилые люди получали с припоздавшей смены «по полуполтине на человека на день».

Правильность несения службы контролировали воеводы и станичные головы. Если выяснялось, что «они стоят небрежно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, а хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то бить кнутом». Строгость вполне объяснимая: любое «небрежение» пограничной стражи могло привести к тяжким последствиям, неожиданные крымские набеги сопровождались разорением целых волостей и захватом многочисленных пленников.

Продолжительность службы на границе была регламентирована. Каждая сторожа должна была «стоять с весны шесть недель, а по осени по месяцу». Первая станица выходила на службу 1 апреля, а последняя заступала 15 ноября. Станицы объезжали свой участок границы в течение пятнадцати дней, да еще две недели были в резерве в своем пограничном городе, чтобы прикрыть границу, если «которую станицу разгонят» напавшие татары. Главной заботой составителей «приговора» была организация сторожевой службы на всем протяжении границы, чтобы «однолично сторожи без сторожей не были по весь год ни на один час, доколе большие снега не укинут...»

Каждый участок границы, на котором стояло несколько сторож и станиц, возглавлялся станичным головой. В его распоряжении был отряд «детей боярских» до ста тридцати человек. «Польская служба» считалась трудной

и опасной и требовала соответствующей оплаты. «Станичным головам, которые ездят на поле в станицы, давать проезжего по четыре рубля, а детям боярским, которые ездят с ними в станицы, давать проезжего по два рубля человеку».³¹²

Всего в документе фигурирует семьдесят три сторожи, которые объединялись в крупные участки: «донецкие сторожи», «путивльские ближние сторожи», «сторожи из украинских городов», «мещерские сторожи» и так далее.

Свои особенности имела сторожевая служба на «засечной черте». На высоких деревьях сооружались караульные площадки; к таким «призначным деревьям» было велено «лестницы поставить, чтобы видеть с дерева от караула до караула». Увидевший врага дозорный поджигал стоявшие кузова со смолой и берестой и над площадкой поднимался столб огня и черного дыма, хорошо видные издали днем и ночью. В безлесных местах караульные площадки устраивали на деревянных башнях. От башни к башне, от наблюдателя к наблюдателю сообщение передавалось в столицу. Все высокие сооружения в городах так или иначе приспособляли под караульную службу. Как, например, построенную в конце XVI в. колокольню Ивана Великого тоже приспособили к круглосуточному бдению. Поскольку особо пристально следили за сигналами с юга, то дымы ждали от дозорного, располагавшегося под куполом башни Дуло Симонова монастыря, стоявшего на берегу Москвы-реки. В свою очередь туда сигналы шли от караульни под главой церкви Вознесения в Коломенском. Дозорный из Коломенского принимал сигналы от наблюдателя церкви Преображения в селе Остров. Постоянно были наготове гонцы, извещавшие население о появлении степняков. Воеводы приказывали «бить по набату и в сурну играть», созывая под защиту крепостных стен посадских жителей.

Основные положения «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе» действовали более ста лет. Однако на самом первом и сложном этапе становления пограничной службы – в годы максимального давления со стороны Крымского ханства, поддержанного Османской империей в 70-е гг. XVI в., не до конца построенные укрепления просто не успели сыграть решающую роль. Но уже после отражения посягательств Девлет-Гирая на территории и независимость Московского государства вместе с совершенствованием сторожевой службы увеличивается строительство новых засечных линий. В царствование Федора Ивановича, граница России передвинулась еще южнее и для ее охраны были построены новые крепости: Кромы, Ливны, Оскол, Воронеж, Белгород и Валуйки. Не случайно французский «солдат удачи» Жак Маржарет, служивший наемником в России в начале XVII в., обмолвился, что москвиты «со стороны Татарии, тех, кого они называют крымцами,

³¹² Боярский приговор о станичной и сторожевой службе (1571) // Акты Московского государства. Т. I. 1571–1634. С. 2–5.

которые связаны с турецким султаном ... на татарских равнинах построили много городов и замков, чтобы помешать вторжению татар».³¹³

«Дружбы подарками не покупают»

Новый виток напряженности был связан с внешней политикой Ивана Грозного. Чтобы обезопасить государство с востока и юго-востока, а также интенсифицировать волжскую торговлю, Москва военным путем в 1551 г. подчиняет себе Казанское ханство, лишив тем самым крымских ханов возможности вечно спекулировать золотоордынским происхождением и в связи с этим – правом владения Казанью. Обеспокоенность Османской Порты усилением Русского государства на Волге привела к смене власти в Крыму ради усиления противодействия Московским успехам. Недовольный внешнеполитической деятельностью Сахиб-Гирая турецкий султан Сулейман в 1551 г. наделяет правом полной власти в Крыму Девлет-Гирая, приказав тому убить предшественника. Новый хан расстарался на славу: истребил весь род Сахиба, конфисковал все имущество (самое ценное – около 100 тысяч лошадей и овец), распустил 300 слуг.³¹⁴ Чтобы оправдать доверие своего политического патрона Девлет-Гирав, используя занятость русских войск на казанском направлении уже в 1552 г., идет к Туле, чтобы в перспективе напасть и на Москву. Предприятие Девлет-Гирая не увенчалось успехом, крымские войска были разбиты, а в погоне у них «отполонили» русских и взяли «телеги и верблюдов много». Но несмотря на поражение, хан затеял переписку с Москвой, в которой «по духу и обычаю своему» жаловался Ивану Васильевичу о малом количестве московских поминок. На что царь сообщил ему, что дружбы подарками не покупает.

1555-й и 1556 гг. явились своего рода переломными в определении взаимной тактики поведения между Москвой и Крымом. Девлет-Гирав обычно с большим войском шел к московским «украинам», доходя до Тульских и Рязанских рубежей, а иногда и дальше в глубь. Однако вступать в столкновение с русским войском не решался и сражения избегал, довольствуясь полонем и награбленным. Впрочем, зачастую, отступая, татары не только полон оставляли, но и сами были вынуждены свой обоз бросать, включая самое ценное для них – запасных лошадей. Их число иногда достигало 60 тысяч, как это произошло летом 1555 г. под Тулой и Рязанью.

Москва, памятуя о «слове нетвердом» крымского хана, тоже видоизменила политику охраны окраин. Вместе с развивающимся засечным строительством стали использоваться мелкие упреждающие и отвлекающие удары. В качестве исполнителей выступали отдельные отряды московских ратных людей, а также казаки – сначала привлекали днепровских, а потом и донских.

³¹³ *Жак Маржерет. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 229.*

³¹⁴ *Халим Гирав-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. С.44–45.*

Вопрос о происхождении и истории казаков заслуживает отдельного разговора, который, впрочем, идет не одно столетие. Мы коснемся только нюанса из большой и значимой судьбы донского казачества, связанной со временем расселения на рубежах Московского государства.

Совершая свое третье хождение к вселенскому патриарху в Константинополь, митрополит Руси Пимен и его спутники, согласно тексту «Пименова хождения в Царьград», «влезли в суда и поплыли рекою Доном на низ. Было же это путешествие печальное и унылое, страшное запустение повсюду, и не видно было на берегах ничего: ни городов, ни сел. А когда-то в древности здесь были красивые города и очень благоустроенные места, теперь же все запущено и не населено. Нигде не увидишь человека, только запустение великое...» И лишь, дойдя до Переволоки (Перевоза), места, с которого начинался кратчайший путь к Волге, «впервые встретили татар, много очень было их, как листья или как песок».³¹⁵ То есть кочевья татар находились только в «низу» Дона. С чем связано опустошение мест по верхнему и среднему Дону? Ранняя славянская колонизация (VIII–IX вв.) захватила район Дона по всему его течению, о чем, по мнению М. К. Любавского, свидетельствует топонимика системы Дона.³¹⁶ Однако следовавшие одно за другим вторжения степных этносов, более всего – печенегов, постепенно вытесняли отсюда оседлое население.³¹⁷ Его остатки еще держались на верхнем Дону и его притоках. После нашествия Тамерлана исчезают почти все. И если после разгрома «великого хромца» города Елец последний еще сумел восстановиться,³¹⁸ то далее, на юг, возрождения не произошло. То есть мы видим, что в интересующем нас районе не было ни татарских, ни русских поселений. Это свидетельствует о сокращении территории постоянного обитания населения Золотой Орды в XIV в., возможно связанной с «великой замятней» монгольского государства (частая смена ханов в названное время), и заметном уменьшении монгольской военной экспансии на север. К востоку от Днепра северная граница Золотой Орды совпадала с межой степного и лесостепного регионов. Само понятие «граница» для кочевников, будь то монголы или на юге крымские татары, связывалось в первую очередь с землями, неудобными или не приспособленными для ведения кочевого хозяйства. И естественной помехой для этого служили леса и лесостепи. Русское население в это время не пыталось сколько-нибудь активно осваивать открытые

³¹⁵ Пименово хождение в Царьград // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 288–289.

³¹⁶ Любавский М. К. Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 96–97; В. В. Седов, анализируя археологические находки в связи со славянской колонизацией, пишет только о расселении Верхнего Дона (Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 130–132).

³¹⁷ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 143.

³¹⁸ К концу XIV в. здесь уже существовало Елецкое княжество, о чем сообщает упомянутое «Пименово хождение» и русские летописи (См., напр., ПСРЛ. Т. 11. С. 96).

пространства, что было вызвано не только соображением безопасности, но и устоявшимися за полтора столетия традициями ведения хозяйства.³¹⁹ Однако к концу XIV–началу XV вв. ситуация изменяется, и русские со временем начинают освоение отдельных районов не только на правом берегу Дона. Стабильность монголо-татарского и русского пограничья, а затем и постепенный сдвиг границ в сторону юга и юго-востока во многом были связаны с политическим развитием на Руси. Дело в том, что разумная деятельность московского князя Ивана Даниловича Калиты по созданию единого государства и умиротворению Орды привела к относительному спокойствию в русско-монгольских отношениях. Наступила «тишина велика на 40 лет, и престаша погани воевати русскую землю».³²⁰ Русским князьям удалось использовать благоприятный период для изменения границ.

Однако кроме официальной стороны вопроса существовала еще одна – несанкционированное продвижение русских людей на юг – «молодечество», развившееся в XV в. Под «молодечеством» надо понимать походы предприимчивых людей, стремившихся уходить на прибыльные промыслы, главным из которых становится грабеж. Поскольку он более всего касался татар и турок, то московское правительство с того имело немало дипломатических неприятностей. Письмо великого князя Ивана III своей сестре рязанской княгине Аграфене от 1502 г. об этом свидетельствует: «А ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество, их бы ты, Аграфена, велела казнить, вдовьим да женским делом не отпираясь».³²¹ Но даже грозы московского князя не могли остановить это хождение на Дон. Слишком заманчивы были естественные перспективы донского края. То же «Пименово хождение» повествует, что там «и зверей множество: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы – орлы, гуси, лебеди, журавли и прочие».³²² Начался тот самый процесс, который, по мнению М. К. Любавского создавал до татар бродников степей, а теперь продолжался и при татарах, создавая донских казаков.³²³

³¹⁹ *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 31, 52.

³²⁰ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 90.

³²¹ Сборник РИО. Т. 41. 1885. С. 411–413. Речь идет о двух документах одного события.

Один документ – личное письмо московского великого князя Ивана III рязанской великой княгине Аграфене (копия найдена в Рязани) с требованием организовать сопровождение и охрану турецкого посла, ехавшего из Москвы через Переславль-Рязанский и Старую Рязань к верховьям р. Воронеж и далее вниз по Воронежу и Дону. Другой документ – оставленная в московском архиве копия инструкции московскому представителю, сопровождавшему посла,

³²² Пименово хождение в Царьград. С. 289.

³²³ *Любавский М. К.* Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. С. 312–313.

Есть и другая точка зрения в калейдоскопе гипотез по происхождению донского казачества, удревняющая его появление. А. А. Гордеев в своем труде «История казаков» связывает этот процесс с монголо-татарским игом в русских землях в XIII в. Для управления народами, различными по расе и культуре, требовалась соответствующая организация. Верховная власть и управление строились на силе и жестокой дисциплине. Для надзора и контроля требовалась хорошая связь и организация вооруженных и «полицейских» сил, ресурсами которых были не столько монголы, сколько покоренные, в том числе и оседлые народы. Не стали исключением и русские люди, выводимые из центральных земель Руси для поселений в степи, но только в те районы, которые непригодны для выпаса скота. Расселение происходило по возможности национальными группами. Жители имели право держать скот, заниматься огородничеством, рыболовством и охотой и одновременно служить своеобразным внешним заслоном для Золотой Орды. Выведенное из родных мест русское население быстро привыкало к новым местам, сживалось с новыми порядками и привязывалось к землям, с их природными богатствами. Русские обслуживали все пути передвижения, стояв у истоков ямской службы в этих краях, а также часть из них была приспособлена для несения службы в составе легкой конницы для «дозоров дальних и ближних». Особенно в последнем качестве ценилось русское население Приазовской Руси. Так зарождалось казачество. Однако такое положение вещей сохранялось до середины–конца XIV в., до внутривосточного кризиса в Золотой Орде и набегов Тамерлана, потрясшего административную систему управления монголов. Рубежные поселения практически перестали существовать. Что касается Дона, то с начала XV в. казачество разделяется на нижнее и верхнее. Верхнее стало искать службы у Московского государства, а южные, лишившись «покровительства» монголов, все более стали зависеть от самих себя, для своего существования склоняясь к набегам и грабежу.³²⁴

Логичность и возможность выводов А. А. Гордеева подтверждается и новейшими исследованиями в области русско-монгольских отношений. В названный период Поволжье, Северный Кавказ, степи северного Причерноморья до Днестра и степи между Волгой и Доном до устья Хопра стали владениями кочевников, то есть лучшая часть степной полосы, всегда привлекавшая скотоводческие племена. Степи эти были богаты не только растительностью для пастбищ, но и водными источниками, которых часто не хватало вышедшим из Сибири монголам. Именно степи были нужны татарам и поэтому они ограничились тем, что сдвинули основное русское население с юга на север в сторону лесной и лесостепной полосы, устано-

³²⁴ Гордеев А. А. История казаков. Ч. 1. Золотая орда и зарождение казачества. М., 1992. С.39–56. Надо признать, что и Рубрук, проезжавший по «низу» Дона, не раз оговаривался о «смешанных поселениях татар и русов»: «русы смешались с татарами и в смешении превратились в закаленных воинов...» (Де-Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Книга Марка Поло. М., 1997. С. 35).

вив на большей территории Руси данническую зависимость. Севернее упомянутой выше степной области располагалась так называемая «буферная зона» со смешанным населением и монгольским управлением.³²⁵ Наличие подобных буферных зон в сопредельных районах было характерным явлением для русско-ордынского пограничья второй половины XIII в. После опустошительных монгольских походов здесь происходит резкое сокращение населения, частью уничтоженного или угнанного в плен, а частью переселившегося в относительно спокойные лесные области. Постоянная угроза полного хозяйственного разорения рискнувшего остаться «люда» также не способствовала концентрации людских ресурсов лесостепного порубежья. Искусственно удерживать и увеличивать население в буферных зонах принялась как определенная чиновничья прослойка, действующая в сфере откупов и сбора дани, так и монгольская администрация.³²⁶ Одним из способов становится размещение здесь как пленников из русских земель, так и специально выведенных отсюда на поселение. «Вывод населения» был разновидностью дани, возложенной монголо-татарами на Русь.³²⁷ Таким образом, выведенное население вполне могло стать основой для казачества.

Как бы там ни было, уже в XVI в. мы видим донское казачество как существующую грозную силу, привлекающую внимание не только Московского государства, но даже и Османской империи. Казачество можно рассматривать и как своеобразный наконечник, с одной стороны, возвращающейся в степи русской оседлости, с другой – дальнейшего продвижения Московского государства к акватории Черного моря.

Казачество за службу великому князю со временем стали получать не только реестровую плату, но и «карт-бланш» действий, лишь бы они были против крымских татар. В сущности, русскими была перенята тактика самих перекопских татар. Так, еще в 1522 г. рейды казаков нанятого русским правительством Евстафия Дашковича в крымскую землю привели к дестабилизации ситуации в ханстве, что Москве было только на руку. Весной 1558 г., предвещая появление татар, на Северский Донец было направлено «малое войско» запорожских казаков под началом Д. И. Вишневецкого. Не ожидавший его, Девлет-Гирай вынужден был ретироваться за Перекоп. К зиме прозорливый хан, зная о начавшейся Ливонской войне, поспешил к Москве, но присут-

³²⁵ *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 229.

³²⁶ *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 38–40.

³²⁷ Несмотря на немногочисленные упоминания в источниках, вопрос о дани рассмотрен в литературе весьма широко (См. напр.: *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси.: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 185–188; *Каиштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 6–18; *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 235–239; *Кривошеев Ю. В.* Монголы и Русь. С. 161–230 и др.), но размеры и динамика дани – вопросы, на которые однозначных ответов пока нет (*Каиштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 5).

ствие в Белеве Вишневецкого, а в Рязани – Ивана Шереметева заставило его вновь повернуть на юг. В 1559 г. активность русских в степных землях была настолько очевидной, что едва ли не впервые за последние годы в Москву приходили крымские послы не только с обычными «поминочными» запросами, но и с жалобами на нападения московских людей на крымские земли. Иван IV Васильевич на жалобы отвечал с достоинством сильного правителя, знающего цену своему слову: когда будут добрые дела между нами, тогда никто не будет нападать на Крым, а хан пусть сам думает, какое состояние между ними лучше – вражда или мир. Но более всего удручали Девлет-Гирея как бы случайные упоминания царя о том, что русские люди узнали дорогу в Крым «полем и морем».

Иван Васильевич не лукавил. В 1559 г. отправленный на Дон князь Вишневецкий побил под Азовом крымских татар, шедших на Волгу. Окольничий Данила Адашев, добравшись до устья Днепра, далее отправился в Крым, где не только «пустошил» территории, но и освободил русских и литовских пленных. Число походов на Крым возрастало, и не все из них санкционировались Москвой. Охотно к этим мероприятиям подключались казаки. В целом, данная политика не была направлена на провоцирование широкомасштабной войны с Крымским ханством. Ее ценность заключалась в активном противостоянии Крыму ради безопасности собственных рубежей. Однако военные действия на северо-западе России в рамках Ливонской войны вынуждали Ивана Грозного вести более взвешенную дипломатию в отношении крымского хана во избежание ведения войны на два фронта. Памятуя о том, что «татарину друг тот, кто ему больше дает», Иван IV Васильевич в 1563 г. отправляет на полуостров большую миссию под руководством Афанасия Нагого с богатыми дарами. А в столице в знак особого уважения к крымским послам в 1564 г. Иван Грозный после обеда устроил пир, чего до этого момента не бывало. По большому счету между Москвой и Польшей с Литвой шла борьба за союзника – крымского хана. Русский царь стремился иметь в лице Девлет-Гирея если не прямого союзника, то хотя бы врага своим геополитическим оппонентам. Но даже в этом стремлении обезопасить государство с юга договор с крымским ханом не должен был быть заключен любой ценой. Афанасий Нагой должен был проследить, чтобы хан ни в коем случае не приложил к грамоте с текстом договора «алого нишана» – печати, оттиснутой на красном воске. По имевшим место тогда протокольным традициям, грамоты договорные, выражавшие обоюдное согласие, скреплялись печатями вислыми, на шнуре. Если приложила бы красную печать крымская сторона, то договор декларировал бы не двустороннее согласие, а волю лишь крымской стороны. Допустить на тексте договора «красный нишан», означало бы для Ивана Васильевича признание своей зависимости от Крыма. Кроме этого важным моментом переговоров служило понятие «пошлины». Именно ее требовал крымский хан у Москвы под названием «Махмет-Гиреевских поминок». Видимо, она истолковывалась как дань. Для Московского государства даже в сложных военно-политических условиях это было недопустимо.

Поэтому Нагой решительно заявлял, что «в пошлину государь мой не пришлет никому ничего». Ни обещания, ни тем более уплаты пошлины не последовало, а вот количество подарков впоследствии пришлось неоднократно удваивать. Но это не склонило несговорчивого хана к позиции России. Да и сами подарки были «перебиты» польско-литовскими дарами. Переговоры зашли в тупик, и политика Девлет-Гирая качнулась в сторону Польши. Хан стал требовать у послов невозможного: уплаты дани и возвращения Казани и Астрахани. Становилось ясно, что смелость Девлет-Гирая происходит не только от «дружбы» с польским королем. Ее природа крылась в политике Османской империи, направленной на активное зондирование политической ситуации на Северном Кавказе, в Поволжье и на Дону. Впрочем, для русской дипломатии шокирующей новостью сей факт не являлся.

В течение первой половины XVI в. шла активная дипломатическая война, сводившаяся к тому, чтобы сколотить блок Крымского, Астраханского, Казанского ханств под покровительством Турции против России. Еще в 1519 г. московский посол А. Голохвастов присылал из Азова сведения о том, что турки решили приступить к завоеванию черкесской земли, для чего хотят построить город в устье Кубани. Султан приказал крымскому хану отправить туда 8 тысяч человек. Одновременно турки предприняли попытки воспрепятствовать утверждению на Дону русских сил, стремясь захватить в свои руки донскую торговлю вплоть до Переволоки и Воронежа. Опасность завоевания Турцией, подкреплённая постоянными набегами на Северный Кавказ крымских ханов, сильно встревожила «черкасских князей», вплоть до обращения их в 1552 г. к московскому царю, чтобы «взял себе в холопы и от крымского хана оборонил». При этом «крест государю целовали на том, что им всею землею черкасскою служить государю до своего живота: куда их государь пошлет на службу, туда им и ходити».³²⁸

Активизация Османской империи не могла не вызвать адекватных действий со стороны России. Решительно взяв Казань и впоследствии Астрахань, Иван Грозный обозначил свои интересы в этом регионе. Но действия турок от этого менее навязчивыми не стали. В таких условиях любой союзник в ключевом северокавказском регионе для Москвы был важен. Так, после нескольких взаимных визитов созрел договор о военно-политическом союзе Москвы и Кабарды. Третье по счету адыгское³²⁹ посольство, возглавляемое мурзой Кавклычем Кануковым, прибыло из Астрахани в Москву для его подписания: «А пришел от братии от кабардинских князей черкасских от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служити и в холопстве их учинил, а на шавкал государь пожаловал, астраханским воеводам велел помощь учинити». По соглашению 1557 г. стороны обязались оказывать друг другу помощь в борьбе с внешним врагом.

³²⁸ Унежев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005. С.125.

³²⁹ Адыгские посольства представляли не только Кабарду, но и жанеевцев, бесланеевцев, абазин и др.

Кабарда обязалась ежегодно выделять для московского войска около тысячи породистых лошадей-аргамаков, а в военное время – двадцатитысячную конницу. В дальнейшем стал традицией выезд кабардинских князей на жительство в Москву – их стали называть Черкесскими, хотя в практику русской истории они вошли как Черкасские, а народ за ними стоявший – черкасами. Вышеназванный военно-политический союз был скреплен браком дочери кабардинского правителя Темрюка Идарова Гуащаней (в крещении – Марией) с Иваном Грозным в 1561 г.³³⁰

Таким образом, Москва не только знала о потугах Турции, но и по возможности готовилась препятствовать реализации ее глобальных планов. А они действительно впечатляли. Так, в то время, когда царь Иван готовился к наступлению под шведский Ревель и работал над созданием плана Ливонского королевства, турецкий султан Селим II по проекту великого визиря Мехмет-паши Соколлу по прозвищу Тавил (Длинный) решил в 1569 г. захватить поволжский «низ» и азовско-каспийский путь в Персию и на восток. Турецкий султан задумал овладеть Астраханью, для чего заранее была снаряжена экспедиция, задачей которой было подняться до Переволоки, между реками Иловля и Черепаша прорыть канал, связав им Дон и Волгу. Затем по нему и Волге спуститься к Астрахани. В большей степени канал, связывающий две значимые реки, важен не столь как военно-стратегический объект, как торгово-промышленный. Думается и в данном аспекте мудрый визирь Соколлу тоже имел свои виды. Мысль о канале с его подачи не пропадает вместе с неудачей турецкого предприятия, она то и дело всплывает в сочинениях торговцев-иностранцев, особенно в XVII в.³³¹ Крымскому хану и его войску в мероприятиях по продвижению турецких интересов отводилась роль щита.

Еще более методично разрабатывались политико-мировоззренческие аспекты нападения и их перспективы. Планы были громаднейшие. Главнейшая задача Соколлу – привлечение Больших Ногаев на сторону Оттоманской Порты, казанских татар, недовольных утверждением русских на Волге, а также некоторых казанских владетелей, опасавшихся продвижения Московского государства на юг. Не обошел вниманием великий визирь правителей Хивы и Бухары, привлеченных в мероприятие деньгами и посулами распространения мусульманства на Запад. В случае успеха коалиции на юго-восточной границе России должен был произойти взрыв – «всеобщее восстание сынов Ислама», способное покончить с христианским форпостом на Востоке Европы.

³³⁰ Унежев К. Х. История Кабарды ... С. 126–128.

³³¹ Вот например, Д. Асколи сообщает с грустью: «Нет сомнения, что Тана выиграла бы бесконечно, если бы оттуда прорыли углубление для перехода к Волге, в таком случае можно было бы выручать большие деньги». Д. Асколи. Описание Черного моря и Татарии префектом Кафы, Татарии и проч. Эмиддио Дортелли д'Асколи. 1634 // «Записки Императорского Одесского общества истории и древностей» (ЗОИДР). Т. XXIV. Одесса, 1902. С. 102.

Весной 1569 г. турецкий флот вышел из Золотого Рога к берегам Крыма, где его ждали триста галер, а оттуда последовал к устью Дона – месту базирования Азовской эскадры, включающей в себя почти двести кораблей. По суше двинулась армия, составленная из восьми тысяч янычар, пятнадцати тысяч легкой турецкой кавалерии. По пути через Дикое поле ожидалось присоединение союзников с Кавказа, Туркестана, Больших Ногаев, казанцев. Плюс ко всему – пятидесятитысячное крымское войско Девлет-Гирия.³³²

От Азова до Переволоки турки плыли пять недель, втрое медленнее задуманного, поскольку большие мели и узкие протоки на Дону сильно затрудняли движение. В это время флот был весьма уязвим, но тем не менее долго никакого участия ни московских правительственных войск, ни донских казаков турки к своему изумлению не увидели. Однако именно этот фактор сыграл недобрую службу исламскому воинству. В их стане не без участия русских дипломатов, где нужно выделить посланника С. Е. Мальцева, упорно распространялся слух о выжидательной тактике русских войск, о ловушке, которую им готовил русский царь.³³³ Все это нагнетало панические настроения, особенно в турецкой армии. Тем временем сухопутные войска достигли Волги, где их командующий Касим-Паша поторопился объявить ее владением Блистательной Порты. Началось движение к Астрахани с целью ее захвата и дальнейшего использования в качестве базы для наращивания здесь турецких сил.

В окрестностях Переволоки произошло первое в истории сражение между русскими и турками, имевшее серьезное значение для предотвращения турецкой экспансии. Правда, русские были представлены только одним полком – Мещерским, который был предназначен для пограничной сторожевой службы, командовал им прославленный «казанским взятием» князь П. С. Серебряный-Оболенский. Внезапное нападение русских не только оказалось удачным, но столь же деморализующим для турок. Это обстоятельство, а также невозможность быстро переправить тяжелый турецкий флот на Волгу по причине его неудовлетворительных ходовых качеств в условиях мелководья и отсутствия должного канала привело к тому, что он вместе с тяжелой артиллерией был отправлен в Азов. Туда же были свезены все корабельные, продовольственные, фуражные припасы. Но и там турок ждали неприятности: созданные склады были взорваны тайно проникшими в крепость казаками. Разрушения коснулись не только складских помещений, но и крепостных стен.

Под Астраханью, не готового к штурму «затворившегося» города, Касим-пашу ждала вынужденная осада, однако возмущенные перспективой «зимнего сидения» и плохим снабжением янычары отказывались воевать, и после десятидневной стоянки турецкая армия начала отход к Азову...

³³² Богданов А. П. Первые российские дипломаты. М., 1991. С. 18.

³³³ «Речи» Семена Елизарьева Мальцева о походе татар и турок под Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 154–159.

Во время перехода по безводным степям Северного Кавказа «кабардинской дорогой» турки понесли большие потери от голода и недостатка воды. До Азова добрались лишь жалкие остатки сильной и многочисленной турецкой армии. Было еще одно обстоятельство, по которому затея Соколлу оказалась невыполнимой – это поведение Девлет-Гирая. От прямой и зримой поддержки турецкого султана крымский хан в своей подозрительности стал более взвешенно относиться к Порте. Дело в том, что русская дипломатическая миссия разыгрывала не раз бывшую эффективной карту раздоров между кланами бывшей Золотой орды. Ни Ногайская орда, ни Крымское ханство не хотели усиления оппонентов за счет себя. Более того, каждая сторона к исходу турецкой авантюры становилась уверенной в том, что это может произойти с участием турецкой стороны. В результате Девлет-Гирай, не желая усиления соперника в Причерноморских и северокавказских степях в лице ногаев, а также увеличения своей зависимости от Османской империи, повел союзников по труднопроходимым, безводным и выгоревшим к зиме степям.

Гибель турецкой армии не привела к прекращению турецко-татарской экспансии, направленной против России. Решительность турок ее осуществить сильно беспокоила Ивана IV, готового соглашаться на любые подарки крымскому хану и даже территориальные уступки. Однако непреклонность Девлет-Гирая выжать из сложной для Москвы ситуации максимум пользы для себя, подкрепленная категоричными требованиями турецкого султана к русскому правительству по поводу отдачи Казани и Астрахани Порте, не приводила стороны к какому-либо согласию.

Другой удар в 1571–1572 гг. был направлен прямо на Москву. В 1570 г. внимание Турции отвлекается на восток – борьбой с Персией, и против Москвы действует только один крымский хан. И весной 1571 г. Девлет-Гирай начал демонстрировать свою решимость, собрав около сорока тысяч войска крымцев и ногаев. Основные силы России в тот момент были сосредоточены в походе на Ревель, и посему на оборону Окских рубежей приходилось порядка шести тысяч ратников. Под Кромами крымская орда «перелезла» Оку и в обход занятого опричниками Серпухова подошла к Москве. Однако в сам город татары войти не смогли, ограничившись лишь сожжением посадов и грабежом Земляного города. Тем не менее главные силы Девлет-Гирая отошли с колоссальной добычей. Крымский посол в Литве хвастался, что «ханские люди» в Московии убили шестьдесят тысяч человек и еще столько же увели в плен. В самом крымском ханстве распространили весть, что их хан овладел Москвой, конфисковал казну, а на русских наложил «тыш» – ежегодную дань. Благодарные сограждане в связи с этим наделили Девлет Гирая прозвищем «захвативший трон».³³⁴ Однако правильнее было бы: «чуть не захвативший трон». В действительности русские земли от Оки до столицы были страшно разорены. В самой столице около двух месяцев потребовалось, чтобы очистить улицы от обломков. Со скорбной простотой летописец сообщал,

³³⁴ *Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. С. 46.*

что Москва-река мертвых «не проносила» из-за бревен, обломков и самих трупов. Но до трона крымский хан не добрался, да и в целом не сумел воспользоваться плодами своей победы, поскольку спаленный город ограбить было невозможно. «С поля», находясь под Рязанью, он прислал в Москву гонца, своего тезку «кильчя» Девлета. Обращение Девлет-Гирая к царю было выдержано в грубых и высокомерных тонах: «И хотел есми венца твоего и главы, и ты не пришел, и против нас не стал. Да и ты похваляешься, что-де, яз – Московский государь, и было б в тебе срам и дородство, и ты бы пришел против нас и стоял». В качестве поминок посланец вручил самодержцу «нож голый» – дар провокационный, недобрый, являвшийся символом войны и превосходства.³³⁵ Несмотря на то, что некоторые западные дипломаты заявляли о достойном ответе Ивана Грозного – дескать, принимая кильчя государь, «возложив на себя бараний шлык (старая шапка – *М.К.*) и надев сермяжный армяк», перед собой держал топор³³⁶ – в непростых, грозных условиях лета 1571 г. царю пришлось смирить гордыню. Не желая втягиваться в длительную войну с такими сильными противниками, как Турция и Крым, он уведомил хана, что готов «поступиться» Астраханью, если тот согласится заключить с Россией военный союз. В Крыму уступки царя посчитали недостаточными, и предложения о союзе отклонили.³³⁷

Дальнейшим развитием событий служит мятеж против Москвы в Казани и Астрахани, ногайцы поспешили разорвать отношения с Россией. А Девлет-Гирай готовился к новому нашествию. Теперь он мечтал о полном завоевании России, и накануне похода заявлял своим мурзам, что едет в Москву на царство для восстановления ига «как при Батые». Последовали и раздачи земли, как когда-то Чингисхан отдавал в наследство еще незавоеванные улусы. Турецкому султану Девлет-Гирей обещал завоевать Россию в течение года, а Ивана Грозного пленником привести в Крым. Все было против России: и продолжающаяся Ливонская война, и малочисленность войска на южных рубежах, и пострадавшие в пожаре многие укрепления. Может быть, единственный фактор играл на Россию: там ждали крымского хана и были уверены в повторении его набега, а следовательно врасплох русских уже было не застать. Да и подготовка к отражению нашествия началась еще осенью 1571 г. Русские сторожевые посты выжгли сухую траву на огромном пространстве степи между Донковым, Орлом и Путивлем, лишив тем самым крымское войско подножного корма для коней. Это обстоятельство заставило Девлет-Гирая перенести выступление до начала следующего лета – до новой травы.

«Большой воевода» Михаил Воротынский, руководивший всей окской обороной, сделал ставку не на прямое столкновение войск вследствие малого

³³⁵ *Джером Горсей*. Сокращенный рассказ, или мемориал путешествий // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. С. 161.

³³⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. СПб., 1848. С. 167.

³³⁷ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 287–288.

количества московских ратных людей, а на срочно создаваемые укрепления по берегу реки. Разрядный приказ в своих наказах запрещал воеводам сходиться с ханом «на полях без крепостей». За короткое время весь берег был укреплен с помощью «посошных людей» и местных крестьян. Против бродов и «перелазов» через реку поставили пушки. «Ока была укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высоту, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять (из-за них – *М.К.*) по татарам, когда те переплывали реку».³³⁸

Главными оборонительными рубежами стали города: Коломна, Таруса, Калуга. Кроме того, активно использовался «гуляй-город» – передвижная – на санях или колесах – крепость из толстых деревянных досок, загодя сбитых в переносные щиты. Щиты можно было транспортировать на санях или телегах и быстро собирать в двойные стены, в двухметровых промежутках которых, как правило, располагались стрельцы. Используя стрелковое оружие и артиллерию, «гуляйпольцы» могли эффективно выдерживать любой натиск врага. Более того, при необходимости «гуляй-город» мог приобрести вид любой геометрической фигуры (как правило – круга) и производить оборону в окружении, а также растянуться в линию и обеспечить прикрытие фронта до десяти километров. Московские воеводы использовали против крымских татар еще и «окскую судовую рать», состоящую из укрепленных высокими бортами стругов, готовых маневрировать по Оке и Угре.

Несмотря на «береговые» приготовления, они не смогли сыграть решающую роль при, пожалуй, главном набеге крымских войск последнего времени. 26 июля 1572 г. Девлет-Гирав, минуя тульские укрепления, подошел к берегу Оки. Центральным местом событий первых дней становится Сенькин брод – по нему с налету пытаются форсировать реку крымские авангарды, но надежные заставы становятся перед ними стеной. Тем не менее под артиллерийским прикрытием турецкой артиллерии основные силы хана захватили брод, после чего началась общая переправа орды. «Берег» был прорван, неприятельская конница потянулась к Москве. Михаил Воротынский решает фланговыми ударами задерживать их продвижение, навязывая локальные сражения еще до подхода к столице. Таким образом, новая тактика русских вынуждала татар остановиться под угрозой удара с тыла. Торможение общего ханского движения к Москве позволило перегруппироваться основным силам русских с учетом новых военных условий. Настигнув главные ханские силы, московские отряды заставили Девлет-Гиравя сражаться на заранее выбранной позиции при Молодях, куда постепенно стягивались русские полки. Кроме того, при Молодях был успешно развернут «гуляй-город». С 30 июля по 2 августа начинаются приступы, в процессе которых

³³⁸ *Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.*

в плен попадает главнокомандующий ханским войском Дивей-мурза, а затем погибают и некоторые видные мурзы, включая ханских сына и внука. Русские использовали и военную хитрость: сначала в татарский лагерь была подкинута ложная грамота о движении больших полков под руководством Ивана Грозного, после чего имитировано их прибытие. Крымцы побежали, оставалось их только преследовать. 3 августа на Оке были разбиты последние крупные орды. Военное поражение Девлет-Гирая было сокрушительным. Но более важным оказалось значение геополитическое: победа русского оружия при Молодях не позволила совместным силам Османской империи и Крымского ханства распространить господство в Поволжье, ослабить Московское государство и продолжить экспансию в Европу с востока.

Несмотря на разгром, Девлет-Гирай не был бы крымским ханом, если бы не написал сразу же после него: «И ныне по прежнему нашему слову, меж нами добро и дружба быв, Казань и Асторохань дашь – другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду ... А Казань и Асторохань наши юрты были. Из наших рук взял еси; и ныне назад нам не хотите отдати; однолично мы о тех городех до смерти своей тягаться нам того у вас...» Но все-таки упрямый Крымский хан должен был пересмотреть свою политику по отношению к Москве, и его аппетиты со временем были уже не столь велики. Отряды перекопских татар появлялись на рязанских и других окраинах Московского государства для грабежа и полона. Однако «скромные» набеги были продолжены уже не в завоевательных и амбициозных целях, а скорее для прожиточного минимума ханской экономики.

Когда в 1577 г. Девлет-Гирай умер, его сын и преемник Махмет-Гирай поспешил заверить русского царя в своей дружбе и в знак подтверждения искренности своих слов совершил набег на владения польской короны. Намек в Москве поняли, и благодарность не замедлила придти в Крым в виде старых и добрых «поминок» от московского государя. Тем не менее новый хан снова по-дружески выставлял набившее оскомину у Посольского приказа требование возврата Астрахани и вывода с порубежья продолжавших свою лихую «набежную жизнь» донских и днепровских казаков. В Крым отправили ответ, дескать, запорожцы польской короне служат, а донцы есть люди беглые и если в плен попадут, то разрешено их казнить. Ну а Астрахань – «навек за Москвой». Таким образом, перетягивание политического каната продолжалось.

Если с Махмет-Гираем можно было договориться путем увеличения расходов московской казны, то сменивший его брат Ислам, и впоследствии Кызы-Гирай, свои амбиции пытались подтвердить военными набегами. В 1590–1593 гг. Россия решала проблемы возвращения побережья финского залива в войне со Швецией, а Кызы-Гирай начал зондировать возможность союза Крыма и Швеции. Недаром в Москве посланцев Кызы-Гирая с пристрастием расспрашивали в Посольском приказе относительно шведского короля Юхана III. Состоявшийся в 1591 г. выверенный набег на Москву окончился фиаско, вследствие умелых действий по обороне города. В короткие

сроки московские слободы были обнесены дополнительными деревянными стенами, а окружавшие столицу монастыри – Данилов, Симонов, Новоспасский – были превращены в крепости. Оборонное войско расположилось в нескольких верстах между Тульской и Калужской дорогами, где готовы были применить при необходимости уже снискавшие славу «гуляй-города». Неприятель был рассредоточен, затем побит, сам хан бежал и вынужден был впоследствии оправдываться перед Б. Годуновым за набег, ссылаясь на злые намерения «турского султана» поссорить их.

Однако никакие посулы крымского хана не привели ни к чему новому: набег, переговоры, обиды и подарки продолжались. Правда, тон крымских послов несколько смягчился. Отчасти этому способствовали продолжавшиеся до Смутного времени строительные работы по сооружению засечных линий.

«Государевы украины»

Вместе со строительством засечных линий в южном направлении двигалось население, постепенно колонизируя безлюдную «дикую степь». Происходило то, о чем как-то написал М. Н. Тихомиров: «Движение русского человека на юг в XVI–XVII столетиях – это обратный процесс движения на север в XIII–XIV вв. Победа над татарскими ордами привела к возвращению русского населения в лесостепную полосу, явилась следствием низвержения и уничтожения хищнического господства кочевников».³³⁹ Но внутренний кризис конца XVI в. в Московском государстве привел страну к Смутному времени, которое не только приостановило дальнейшее движение русского населения в степь, но и уничтожила многие достигнутые результаты. Воздвигнутые при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове новые укрепления – Ливны, Белгород, Царев-Борисов, Кромы и другие были разорены и сожжены. Набеги крымских татар, как правило, совпадали с военными действиями между Россией и Польшей и проходили с наименьшими потерями для них и большим уроном для России. Объяснялось это тем, что охрана с засек была снята, да и сторожевая служба почти не производилась, а основные военные силы Русского государства были стянуты к центральной и западной областям. Но с окончанием Смуты «засечная политика» Москвы медленно, но верно возобновлялась. Необходимость укрепления южных рубежей государства диктовалась самими событиями. С одной стороны: борьба с Крымом продолжилась и после завершения Смутного времени: набег, грабежи – явление неискоренимое по всему степному пограничью. Противостоять ему можно было только силой и уверенным продвижением в степь. С другой – задачи внешней политики России предполагали возвращение части Балтийского побережья и западнорусских земель. Выполнение их неизбежно столкнуло

³³⁹ Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1999. С. 293.

бы Москву как со Швецией, так и с Речью Посполитой. Активизировать южную политику в этих условиях было бы смерти подобно. Поэтому был выбран оборонительный вариант, при котором бы обеспечивалась безопасность границ со стороны Крымского ханства. Желание жить в мире с крымскими татарами вынуждало русское правительство продолжать ставшую уже обычной на протяжении полутора веков политику умиротворения хана «подарками». Доминиканский монах Д'Асколи, бывший префектом Кафы в 30-е гг. XVII в., писал о подношениях в своем «Описании Черного моря и Татарии» как об обычном деле: «Великий князь Московский ежегодно отправляет хану 8 тысяч реалов своей монеты, ... и, кроме того, множество тюков собольих шкур, и другие дары для самого хана, султанов, султанш, ханских жен и главных сановников. Это посылается для того, чтобы татары не делали набегов, но они, получив дань, все-таки вторгаются туда. Так за последние десять лет, татары, с согласия хана и даже по его приказанию, ходили шесть раз. А московский князь, во избежание худшего зла, не может не посылать».³⁴⁰ Тем не менее, несмотря на подобные унижения, выверенные дипломатической практикой, сам тон отношений медленно меняется. С 30-х гг. XVII в. крымских послов в Москве ведут к царю пешком, «освобождая» от эскорта. Если раньше крымские посланцы сидели перед царем на расстеленном принесенным с собой коврике, то позже эта традиция отмирает, и они располагаются в «лавке окольного места» — значительно дальше от царя, чем, скажем, послы других государств.

Реанимация засечных линий была начата в 20-е гг. XVII в. практически на всех возможных путях прихода татар: на Муравском, Ногайском, Калмиусском, Изюмском шляхах. Восстанавливаются Воронеж на одноименной реке и Белгород на Северском Донце. Строятся крепости Козлов, Бельский, Тамбов, Усерд, Яблонов, Короча, Вольный, Чугуев. Между этими городами делались земляные валы саженой высоты, подходы усложнялись надолбами и рвами. Но надежной защиты не было: крымские и ногайские татары «много раз пробирались через черту и приходили на государевы украинные города для войны». Видимо, поэтому при Алексее Михайловиче возводятся «прибавочные» города с приказом «населять большим многолюдством». Так возникает Белгородская черта, которая тянулась от р. Ворсклы и упиралась в лесные заросли верхнего течения Воронежа, Цны, Мокши. Но и на этом строительство не завершилось, поскольку оставалась незащищенная полоса до Волги. Ее в 40-е гг. прикроют Симбирской чертой, конечным пунктом которой станет г. Инсар³⁴¹ Непрерывная линия укреплений, построенная для защиты русских земель, к концу века станет опорной базой для походов на Крым и Азов, для отвоевания выхода в Черное море.

³⁴⁰ Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии префектом Кафы, Татарии и проч. Эмиддио Дортелли Д'Асколи. 1634 г. // «Записки Императорского Одесского общества истории и древностей» (ЗОИДР). Т. XXIV. Одесса, 1902. С. 45.

³⁴¹ Любавский М. К. Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 304–305.

К непрерывной укрепленной линии хлынуло земледельческое население: сначала «по указу» и «по прибору», а затем и добровольно. Потянулись на новые земли монастыри, пионерами русской колонизации стали Святогорский Успенский на Северском Донце и Дивногорский монастыри на Дону. Дополнительным стимулом для переселенцев стала не только гарантированная защита, но и большая урожайность черноземных степей в сравнении с центральными и северо-западными регионами России. В степную московскую «украину» переселяются крестьяне из польско-литовских владений, их называли «черкасами». Их исход был вызван участвовавшими казацкими бунтами и их подавлениями, что приводило к социально-экономической нестабильности. Особенно большой приток населения наблюдался в связи с поражениями войск Б. Хмельницкого от поляков, а впоследствии и в связи с правлением на Украине «руины».³⁴² И те и другие события сопровождались беспрестанным опустошением незащищенных украинских земель крымскими татарами. Перемещение «черкасских людей» под прикрытие русских черт благосклонно было воспринято московским правительством. Вследствие недостатка в людях, они принимались и ими заселяли новые города. Особенно плотное кольцо мигрантов из Польши осело в районе Белгорода и дало название Слободской Украине московского государства. С приходом нового населения усиливается строительство и новых городов: Ахтырк, Харьков, Золочев, Змиев, Лиман, Балаклея, Изюм и др. Но и эти новопостроенные города продолжали испытывать на себе силу внезапных крымских налетов и жестокость их обращения с населением. Французский инженер Боплан, строивший крепости на южной границе Польши в XVII в., описывая вид крымской конницы, одновременно восхищается отлаженностью ее действий и в то же время ужасается грубостью наездников. «Татары идут фронтом по сто всадников в ряд, что составит 300 лошадей, так как каждый татарин ведет с собой по две лошади, которые ему служат для смены. Их фронт занимает от 800 до 1000 шагов, а в глубину содержит от 800 до 1000 лошадей, захватывает, таким образом, более трех или четырех миль, если шеренги держаться тесно; в противном случае они растягивают свою линию более чем на 10 миль ... издали кажется, будто какая-то туча поднимается на горизонте, которая растет все более и более, по мере приближения, наводя ужас на самых смелых ... Грубость их позволяет им совершать множество самых грязных поступков, как, например, насиловать девушек и женщин в присутствии их отцов и мужей. Наконец, у самых бесчувственных людей дрогнуло бы сердце, слушая их крики и песни победителей среди плача и стонов этих несчастных русских, которые плачут с воплями и причитаниями».³⁴³

³⁴² «Руина» – оппозиция в истории Малороссии во второй половине XVII в., несогласная с решениями Переяславской Рады.

³⁴³ Гийом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев. 1901. [Электронный ресурс] <[http:// gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=156](http://gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=156) >

Однако необходимо признать, что сила Крымского ханства постепенно сходит на нет, поэтому татарских «приходов», аналогичных времени Девлет-Гирея, в XVI в. уже не случалось. Слабость Крыма была обусловлена еще и тем, что ханство все больше втягивалось в орбиту турецкой политики, и в качестве турецкого вассала должен был принимать деятельное участие в войнах с Россией. Для турок Крым существовал как поставщик конницы, которую можно было задействовать в своих наступательных планах. Чтобы держать в боеготовности данную войсковую единицу, необходимо было иметь постоянного врага, одним из которых всегда считалась Россия. Возможно, такая профессиональная ориентация ханства в общеосманской сфере влияния и привела к отсутствию стремления татар к «мирной трудовой жизни», они были «приучены жить за счет добычи от набегов»³⁴⁴ Вместе с тем иногда и в Крыму выражали недовольство властью Турции. В 1623 г. Мухаммед-Гирай и Шагин-Гирай взбунтовались против турецкого владычества, требуя вывести свои гарнизоны с южного побережья полуострова. Бунт братьев был подавлен турками через четыре года. Себе в союзники против турок татары брали чаще всего запорожских казаков, их взаимодействие позволяло довольно эффективно противостоять османским отрядам. Союз казаков и крымских татар был закреплен в 1624 г., предопределив противоречивые отношения Богдана Хмельницкого и крымского хана, которые то «по-братски говорили», то врагами считали друг друга.

В 1635 г. крымский хан Инайет-Гирай ослушался султана и не дал своих войск для похода в Персию, за что впоследствии поплатился головой. В 1644 г. Ислам-Гирай, совершив удачный набег в московские пределы и получив большой выкуп от русских за «полон», посчитал возможным сбросить и вассальную зависимость от Порты, но не сумел использовать ни момент, ни возможного союзника в лице Б. Хмельницкого. Несмотря на желание независимости от Порты, крымское ханство кроме него, видимо, больше ничем и не обладало. С другой стороны, Турция при всяком удобном случае не только подчеркивала свою власть в Крыму, но и демонстрировала военную поддержку ей. Сложившийся в конце XV в. вынужденный симбиоз двух мусульманских государств так и продолжал свое существование вплоть до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. Впрочем, в периоды внешнеполитической загруженности Османского государства крымские ханы не упускали возможности «отойти» от своего южного «покровителя».

³⁴⁴ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. Одесса, 1889. С. 5.

«С воеводами царскими против всякого врага великого государя итти готовы поголовно ...»

После окончания Смуты Россия сосредоточилась не только на восстановлении мирной жизни государства, но и на дипломатических шагах, чтобы впоследствии избежать повторения только что пережитого непростого времени. В силу своей внешнеполитической направленности, имевшей целью возвращение западнорусских земель, Москва стремилась ослабить Речь Посполитую. Вернувшийся из польского плена и фактически взявший власть в России в свои руки патриарх Филарет намеревался установить дружеские отношения с Турцией и поддержать ее устремления против Польши. Но русско-турецкие, а также русско-крымские отношения во многом зависели еще и от позиции донского казачества в отношении Турции и Крымского ханства. После Смуты донские казаки были почти не связаны с Москвой общей политикой, они лишь подстраивались под нее, используя лозунг общего для обоих врага – крымского хана. Угроза московским границам со стороны крымской орды не прекращалась, как и не прекращались взаимные набеги. Казаки, используя тактику крымцев, сами успешно терроризировали крымские владения, тем самым сдерживая их наступательность на север.

Тем не менее, чтобы не испортить отношений с Османской Портой, намеревающейся «воевать» Речь Посполитую, русское правительство просило казаков не делать самочинных нападений как на владения Крыма, так и на территорию Турции.

Военная кампания Турции против Польши не удалась – под Хотиным османы потерпели поражение, но переговоры Порты с Москвой продолжились. Продолжилось и давление на Дон, куда присылалось жалование и требование сопровождать послов и «жить в мире с азовцами и крымцами». Однако эти увещевания не возымели действия: донские и днепровские казаки продолжили делать не только набеги на Крым, но и выходить в море, разоряя владения Турции на южном побережье Черного моря. С 1622 г. Стамбул и Москва начали переговоры относительно донских казаков. Турецкая сторона предложила предпринять против них военные действия или же взять их на содержание, выдвинув таким образом весьма оригинальный план. Если Москва не может им платить жалование и обеспечить их существование, то турецкий султан будет содержать казаков на своем жаловании, переселит их в Анатолию и позволит им промышлять против его врагов. Ведший переговоры Филарет заявил, что и сам может унять казаков, а виновных в разбоях и грубостях накажет «великою опалою и смертною казнью». С одной стороны, это была игра, при которой Москва показывала Порте свое влияние на Дон, но не собиралась запрещать казачьи набеги. С другой – это была констатация влияния на дончаков, которого не было. Более того, к двадцатым годам XVII в. относится самая активная деятельность донских и днепровских казаков против Крыма и Турции.

В 1628 г. по дороге в Стамбул миссия Яковлева заехала на Дон передать жалованье казакам. Каково же было удивление послов, когда они обнаружили, что деньги платить некому по причине того, что атаман Каторжный «вышел в море за зипунами». Дождавшись возвращения донцов, которые прибыли от Трапезунда, и выплатив им «реестровую цену», послы продолжили путь. Но уже в Турции посольство было извещено о том, что донские казаки напали на Крым, заняли и выжгли Карасубазар и Мангуп.

Подобное положение – взаимная заинтересованность сторон – сохранялось довольно долго, прервавшись лишь с началом Смоленской войны в 1632 г., когда казакам стало посылаться жалованье, что явилось показателем «нужности» дончаков России. Москва просила, требовала, угрожала казачеству невыплатой реестра и «казнями», а те иногда покорно соглашались, иногда показывали норы и московских послов «обезглавливали», как было в случае с воеводой Карамышевым в 1629 г., впоследствии выпрашивая прощения у царя.

Но, пожалуй, пик «благоклонного неповиновения» донских казаков приходится на время взятия в 1637 г. и удержания ими Азова. Город, построенный во времена скифов и сарматов, занимал очень выгодное торговое и стратегическое положение. Захваченный в 1471 г. турками он со временем превратился в мощную крепость и стал в XVII в. большим препятствием казакам при выходе в Азовское море. После взятия Азова казакам открывался свободный выход в Азовское и Черное моря. Но овладение городом имело и общерусское значение. Дончаки стремились в Азов перенести свою столицу и просили в этом «слово государево». Аргументировали полезность этого шага тем, что если «городу быть, то ногайские люди и города Тамани и Темрюк от крымского царя под государеву руку подадутся». В Москве посольство казаков с вестью об Азове встретили с легкой укоризной за то, что город взяли «без царского повеления». Но вместе с тем казаков наделили сукнами, денежным жалованием и грамотой, где главной задачей значилось наблюдение за крымцами. Не было главного – официального одобрения действий казаков и в связи с этим включения Азова в состав русских владений. Случись подобное, Россия получала бы значимый стратегический форпост в Причерноморье, но в то же время и автоматически противостояние с Турцией, с которой в условиях надвигающейся войны с Речью Посполитой стремилась поддерживать хорошие отношения. Вопрос о статусе Азова был передан на рассмотрение Земского Собора, решение которого состоялось лишь в 1642 г. и повелевало: «Азов оставить и возвратиться по своим куреням или отойти на Дон».

Пока в Москве взвешивали плюсы и минусы возможного присоединения, казачество показывало геополитическую значимость их приобретения. Присутствие в Азове дончаков сразу же отвлекло внимание крымских татар от московских окраин с целью сосредоточения всех сил на возвращение города в лоно Оттоманской Порты и не иметь неприятного соседства с казаками. По приказу султана крымские татары должны были вернуть Азов,

однако казаки, умудренные в крепостной защите, легко отбивали наступление полевых орд. Сложнее пришлось казакам летом 1641 г., когда 24 июня на них обрушилась более чем сотысячная армия турок, крымских татар, ногаев и черкесов. Началось знаменитое «азовское сидение». Весь драматизм событий донесла до нас героическая «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Вот только описание первого штурма турецких войск: «Покрыли наш Азов город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многия по лесницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрельба из града осадного, до тех мест молчали им. Во огни уже и в дыму не мочно у нас увидеть друг друга. На обе стороны лишь огонь да дым топился до небеси. Как то есть стояла страшная гроза небесная, кои бывает с небеси, гром страшный с молнием...»³⁴⁵ Свидетель «Азовской войны» турецкий путешественник Эвлия Челеби, находившийся в войске осаждавших крымско-турецких войск, не менее эмоционально повествует и об осаде города, и о мужестве «гяуров» (казаков) в крепости, и об их тактике обороны. Подошедшие на помощь осажденным казаки использовали древнюю славянскую хитрость, чтобы переправляться невидимо через Дон: «... каждую ночь переплывали реку по пять или шесть тысяч казаков, которые донага раздевались и ныряли в воды, дыша через тростинку, во рту удерживаемую ... Даже снаряжение разнообразное и амуницию доставляли они в замок, все это вкладывая в большие мешки, из шкур воловьих пошитые, которые потом через Дон переправляли». Были применены и подкопы: «Гяуры, от сабель уцелевшие, видя, что происходит, в подземные хлевы свои влезли и спрятались там. Прибегли эти неверные к такой выдумке шайтанской: подкопы делая и мины закладывая, солдат мусульманских на небеса отправляли, вследствие чего от часа к часу все больше войска мусульманского мертвым лежало». Поражался Эвлия Челеби усердию, с которым казаки разрушенные башни и стены нередко под огнем турецкой артиллерии восстанавливали, да и просто храбрости незнакомых им доселе «гяуров».³⁴⁶ Убедившись в невозможности взять крепость и опасаясь приближения зимы, турки решили снять осаду и 27 сентября 1641 г. увели все войска.

28 мая 1642 г., следуя приказу Москвы, казаки оставили разрушенный город, уничтожив все, что могло представлять какую-нибудь ценность, взяв при этом с собой 80 пушек и железные крепостные ворота. Вернувшись в Черкасск, ослабленное казачье войско вынуждено было просить у Москвы помощь: «В сидении мы приобрели много славы, а не добычи. От нужды и истомы голодные, и обнищали так, что к будущей весне не можем снарядиться в морские поиски и не в состоянии противиться совокупной силе турецкой и татарской». Слабость казачества использовали крымские татары,

³⁴⁵ Данная цитата взята из так называемой поэтической редакции, написанной есаулом Федором Ивановичем Порошиным, участником борьбы за Азов. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.

³⁴⁶ Эвлия Челеби. Книга путешествий. Симферополь, 1996. С. 16, 18.

усилив нажим на Дон, пик которого пришелся на лето 1645 г., когда крымский хан Девлет-Гирай Нурадин подошел к самому Черкасску, но с большими потерями был отбит. Противостояние продолжилось у Кагальника, ниже Азова, когда совестные силы казачества и московских стрельцов совершили неожиданный налет на стан татар и захватили много пленных, после чего с арьергардными боями вернулись в столицу войска. Царь Михаил Федорович поблагодарил казаков за мужество и храбрость, но в грамоте подчеркнул: «Крымцев и ногаев воевать, а с турскими людьми под Азовом жить мирно повелеваем». Обескровленные «Азовским сидением» казаки продолжали служить Москве, частично оттягивая на себя крымские набеги и одновременно на протяжении оставшегося XVII в. тревожа Крым своими.

«... всеа Великия и Малыя и Белья Руси самодержец...»

Воссоединение Украины с Россией на Переяславской раде 8 января 1654 г. неизбежно вело к войне с Речью Посполитой. Война не могла не повлиять на позиции стран, связанных с Польшей либо враждебными, либо дружественными отношениями. Поэтому московскому правительству надлежало в короткие сроки объяснить странам Европы и Азии причины воссоединения и обеспечить их возможный нейтралитет или привлечь к союзу с Россией. Особую роль приобретали дипломатические отношения с Крымским ханством. В ходе освободительной войны украинского народа против Речи Посполитой 1648–1654 гг. интенсивность набегов крымских татар на Россию резко упала. Немалая заслуга в этом Богдана Хмельницкого, который сумел отвести от московских окраин удары своего тогдашнего союзника, направив их в польско-литовские пределы. Относительно спокойные отношения с Крымом породили у русских дипломатов определенные надежды. В Посольском приказе считали вполне возможным не только поставить вопрос о нейтралитете Крыма, но и использовать его силы в предстоящей войне и даже заключить с ним союз.

К решению этой задачи был привлечен и ее инициатор – Б. Хмельницкий. Именно ему предстояло уговорить крымского хана «стоять по прежнему своему договору на польского короля с ним гетманом заодно», постепенно приучая хана к мысли, что Украина и Россия это единое целое. Перспективы переговоров радужными не были и определялись как двоякие. Если крымский хан не поддержит дипломатических начинаний России, то следовало нанести удар по Крыму силами русских войск из Астрахани, донских и запорожских казаков.

Известие о воссоединении вызвало в Крымском ханстве бешеную ярость, поскольку опасались, что выскользнет из рук Украина, которую хан надеялся если и не поставить под свой контроль, то превратить в постоянный источник обогащения. Практика извлечения средств из соседних стран имела за собой вековую традицию, она приобретала значение влиятельного фактора во всей экономике Крыма, дополняя его скудный экономический

быт. Уничтожение и захват материальных ценностей в соседних странах, угон в плен людей и работоторговля были основными статьями дохода ханства.³⁴⁷ Кроме этого предложения русской и украинской стороны о союзе означали крах крымской политики «политического равновесия», при которой ханы предпочитали оказывать помощь тому противнику, которого они считали слабым, при этом оставляя возможность грабить и тех и других.

Внутри Крыма началась упорная борьба за выбор пути во внешней политике. Либо это союз с Россией против Речи Посполитой, либо наоборот, союз с Речью Посполитой против России и Украины. Вместе с тем это была борьба не только за раздел добычи, но и за власть и влияние внутри самого ханства. Уже данный факт заметно ослабил Крым в интересах России. Пока определялись победители, Россия начинала военные действия против Польши. Борьба между группировками усилилась после смерти Ислам-Гирая, хана с антирусскими взглядами. Сохранялась надежда не только на нейтралитет, но и на союз. Однако к осени 1654 г. окончательно стала ясна враждебная позиция крымского ханства, и необходимо было принять экстренные меры по обеспечению безопасности южных границ. Но активных действий крымских орд не последовало, причиной тому оставались продолжающиеся противоречия крымской знати, а также ставший неожиданным даже для московского правительства, но весьма своевременный морской поход донских казаков на Крым. Как сообщали толмачи русского посольства в Бахчисарае Абдул Байцын и Иван Собакин, по приближении казачьей флотилии в Кафе началась паника, начальник турецкого гарнизона города Мустафа-Паша насчитал тридцать восемь стругов и спешащих им на помощь еще большее количество. Казаки атаковали шесть торговых кораблей, следовавших из Стамбула в Кафу, два из них взяли на абордаж, судьба четырех остальных неизвестна. После чего казаки высадились в Кафе и овладели посадом, освободив много невольников. Но удержаться не смогли, тем не менее блокада побережья продолжалась еще несколько недель.

Поскольку идея союза с Крымом не удалась, то оставался вариант подписания по традиции со времен Иван III и Менгли-Гирея шертной грамоты с новым ханом Магомет-Гираем. В образце грамоты в титулатуру царя включалась Малая Россия: «... всеа Великия и Малыя и Белья Руси самодержец...» Если бы хан подписал документ в такой трактовке, то это бы означало признание воссоединения и обязанность не нападать не только на русские, но теперь и на украинские земли. В Москве понимали, что такой «худой мир» не сможет гарантировать полного спокойствия на рубежах. Локальные сражения со стремительными отрядами кочевников постоянно вспыхивали по всей засечной линии. Нейтралитет Крыма был нужен скорее для того, чтобы разрушить союз хана и польско-литовского короля. Однако,

³⁴⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 416–419.

несмотря на подкрепление подписания грамоты значительными «поминками», этого не произошло.

В августе 1655 г. Магомет-Гирай, вопреки запрещению султана, выступил на помощь осажденным полякам во Львове. Русско-украинские войска осаду Львова сняли, и во всеоружии у местечка Озерная встретили хана. В трехдневном бою силам Крыма было нанесено жесточайшее поражение. Оно наглядно показало силу совместных действий и, по-видимому, невозможность крымскому хану противодействовать воссоединению Украины и России, а вместе с тем и продолжать агрессивную политику в русско-украинских землях. Поражение при Озерной усилило «смуты» и «шум» среди крымских мурз, привело к неуверенности и нерешительности в военных и дипломатических действиях Крыма. В 1657 г. крымская орда долго стояла у Перекопа, споря, в каком направлении двинуться: на московские окраины или на Украину.

Ослабление ханства совсем не означало отсутствие опасности со стороны Крыма. Только теперь, после воссоединения, расширяется территория военных действий против татар. Построенная в первой половине XVII в. Белгородская черта уже не являлась основной оборонительной системой, поскольку главные набеги крымцев приходятся на Днепровско-Днестровские направления. Меняются после 1654 г. и принципы борьбы. Теперь военные действия русско-украинских сил опираются на хорошо укрепленную оборонительную линию, где постоянно несет службу специально назначенный корпус русских войск, готовый выступить при первом сигнале на помощь Хмельницкому. Территория Украины как бы включается в систему предполья Белгородской черты. Объединенными силами русских и казацких полков создается целая сеть опорных пунктов на украинских землях. В числе этих пунктов можно назвать Киев, Белую Церковь. Отдельные русские отряды появлялись в случае необходимости и в Брацлаве, и в Корсуни. Совместными силами украинских казацких полков и русских войск удается перекрыть границу с Крымом, от Полтавы до Днестра. Граница была перекрыта не только цепью легких дозоров, но расположенными вдоль нее в основном казацкими полками.³⁴⁸ Строительство в дальнейшем к 1680 гг. XVII в. Изюмской засечной черты отодвигает русско-крымское порубежье еще южнее. Сам факт создания оборонительных рубежей свидетельствует о продолжающихся, ставших уже «привычными» набегах крымских татар.

«Не первый раз России побеждать врагов»

В конце XVII в. агрессивная политика Османской империи и Крымского ханства создавала угрозу не только ряду европейских государств, но и России. В 1672 г. татары, поддержанные и направленные османами, отобрали у Речи

³⁴⁸ *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.

Посполитой г. Каменец-Подольский, всю Подолию, а в 1678–1681 г. пытались захватить Левобережную Украину. Для противоборства Турции Австрия, Речь Посполитая и Венеция создали Священную лигу. В 1686 г. заключением «Вечного мира» с Польшей к Лиге присоединилась и Россия. «Вечный мир» направил русскую внешнюю политику в южное направление. Решение о выходе к южным морям напрашивалось само собой: со времени воссоединения Украины с Россией политическая активность последней была нацелена на юг, южные оборонительные линии могли стать базой для дальнейшего продвижения к морю, в Священной лиге Россия обретала союзников в борьбе с Турцией и Крымом. Россия и Польша обязывались совместно активно защищаться от Турции и Крымского ханства. Выполняя свои обязательства, Россия организовала два похода в Крым. В 1687 г. сотысячное русское войско под командованием В. В. Голицына отправилось в первую экспедицию. У реки Самары к ним присоединились и украинские казаки. Движение войск было сопряжено с большими трудностями, главнейшей из которых было отсутствие практики проведения больших войсковых операций наступательного плана против крымских войск. Крымский хан вряд ли бы вышел в чистое поле против северного соседа «пики преломить». Его тактика совершенно другая – своеобразные партизанские наскоки, арьергардные бои, а то и вовсе избегание соперника. У Конских Вод движение русско-украинского войска было остановлено подоженной татарами степью, отсутствием воды и продовольствия. Потеряв до половины войска от болезней и удушья, Голицын вернулся в Москву. Второй поход 1689 г. принес не многим больше доблести русскому полководцу. Дойдя до Перекопа, войска так и не решились войти на полуостров, боясь попасть в ловушку перекрытием перешейка. А конницу крымского хана так и не нашли, да видели разве что издали. Голицынские походы сыграли на руку союзникам, поскольку многие крымские войска были оттянуты с европейского театра военных действий, ожидая приближения армии России. В то же время становилось ясно, что без закрепления в Северном Причерноморье крымского хана не одолеть и к Черному морю не выйти.

С продолжения крымско-турецкой войны началась внешнеполитическая деятельность Петра I. Его Азовские походы продемонстрировали и верность союзническим отношениям, и решимость молодого царя добиться поставленной цели. Для походов была использована другая тактика, нежели та, которую применил В. В. Голицын. Наступление велось не по безлюдным и безводным причерноморским степям непосредственно на Крым – главный удар в 1695 г. был направлен на турецкий город Азов, а для отвлечения внимания в низовья Днепра была направлена дворянская конница и украинские казаки под началом Б. П. Шереметева. Взяв в осаду Азов, было совершено два решительных штурма, но, понеся большие потери, Петр отступил. Отсутствие флота у русских не давало возможности заблокировать крепость с моря, а недостаток практики в осадных действиях привел к неудачным атакам. Ко второму походу недостатки были устранены, и с участием галерного

флота русские войска в 1697 г. Азов взяли. Занятие Азова обеспечило России выход в Азовское море, но Керченский пролив, как и Босфор, и Дарданеллы, оставался в руках Турции, что не давало России выхода в Черное и Средиземное моря. Однако первый форпост в северном Причерноморье был уже русским, и при удачном стечении международной и военной обстановки мог быть использован не только для увеличения своего присутствия в Черном море, но и для более зримого наступления на Крымское ханство.

Стремясь укрепить союз европейских государств против Османской империи, Петр организует Великое посольство, но его результаты были совсем иными, чем задумывались. Правительства западноевропейских стран лихорадочно готовились к войне за испанское наследство, и продолжение противостояния с Турцией могло их отвлечь от главной на тот момент задачи. Понимая, что союзников воевать с турецко-крымским воинством не найдет, Петр решительно обращает свой взор на проблемы выхода России к Балтийскому побережью. Но для ведения войны на северо-западе был необходим мир с Турцией. 3 июля 1700 г. был подписан Константинопольский мир, рассчитанный формально на 30 лет. Россия сохраняла Азов, Таганрог и земли по нижнему течению Днепра. Данный мир стал принципиально новым и важным рубежом в русско-крымских отношениях. По условиям мира Россия прекращала ежегодную посылку подарков крымскому хану и прерывала официальные дипломатические отношения с ним. Хан был вассалом турецкого султана, его подданным, и царю не пристало вести переговоры с подчиненным султана, дабы не унижить царские честь и достоинство. Отныне официально Россия не признавала хана полноправным властителем. Отношения с Крымским ханством практически были передоверены украинскому гетману Мазепе. Именно Мазепа отказал претенденту на ханский стол Кызы-Гираю в просьбе о принятии его в российское подданство, чтобы не нарушать договоренностей с Турцией. Гетман вместе с Е. Украинцевым проводил в 1705 г. демаркацию границ с ханством.³⁴⁹

Но прекращение дипломатических контактов не означало, что исчезла сама южная проблема. В ханстве были весьма недовольны Константинопольским миром, который запрещал набеги на Россию, а это могло повлиять на всю систему внутренней жизни ханства с его невысоким уровнем экономического, социального и культурного развития. Нельзя было оставлять без внимания и династические распри Гираев, от исхода которых прямо зависела ситуация на южной границе России и Украины. Положение на русско-крымском порубежье осложнилось тогда, когда ханский престол занял Девлет-Гирай II, опытный политик, стремившийся как никто из его предшественников за последний век к достижению Крымом независимости и от Турции, и от России. Девлет-Гирай в своей игре поставил на шведскую карту. Уже весной 1708 г. он принял представителя Карла XII в Бахчисарае с предложением военного союза. После чего хан стал готовиться к войне с Россией.

³⁴⁹ История внешней политики России. XVIII век. М., 2000. С. 33.

В процессе подготовки Девлет-Гирай к своим идеям привлек и Запорожскую Сечь, высказывающую недовольство русской политикой в отношении к запорожцам, и в конце концов провозгласившую желание вместе с татарами «Москву воевать». Более того, запорожцы обратились в Крым с просьбой принять их в подданство.³⁵⁰ К началу 1709 г. Девлет-Гирай II обещал Карлу XII войсковую помощь. Поскольку Турция демонстрировала нейтралитет в войне России и Швеции, заявления крымского хана можно расценивать как неповиновение султану. Обстановка для Петра I становилась угрожающей: оказаться между двумя армиями Карла XII и Девлет-Гирая с примкнувшими к ним запорожцами – никому не пожелаешь. Силой справиться с обоими царь вряд ли бы смог. Оставался вариант с подкупом. Шведов покупать было глупо, крымский хан отказался. Турки были более сговорчивы: деньги получили как представитель султана при Бахчисарайском дворе Кападжи-паша, так и великий везирь Чорлулу Али-паша. И своим влиянием на султана добились нужного для России решения. Турецкий султан Ахмед III шлет в Бахчисарай категоричный запрет на выступление хана против России и принятия им Запорожья в подданство. Но Девлет-Гирай II продолжает надеяться на то, что ему удастся убедить Стамбул в необходимости антирусских действий вкупе со шведами. Однако Полтавская битва изменила всю геополитическую ситуацию в Восточной Европе. Шведский король остался без козыря – своей сухопутной армии, в связи с этим союз с ним был теперь проблематичен. С другой стороны, позиции России в Европе усилились, что породило страх у османов и крымских татар, и слухи о растущих опасениях, что следующими жертвами могут стать они.³⁵¹

Вместе с тем дипломатия Карла XII по сколачиванию антирусского блока вместе с граничащей с авантюризмом деятельностью Девлет-Гирая II привели к оглашению султаном указа о начале войны с Россией 9 ноября 1710 г. Надо признать, что самым радикальным звеном в создавшейся коалиции был крымский хан. Он понимал, что других случаев обезопасить Крым с севера, а также отдалиться от Турции может просто не быть. Не дожидаясь военных действий, он заключает договор с запорожцами, в котором хан обещал всеми силами способствовать отделению Левобережной Украины от России. Согласовав военно-тактические планы со шведами, антирусские силы приступили к их реализации. Поскольку основной театр военных действий в 1711 г. разворачивался в Придунавье, нападением на Правобережную и Левобережную Украину предполагалось отвлечь силы русских, а также разорением территорий способствовать уменьшению продовольственной и фуражной базы русского войска. Кроме того, рассчитывали уничтожить Воронежские верфи. Таким образом, войска Девлет-Гирая практически не

³⁵⁰ Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 221, 224.

³⁵¹ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 69

участвовали в ходе прямых боевых действий на Пруте и выполняли лишь вспомогательные функции, но справились с ними превосходно. Находящиеся в Слободской Украине русские подразделения оказались просто не готовы к нападению татар. По маршруту движения основных сил русских с конца июня татары изнуряли русскую армию самой настоящей партизанской войной: выжигали степь, разбивали мелкие русские отряды, ежедневно захватывали фуражиров и обозы с продовольствием, водой и дровами. Связь русской армии с тыловыми продовольственными и оружейными базами в Полонном, Бродах, Киеве была прервана, небольшие части казаков и ландмилицких полков не могли обеспечить надежное тыловое прикрытие. Отдельные успехи были только на Кубани. Причины такого положения можно объяснить переоценкой собственных сил и явной недооценкой сил Турции, и особенно Крыма, царивших после Полтавской победы.

Окруженная троекратно превосходящими силами турок на Пруте армия Петра I заставляла царя искать выход из создавшегося положения в переговорах. По условиям Прутского мира, Россия теряла Азов, Таганрог, значительную часть Запорожья. Однако же пункт о возвращении ежегодных крымских «поминок» не был внесен в текст договора. Единственные положения договора, в той или иной степени отвечавшие требованиям Крыма, заключались в запрете русскому царю вмешиваться в украинские дела и в обязательстве ликвидировать русские крепости, построенные на спорном пограничье. Заключение мира не принесло удовлетворения ни Карлу XII, ни Девлет-Гираву. Интересы крымского хана остались лишь интересами, а страхи перед Россией продолжались. Девлет-Гирав серьезно опасался русского военного и политического проникновения на территорию Северного Причерноморья и далее в Крым. Поэтому сразу после подписания Прутского договора Девлет-Гирав начинает энергичную борьбу за его отмену. Два раза – в декабре 1711 г. и в ноябре 1712 г. – ему удавалось добиться объявления войны. Однако до реального начала военных действий дело так и не дошло. Подписанный в 1713 г. Адрианопольский мир окончательно завершил русско-турецкий конфликт, снова не удовлетворив требований Крыма ни в отношении «поминок», ни в отношении претензий на Украину.³⁵² В начале XVIII в. происходит ослабление военно-политического состояния Крымского ханства. Прежние золотоордынские традиции крымской политики уходят в небытие, проявляясь лишь фрагментарно, как во время Прутского кризиса 1711–1713 гг. Собственных сил ханства становится явно недостаточно для реализации своих амбиций, а помощь Турции не всегда совпадала с интересами крымского хана. Мир с Россией Османской империи необходим был и для своего утверждения в Закавказье. Учитывая слабость России в этом регионе, Турция пыталась использовать внутренний кризис в Иране для захвата едва ли не всей Персии. Государство османов целенаправленно рвалось

³⁵² *Санин С. Г.* Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–11 года. [Электронный ресурс] < <http://www.moscow-crimea.ru/history/hanstvo/war1710-11.html> >

к Западному Каспию. Усиление Порты сильно бы осложнило защиту южных границ и поэтому наряду с дипломатическими шагами Петр I совершает в 1722 г. военный – персидский – поход. Тем самым Турция отвлекала внимание России от Северочерноморского региона. Не решив проблемы Крыма и Азова, Россия ввязывалась в сложные перипетии закавказской проблемы. Петр I понял, что пока Северное Причерноморье контролируется османами, Россия должна опасаться военных конфликтов в Закавказье. Тактика российской дипломатии изменилась от военного противостояния к дипломатическому сдерживанию движения турецкого султана к Каспийскому морю. Русско-турецкое противостояние завершилось в июне 1724 г. Константинопольским миром, который юридически закрепил реальную обстановку сил в Закавказье, поделив его на сферы влияния. В последующие – послепетровские – годы, внешняя политика, направляемая А. И. Остерманом, двигалась, как раз акцентируя основное внимание на Крым и Причерноморье в большей степени, чем на Закавказье. Опять южное направление становится определяющим, а Крымское ханство в его центре. Именно крымский хан Каплан-Гирай с подачи султана совершил в 1735 г. нападение на Кабарду и Дагестан, находящихся в сфере влияния Российской империи, проведя войска по территории России. Фактически хан своими действиями спровоцировал русско-турецкую войну 1735–1739 гг., главный театр военных действий которой находился в Крыму и Северном Причерноморье. Для России начало складывалось весьма удачно. Пока крымские войска двигались к Дербенту, корпус генерала М. И. Леонтьева спешно устремился на Крымский полуостров, но на полпути его настигли «голицынские» проблемы: болезни, тыловая необеспеченность, отсутствие пригодной воды. Не дойдя до Перекопа, корпус вернулся в Россию.

В следующем году произошло формальное объявление войны, и командующий русскими войсками генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних снова двинул армию в Крым. Боясь быть запертым на полуострове, Миних по пути к Перекопу использовал оборудованные опорные пункты с гарнизонами. Само движение войска, происходившее в непрерывных налетах крымских отрядов, было крайне медленным, поскольку внутри строя-каре находился обоз. В мае 1736 г., пройдя с боями Перекоп, русские войска взяли Гезлев вместе с запасами продовольствия для крымской армии. Миних устремился к Бахчисараю и овладел им. Впервые за несколько веков Крым увидел русских не в качестве пленников-рабов. Несмотря на сожжение столицы, победой экспедицию Миниха назвать было сложно. Татары традиционно использовали тактику избегания генерального сражения. А без ликвидации основных сил противника в то время о выигрыше говорить не приходилось.

Более удачными в 1736 г. были действия русских войск по осаде Азова. Захватив все подступы к городу, русские построили осадные укрепления и, используя их как базу, своими постоянными штурмами вынудили коменданта Мустафу-ага сдать крепость. В 1737 г. был взят Очаков, а войска П. П. Ласси снова вошли в Крым, но не по Перекопу, а пройдя вброд и на плотках Гнилое море (Сиваш). В процессе движения внутрь полуострова русские нанесли

ряд поражений татарам. Взяв Карасу-Базар, Ор-Капи и Чуфут-Кале, а также форт Чиваскул, впоследствии вынуждены были, спасаясь от безводья степи и жары, оставить Крым. Вступление в войну против Турции Австрии и последовавшие серьезные потери крымских и турецких войск привели стороны на конгресс в Немиров. Не придя к согласию, продолжили военные действия: в 1738 г. третье вступление русских войск в Крым снова оказалось безрезультатным, а из-за эпидемии чумы были сданы Очаков и Кинбурн. Последним аккордом войны стало в 1739 г. Ставучанское сражение. Русская армия Б. К. Миниха численностью около 48 тысяч человек при 250 орудиях наголову разгромила турецкую армию Вели-паши (20 тыс. чел., 70 орудий) у села Ставучаны, потеряв лишь 13 чел. убитыми и 54 ранеными. Однако успешные действия русской армии были перечеркнуты заключением Австрией сепаратного мира с Османской Портой. В откровенно плохих дипломатических условиях, под давлением Франции в 1739 г. был подписан Белградский мирный договор между Россией и Турцией. Россия вернула себе Азов без права использовать его как крепость и небольшую территорию на Правобережной Украине, а также получила право построить укрепление на острове Черкес на Дону.

Вместе с тем Российская империя не могла иметь флота ни на Азовском, ни на Черном море, а черноморская торговля могла для русских производиться только на турецких кораблях. Решение проблемы отодвигалось ко времени русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Несмотря на неблестящий Белградский мир, Россия все же продвинула свои южные границы по обоим берегам Днепра, обозначив уже необратимое движение к Черному морю. В этом движении обозначился весьма важный и ранее небывалый момент: теперь русские войска окончательно проторили дорогу в Крым и прекратили крупные набеги татар на российские земли. Количественное и качественное уменьшение набегов оживило колонизационную деятельность русского правительства. Осваивались земли к востоку от Днестра до Дона. Укрепление позиций России вообще и в Польше в частности вызывало сильное раздражение в Турции. Поддержанная Францией она в 1768 г. объявляет войну России. Узнав о позиции Османской империи, Екатерина II воскликнула: «Не первый раз России побеждать врагов». После странной Семилетней войны русская армия была в наилучшем состоянии, чем у кого бы то ни было: новое вооружение, значительный боевой опыт.

Зимой 1769 г. татаро-ногайская конница хана Крым-Гирая совершила последний набег: было сожжено 1190 домов, 4 церкви, 6 мельниц, более 6 тысяч четвертей хлеба и более 10 тысяч пудов сена, угнано более 30 000 овец и коз, 1557 лошадей. В плен взято 624 мужчины и 559 женщин, найдено порубленных и погребенных мужчин 100, женщин 26. Этим набегом были начаты военные действия. Но это был действительно последний набег.

Боевые действия проходили как на Северном Кавказе, так и в Придунавье. Победы, казалось, сопровождали русскую армию: при Фокшанах, у р. Ларга, у р. Кагул, были заняты Браилов, Бендеры. Был разгромлен ту-

рецкий флот в Чесменской бухте эскадрой Г. А. Спиридова. Действия крымского хана происходили на Северном Кавказе в попытках принудить Кабарду воевать на стороне Турции, но после ряда побед русского корпуса кабардинцы присягнули на подданство России. Летом 1770 г. из войны вышла часть ногайских орд и приняла покровительство Империи. Русские победы ошеломили всю Европу. Стали проявляться подводные камни дипломатического недовольства укреплением позиций России. Австрия, Пруссия и Англия старательно оттирали ее внимание от южного направления. Все это приводило к тому, что, несмотря на поражения турков, султан упорно отвергал переговоры. Чтобы убедить султана в неизбежности окончания войны на русских условиях, армия, возглавляемая Долгоруким, пошла на штурм Перекопа, защищаемого более чем 60-тысячной армией во главе с крымским ханом Селим-Гираем. После взятия крепости начались переговоры об условиях мира и параллельно с ними для большей убедительности были покорены Кафа, Керчь и Еникале. Быстрее всех отреагировали крымские мурзы. Ими было объявлено об утверждении «вечной дружбы» с Россией и вручен присяжный лист со 110 подписями. Но мир с Крымом не был целью российской дипломатии. Россия сформулировала свои условия Турции: независимость Крыма, свободное плавание русских судов в акватории Черноморского бассейна, независимость Валахии и Молдавии. В Европе начался откровенный торг территориями. Чтобы не усиливать Россию за счет Турции ей предложили поучаствовать в разделе Польши. С учетом неясности с польскими конфедератами, агрессивности Швеции и настойчивости Австрии Петербург соглашается на предложение Пруссии о первом разделе Польши. Однако мира с Турцией подписано не было. Только после разгрома А. В. Суворовым османских войск под Козлуджой турки запросили мира. 10 июля 1774 г. в деревеньке Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, во многом учитывающий русские интересы на южных направлениях.

« ... Сколько проистечет от сего выгодностей – изобилие, спокойствие жителей, а от того ... умножение доходов »

Недалеко от Симферополя расположен небольшой по современным меркам городок Белогорск. Нестабильное социально-экономическое состояние местных жителей лишь подчеркивает их размеренную небогатую жизнь. И ничто на первый взгляд не выдает громких исторических событий, бывших здесь несколько сотен лет назад. Лишь знатоки местной истории, да старожилы, считающие себя аборигенами этих мест, могут поведать вам уже седые легенды, как ни странно еще бытующие в округе, и которые, кажется, хранит в себе главная достопримечательность города с бывшим названием Карасубазар – Белая скала или Ак-кая.

В средние века эта скала еще называлась Ширинской в знак того, что в деревне неподалеку жил глава богатейшего татарского рода Ширин. Ему

принадлежали обширные земли по всему северному Крыму, а в роду Ширинов было триста мурз. Старший рода как раз и избирался на Белой скале. Но иногда здесь порой собирались мурзы, недовольные крымским ханом, высказывая свое – наболевшее. По другому преданию, с Ак-Кая татары сбрасывали пленников в назидание пытавшимся сбежать рабам. На скале вымогали выкуп и у Богдана Хмельницкого, находившегося после неудачного сражения с поляками в 1651 г. под Берестечком тогда в плену в Карасубазаре. На глазах у несговорчивого украинского гетмана вниз толкали очередного «полоняника», приговаривая после каждой казни: «Не поторопишься с выкупом – с тобой также сделаем!»

Трудно сказать, знал эти или подобные легенды и были светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, устраивая именно на Ак-Кая присягу татарской знати на верность России в 1783 г., но точно известно, что наместник юга России очень любил «со вкусом пустить пыль в глаза». Чего только стоила эпопея подготовки и проведения путешествия Екатерины II в Малороссию и Таврические края в 1787 г.! Полковнику Корсакову Потемкин писал: «Дорогу от Казы-керменя до Перекопа сделать богатою рукою, чтоб не уступала римским и назвать ее Екатерининский путь». Действительно, по ходу маршрута императрица удивлялась не только новым землям, но и изобретениям фаворита.

Близ Балаклавы императрицу ожидал сюрприз – Потемкин для ее встречи велел учредить роту амазонок, укомплектованную из сотни жен и дочерей балаклавских греков. Экипировка амазонок состояла из юбок малинового бархата, отороченных золотыми галунами, и курточек из зеленого бархата. На голове – белый тюрбан с золотыми блестками и страусовым пером. Все амазонки были вооружены ружьями с тремя патронами. Встреча должна была состояться в конце аллеи из апельсиновых, лимонных и лавровых деревьев. Надо ли говорить, что Екатерина была весьма довольна!

Когда 21 мая карета императрицы остановилась в Бахчисарае, ее внимание был предложен ханский дворец. «Там мы, – хвасталась она своему знаменитому адресату Гримму, – вышли прямо в дом ханов, там мы помещены между минаретами и мечетями, где кричат и молятся, поют и вертятся на одной ноге пять раз каждые 24 часа». Французский дипломат Сегюр нашел, что императрица, проведя в Бахчисарае пять дней, осталась крайне довольной: «В ее глазах светилась радость по поводу того, что она заняла трон ханов, которые некогда были владыками России».

Подобных примеров достаточно, чтобы не сомневаться в том, что светлейший князь присягой на исторически значимом месте для крымских татар решил подчеркнуть не только значимость и силу Российской империи, но и необратимость той политики, которую она проводила. День признания татар и ногайцев в верности России был тоже выбран не случайно – восшествие Екатерины II на престол. То есть 28 июня. Однако сам Манифест о присоединении Крыма императрицей был подписан 8 апреля 1783 г. Несколько позже «уговорили» хана Шагин-Гирая отречься от власти в Крыму, а большинство

мурз добровольно покориться России. И лишь после этого была назначена дата присяги. И вот, наконец, мурзы и муллы со всего древнего Крымского ханства собрались, чтобы поклясться на Коране в верности далекой православной императрице. Потемкин лично принимал присягу сначала у мурз, беев, духовных лиц, а затем уже и простое население было приведено к покорности. Торжества сопровождались угощениями, играми, скачками и пушечным салютом.

Аналогичное действо разворачивалось и на Кубани, где главными его организаторами были А. В. Суворов и П. А. Потемкин. В назначенный день в степи под Ейском встали шесть тысяч ногайских шатров. Вокруг лагеря паслись многотысячные стада низкорослых лошадей. Предводителям ногайцев зачитали отречение Шагин-Гирая, они присягнули Суворову и вернулись к своим ордам, повторившим присягу. После этого начался праздник: было зарезано 100 быков и 800 баранов. Устроители не поленились заглянуть в Коран и обнаружили, что Пророк запретил правоверным употреблять виноградное вино, но отнюдь не хлебную водку, поэтому ногайцы водку пили, а потом состязались с казаками в скачках.

Уже 16 июля 1783 г. Потемкин сообщал Екатерине II, что «вся область Крымская с охотой прибегла под державу Вашего императорского величества: города и с многими деревнями учинили уже в верности присягу». Через восемь с лишним месяцев присоединение Крыма к России вынуждена была признать и Порта. Великая северная Империя вышла к Черному морю и упрочила свое положение в Северном Причерноморье, решив задачу, кровоточащей язвой стоявшую перед Россией еще с XVI в. Не случайно С. Ф. Платонов писал: «Если бы в конце царствования Екатерины встал из гроба московский дипломат XVI или XVII в., то он бы почувствовал себя вполне удовлетворенным, так как увидел бы решенными удовлетворительно все вопросы внешней политики, которые так волновали его современников».³⁵³ Однако столь радужный финал «крымской проблемы» прежде востребовал величайшего напряжения всех имперских сил, кропотливой работы дипломатического корпуса, ратных подвигов русского воинства, больших финансовых трат. Начало всему этому процессу положил заключенный в болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи в 1774 г. одноименный мир между Османской и Российской империями после ряда блестящих побед, одержанных русской армией под руководством П. А. Румянцева и А. В. Суворова. Именно данный мир заставил Екатерину II и ее окружение прагматично взглянуть на возможность более уверенного присутствия России в Северном Причерноморье и на Балканах.

Ведь еще в 1770 г. Совет при высочайшем дворе предельно четко определил свою позицию, которая сводилась к тому, «что крымские и другие под властью хана находящиеся татары, по их свойству и положению, никогда не будут полезными подданными е.и.в. ... Напротив, велико и знатно может

³⁵³ Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 1. СПб., 1993. С. 639.

быть приращение силе и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда собою в независимости».³⁵⁴ Таким образом, Петербургская дипломатия в отношении Крыма следовала тем же курсом, что и по отношению к Польше – лучше слабый и зависимый сосед, нежели усилившийся вследствие ее раздела конкурент и борьба с ним. В случае с Польшей конкурентом имелась в виду Пруссия, в случае с Крымом – Блестящая Порты. Проводником подобных дипломатических изысков выступал тогда еще могущественный граф П. И. Панин. Впрочем, вторил ему и вице-канцлер И. А. Остерман, и сам Г. А. Потемкин в 70-е гг. XVIII в., желавший Крым привязать к России путем экономических и политических шагов.

Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. открыл для России Черное море и проливы, некоторые статьи создавали благоприятные условия для проникновения ее на Балканы. В статьях 7, 14, 16, 17 было зафиксировано обязательство Порты обеспечить свободу исповедания христианской религии подданным Османской империи. Данные статьи российское правительство толковало более широко и на их основе добивалось для православных не только своего религиозного, но и политического покровительства. С той же целью – распространения политического влияния – Россия использовала статью 2 договора, которая позволяла создавать во всех владениях Турции русские консульства. По Кючук-Кайнарджийскому договору утверждалась независимость Крымского ханства от Порты. Россия получила на Восточном берегу Крыма крепости Керчь и Еникале, контролировавшие вход в Азовское море, и крепость Кинбурн в устье Днепра, а также право укреплять город Азов. Теперь границы Российской империи на юге простирались от Кубани до Южного Буга.

Однако и у Высокой Порты сохранились действенные рычаги влияния на создавшуюся ситуацию в Крыму, поскольку по подписанному в 1774 г. договору ни Россия, ни Оттоманская Порты не имели права вмешиваться «как в избрание, ... так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом». Тем не менее мусульмане Крымского ханства «в духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами в рассуждении его султанского величества яко верховного калифа закона мусульманского имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным».³⁵⁵ Таким образом, султан Порты оставался духовным наставником крымским жителям, проповедовавшим ислам и в связи с этим правом он назначал в Крыму судей-кадиев, которые вершили суд и по мирским делам. В мечетях ханства продолжали возносить молитвы халифу-султану, а значительная часть знати продолжала ориентироваться на Стамбул. В таких условиях султану не составило особого труда воздействовать на выборы протурецкого хана. Им

³⁵⁴ Архив государственного совета (далее – АГС), т. 1. СПб., 1869. Стб. 43–44.

³⁵⁵ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 26–27.

становится Девлет-Гирав. Он сразу встал в острую оппозицию политике России и стал проводить мероприятия для высадки турецкого десанта на Азово-Черноморское побережье.

Утверждая своего ставленника и угрожая разрывом, Турция потребовала от российского правительства «...отступить от независимости татар, возвратить Кинбурн и оставить ей во владение Таман».³⁵⁶ В пору было говорить о восстановлении власти турецкого султана над Крымом, что явно противоречило заключенному миру. Единственное, что Турция сделать не решилась – поддержать Девлет-Гиравя военным образом. Такое развитие событий не только насторожило Петербург, но и заставило его предпринимать адекватные действия. При поддержке российских войск в 1777 г. крымским ханом выбрали Шагин-Гиравя, бывшего наместника владетеля Крыма на Кубани, человека европейски образованного, но по-восточному хитрого. Слывя проводником российских интересов в Северном Причерноморье, он старался проводить собственную политику, которая, по словам непосредственного участника происходящего в Крыму И. М. Цебрикова, заключалась в том, чтобы «прилежно ввести оба двора в войну» и «повлечь за собой славу».³⁵⁷ Проходившие в Бахчисарае выборы выявили немало его сторонников, хотя точнее было бы сказать сторонников умеренного влияния России на Крым. Однако их поддержка Шагин-Гиравя со временем только таяла. Причем оппозиционные ему крымцы писали в Санкт-Петербург, что хан не только «не по древним обрядам правит», но и лучше бы им умереть или «пушай де всероссийская самодержица для правления пришлет генерала». Причины недоверия мурз Шагин-Гиравю, вероятно, кроется в проводимой им политике.

Именно двойственностью политики нового крымского хана можно объяснить затеянные им несколько нелогичные для мусульманского населения реформы. К их числу можно отнести переустройство армии в сторону регулярности с ее едиными правилами, обмундированием, пешим и конным строем. Традиционная для татар столица в Бахчисарае была предана забвению и перенесена в Кафу. Были ограничены права местных князьков, и, что самым для последних было болезненным, перераспределена доходная часть от них в сторону центральной власти ханства. Введение наследственного права, по сути лишавшее крымскую знать права выбора хана, вообще противоречило Кучук-Кайнарджийским соглашениям. Просматриваются штрихи тонкой политической игры: радикальные и нетрадиционные преобразования заведомо должны вызвать оппозиционные настроения крымской знати, которые в свою очередь всегда в силу своих геополитических интересов поддерживались Турцией. Вмешательство Порты будет сильно раздражать Россию, которая будет использовать все возможные варианты не только не ослабить свое влияние на Крым, но и усилить его. Ввод русских войск на

³⁵⁶ Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. 1. С. 324.

³⁵⁷ *Цебриков И. М.* Справедливыя действы при врате Крыма в Таврике 1783 года! [Электронный ресурс] // <<http://www.crimea.metakultura.ru>>

полуостров – уже причина для вооруженного противостояния. И еще: сам Шагин-Гирав безусловно ходил по краю пропасти, но был убежден, что он как никто другой нужен России. И был недалек от истины, поскольку позиция Екатерины II, по крайней мере до 1782 г., была весьма однозначной: доминирование России в ханстве без прямого присоединения в надежде на «справедливую автономию Крыма». В рескрипте графа П. А. Румянцева командующему русскими войсками в Крыму князю А. Прозоровскому так и говорится: «Ея Величество, зная лично в настоящем хане достоинство и лучшее сведение, которое имеет он ко управлению того края, позволяет ему с полною свободою там владычествовать; а по сему заключению весьма себя отдалять вам надобно, чтоб вмешиваться в дела хана и ханства, как для нас побочные...»³⁵⁸

Одним из последних штрихов перед открытым выступлением против Шагин-Гирав стало провозглашение веротерпимости к христианам и разрешение им строить церкви. Выступление началось при поддержке духовенства и Порты в 1777 г. В очередной раз появляется турецкий ставленник – Селим-Гирав. Несмотря на то, что его высадка все же произошла в предместьях Кафы, славы он не снискал и вынужден был ретироваться обратно в Турцию, а Шагин-Гирав вновь был посажен на ханский стол. Тем не менее Турция хотела выжать из создавшегося положения максимум выгоды. Поэтому в 1788 г. у берегов Крыма опять появляется турецкая эскадра. Командующий русскими войсками на полуострове А. В. Суворов неординарным способом конфликт уладил, не разрешив турецкому десанту высадиться. Дело в том, что в Турции была чума, а по международным конвенциям считалось необходимым выдержать сорокадневный карантин, прежде чем разрешить выход в чужие порты. Османскому адмиралу пришлось повернуть обратно.

Однако общее положение в Крыму не было безоблачным, поскольку Шагин-Гирав так и не был признан султаном. В этой ситуации должна была сыграть тяжелая артиллерия – дипломатия. Тем более, что благоприятность момента была связана с тем, что Англия, менее всего хотевшая усиления России в северочерноморском регионе, еще не смирилась с потерей североамериканских колоний и продолжала бороться за свои интересы вдалеке от русско-турецких отношений. Между тем английский король Георг III находился в состоянии войны и с Францией, Испанией и Голландией, государствами, поддерживающими североамериканские колонии. Австрия и Пруссия топтались на картофельных полях, перетягивая на себя «канат баварского наследия». Лавируя между сильными державами «мира сего», Россия сделала невозможным давление на себя европейских держав в пользу Турции, и та склонилась к подписанию Айналы-Кавакской конвенции. Конвенция подтверждала положения Кючук-Кайнарджийского мира с некоторыми пояснениями. Отныне султан, оставаясь духовным лидером крымских мусуль-

³⁵⁸ Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1875. Кн. 4. Отд. 2. С. 5.

ман, обязан был утвердить избранного ими хана, которым автоматически и становился Шагин-Гирай. За эту уступку Россия обязалась вывести войска с полуострова. Данные новации вовсе не свидетельствовали об отказе держав на влияние в Крыму, просто изменились правила игры. Турция акцент делает на дискредитацию Шагин-Гирая и на сепаратизм на Кубани и Тамани. России ничего не остается, как всячески поддерживать своего ставленника и все более прикреплять Крым к Империи политически и экономически. Судя по всему, это был последний шанс разыграть карту лояльной автономии. Г. А. Потемкин идет на кардинальные, но, как будет ясно впоследствии, ошибочные меры: христианское население Тавриды (в основном греки и армяне), державшее в своих руках нити торговли, производства и финансов насильственно выводились с полуострова. Делалось это в спешке и не организовано. Именно поэтому, многие переселенцы так и не добрались до места назначения – будущего города Мариуполь, погибнув в дороге.

Еще до Айналы-Кавакской конвенции в русских военных и правительственных кругах происходит борьба мнений в попытке определить более ясную политику по отношению к Крымскому ханству. Инициатор радикального решения вопроса князь А. Прозоровский убеждал графа П. А. Румянцева: «...Я осмелюсь вашему сиятельству доложить, что на таком основании как ныне никогда татары покойны не будут, и Империи нашей больше вреда, нежели пользы принесут... Разве когда большая часть их истребится, и другое правление здесь сделано будет».³⁵⁹ Румянцев и сам склонялся к подобным доводам и, поддержанный все более набирающим силу при дворе А. А. Безбородко, сообщал Екатерине II о невозможности сохранения независимости Крыма, поскольку в таком случае война может оказаться бесконечной и бесполезной.

Императрица оставалась непоколебимой и более поддерживала начинания Г. А. Потемкина. В русле политики «автономизации» Крыма Екатерина II совершила еще одну грубейшую ошибку – удовлетворила просьбу Шагин-Гирея о принятии того в российское подданство, считая, что это еще больше укрепит ее влияние на хана и на ханство. Однако думается, что здесь речь идет об удавшейся провокации. Крымский хан посчитал стабилизацию крымской дипломатии между Османской империей и Россией нехорошим знаком, никак не вписывающимся в русло затеянной им игры. Чтобы подлить масла в огонь, с благословения августейшей фамилии Шагин-Гирай в 1781 г. становится гвардии капитаном Преображенского полка и подданным Империи. Это вызвало справедливое возмущение не только крымского духовенства, но и простого мусульманского населения, считавших оскорбительным для них вступление их правоверного хана на службу к неверным. Чтобы увещевать своего хана и направить его на службу традициям и законам ислама, к нему был послан муфтий. Его визит закончился трагически – по приказу Шагин-

³⁵⁹ *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб., 1885–1889. Т. 1. С. 810–811.

Гирая он был повешен. Казнь муфтия непременно должна была вызвать восстание, и оно, возглавленное братьями Шагина – Батыр и Аслан Гирай, произошло весной 1882 г. на Тамани и впоследствии перекинулось в Крым. Сам Шагин бежал в русские пределы. Для русского правительства наступила пора принятия нелегких решений. Если ради спасения власти своего ставленника в Крым будут введены русские войска, – это будет нарушением договоренностей с Портой и возможно станет причиной войны. Если не предпринимать никаких мер, можно было упустить время и инициативу, дождавшись выборов нового – протурецкого – хана и вместе с ним усиления Османской империи.

Собственно, сама ситуация в Крыму подсказала направление шагов русской политики. Дело в том, что ханом был провозглашен Батыр-Гирай и тем самым, ситуация явно выходила из-под контроля России. Анализируя происходящее, Г. А. Потемкин настоятельно просит императрицу немедленно ввести войска, чтобы усмирить бунт и Шагина вернуть. Чтобы не допускать критической точки развития событий, осенью 1882 г. русские войска вступили на территорию полуострова, имея распоряжение Светлейшего князя: «Вступая в Крым и выполняя все, что следовать может к утверждению Шагин-Гирея паки на ханство, обращайтесь впрочем с жителями ласково, наказывая оружием, когда нужда дойдет, скопища упорных, но не касайтесь казням частных людей. Казни же пусть Хан производит сам, если в нем не подействует дух кроткий Монархии нашей, который ему сообщен, – наставлял своего подчиненного соправитель императрицы, – если б паче чаяния жители отозвались, что они лучше желают войти в подданство Ея Императорскому Величеству, то отвечать, что вы, кроме спомоществования Хану, другим ничем не уполномочены, однако ж мне о таком произшествии донесите».³⁶⁰ Надо сказать, что большую решимость вводу войск придавали обнадеживающие известия из Турции, где начинались широкие внутренние волнения, причиной которым был сильнейший за последние годы пожар в Стамбуле, уничтоживший большую часть города. Вместе с этим войска на юге Украины были приведены в боевую готовность на случай обострения отношений с Турцией. Командующий войсками граф П. А. Румянцев-Задунайский был извещен об этом в августе. И он, и Потемкин, и А. А. Безбородко не исключали начала войны. Как ждал ее и Шагин-Гирай, с большим удовольствием наблюдая не только присутствие гораздо большего, чем обычно, контингента русских войск, но и барражирование Азовской флотилии вдоль берегов Кафы. Это тешило и его самолюбие, и давало возможность применить власть. Надо признать, что именно этой властью он и злоупотреблял, казня мятежников, руководствуясь иногда просто доносами. Его непомерная жестокость, дискредитирующая не только самого хана, но и в его лице русские войска, впоследствии обратит на себя внимание Екатерины II, что станет одной из

³⁶⁰ Дубровин Н. Присоединение ... Т. 4. С. 836–839.

причин потери ее интереса к Шагин-Гираю. В Петербурге начали задумываться о смене вех в крымской политике.

Ожидание возможной войны было сопряжено с дипломатическими изысканиями Петербурга. Главным объектом которых в начале 80-х гг. становится Австрия в лице ее императора Иосифа II. После смерти своей матери, влиятельной Марии-Терезии, Иосиф обрел полную свободу как в мыслях, так и в действиях. По его мнению, усиливающаяся на Балканах Россия – факт, которого вряд ли удастся избежать. Поэтому лучшей позицией Австрии стало бы участие в продвижении грозного восточного соседа на юг и юго-запад, извлекая из этого свои имперские выгоды. Сближению Австрии и России способствовал первый раздел Польши, причем их позиции, в отличие от инициатора раздела – Пруссии, были схожи: не растаскивать Польшу окончательно, оставив ее в виде зависимого государства с ее конституцией. В 1780 г. Екатерина II посещает вновь приобретенные земли в Белоруссии, где и встречается с Иосифом II. Их взгляды были настолько близки, что, не прерывая переговоров, императорские особы отправились их продолжать в Петербург, где обсудили границы сотрудничества. Впоследствии, в 1781 г. круг совместных действий был обрисован и утвержден через личную переписку. Стороны договорились о совместных усилиях по поддержанию мира в Европе; если же одна из них подвергнется нападению, другая окажет помощь военной силой или денежной субсидией, размеры коих оговаривались. Оба монарха гарантировали целостность владений Польши и ее конституцию. В условиях таких договоренностей прусскому императору Фридриху II невозможно было бы надавить ни на одну, ни на вторую державы. Но самое важное положение договоренностей заключалось в секретной статье: Иосифом II за себя и своих преемников были признаны Кючук-Кайнарджийский мир и Айналы-Кавакская изъяснительная конвенция. Екатерина, в свою очередь, не оспаривала итоги австро-турецких войн. Более того, по согласованию с Россией Иосиф был обязан присоединиться к возможной русско-турецкой войне и выставить силы, равные силам союзника.³⁶¹ Имея такой дипломатический тыл, можно было подумать не только о войне с Портой за Крым, но и о гораздо более перспективных замыслах.

В условиях политической эйфории у Екатерины II родился так называемый «Греческий проект». В создании проекта приняли непосредственное участие А. А. Безбородко и Г. А. Потемкин. Суть его заключалась в серьезном перекраивании европейской карты, собственно той ее части, которая на тот момент занимала Османская империя. Геополитические планы Австрии и России были устремлены на выдворение Турции с европейских пределов, в частности с территории Балкан и Греции, учреждение там буферного государства «Дакии» со столицей в возрожденном Константинополе. По исполнению задуманного и Россия, и Австрия получали бы доминирующее положение в этом судьбоносном регионе южного подбрюшья Европы. Самодержица

³⁶¹ Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. М., 1997. С. 145.

конфиденциально изложила план в письме Иосифу II в сентябре 1782 г. Раскинув перед ним сети обещаний, Екатерина II обрела для России союзника, столь нужного не только для продвижения на юг, но и для нейтрализации возможных демаршей со стороны Пруссии. Сама императрица была уверена в правильности предпринятых шагов, о чем и сообщала Г. А. Потемкину: «...Твое пророчество, друг мой сердечный и умный, сбылось: аппетит к ним пришел во время еды».

Первым шагом реализации «Греческого проекта», возможно, уже тогда планировался захват Крыма. Позиция светлейшего князя летом 1782 г. явно претерпевала изменения. И если в июне 1782 г. он еще по протоколу ведет переговоры с Шагин-Гираем как с влиятельным крымским ханом об уступке России для базирования русского флота Ахтиярской гавани (где впоследствии будет основан Севастополь) взамен прощения 60 тысяч рублей долга ханства, то, вводя войска в Крым в сентябре, уже менее всего интересовался позицией амбициозного хана. А чуть позже Г. А. Потемкин на полуострове стал проводить секретные миссии для определения настроений крымских татар и для ведения работы по привлечению их симпатий к Российской империи. Главным агентом влияния стал Я. Рудзевич, доносивший, что все «...крымцы совершенно бы себя почли счастливыми, если б толико благотворящая человечеству всемилостивейшая монархиня благоволила и их принять в высочайшее ее покровительство... Я, к успешному событию сего важного пункта, не нахожу другого средства, как удалить из Крыма Шагин-Гирей-хана... Без него, кажется, не так затруднительно будет свершить дело, Богу угодное, российскому престолу наивышшую славу приносящее, а для всех крымцев блаженство составляющее».³⁶² К декабрю 1782 г. у Потемкина уже не было никаких сомнений в том, что Крым необходимо привести в подданство России. Все располагало к этому: удачная международная обстановка, внутренние сложности в Османской империи, неуверенность крымских мурз относительно того, что политическая ориентация на Турцию приведет к благосостоянию Крыма. Да и само экономическое положение ханства требовало скорейшего внешнего вмешательства, и мурзы все более склонялись к покровительству Российской империи, тем более что «де-факто» это уже происходило.

Общественное мнение в Крыму лишь подтвердило уверенность Потемкина в том, что «момент настал». В обширнейшей записке Екатерине II о Крыме он излагал экономические и геополитические аргументы в пользу присоединения полуострова: «Татарское гнездо в сем полуострове от давних времен есть причиною войны, беспокойств, разорения границ наших и издержек несносных, которых уже в царствование Вашего Величества перешло только для сего места более двенадцати миллионов, выключая людей, коим цену положить трудно. Издержка таковая доставила ли тишину, возвратила ли убытки, или хотя мало наградила, и есть ли надежда впредь

³⁶² Дубровин Н. Присоединение ... Т. 4. С. 931–932.

ожидать покоя. ... Представьте же сие место в своих руках, увидите вдруг перемену счастливую для Государства Вашего: граница не будет разорвана между двух веки с нами враждующихся соседств еще третьим, и который, просто сказать, у нас почти за пазухой; сколько проистечет от того выгодностей: изобилие, спокойствие жителей, а от того и население, умножение доходов, господство непрекословное Черным морем, соединение Имеретии, а чрез то непрерывная граница всегда союзных нам народов между обоих морей. Устье Дуная будет в Вашей воле (лучше будет, есть ли флот, не вводя в Средиземное море, держать готовым). Не Вы от Турков станете искать дозволения проходить Боспор, но они будут просить о выпуске судов их из Дуная. Доходы сего полуострова в руках Ваших возвысятся. Одна соль уже важный артикул, а что хлеб и вино. К овладению Крымом предстоят, Ваше Величество, благовидные резоны, то есть замена издержек и уничтожение причин, побуждающих беспрестанно с Портою спорить. Хану же, который без поддержания Вашего остаться там никак не может, Вы зделаете большее и знаменитейшее удовлетворение с возведением его в Персидские шахи».³⁶³ В то же время Светлейший князь подробно извещает своего августейшего респондента о возможных вариантах реакции в Европе по поводу присоединения. Турция с его точки зрения не решится развязать активные действия, но даже в противном случае русские войска будут максимально готовы по всему черноморскому береговому периметру отразить любую высадку десанта: «а Крым все займем, удержим и границы обеспечим». Опасность со стороны Франции – «все употребит пакости, какие можно» – будет нейтрализована твердостью и уверенностью позиций России в Европе. Швецию надо просто известить о «лагерных сборах» на южных границах. А Пруссия будет нейтрализована Австрией. Причем рассматривался вопрос и о прямой военной помощи Иосифу II против беспокойного прусского короля.

Убежденная доводами Потемкина Екатерина II, тем не менее, все же проконсультировалась на всякий случай с Коллегией иностранных дел. После обсуждения различных вариантов там пришли к однозначному выводу: внешнеполитическая обстановка благоприятствует, а план, предложенный Г. А. Потемкиным, реален. После соблюденного официоза в декабре 1782 г. самодержица дает отмашку: истраченные на поддержание режима Шагин-Гирея в Крыму восемь лет и 7 млн рублей, бесчисленные человеческие жертвы не принесли никакого результата и поэтому необходимо привести ханство в подданство, желательно мирным путем. Оставалось только безболезненно оттереть Шагин-Гирея от власти, которой он по-прежнему злоупотреблял, продолжая наказывать мятежников. Во многом его действия напоминали растерянность, поскольку становилось ясно и ему, что широкомасштабной войны между Турцией и Россией в ближайшее время не будет. Следователь-

³⁶³ *Лопатин В.С.* Новое о планах князя Г.А. Потемкина по присоединению Крыма к России // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000. № 2. С. 104–107.

но, его существование как крымского хана ставилось под вопрос вследствие все усиливающегося влияния северной Империи. Хан не спешил покидать Крым, а пока он оставался на полуострове, крымские татары не решались продемонстрировать свою лояльность к России.

Для реализации вопроса «отстранения покровительства» от Шагин-Гирая в Крым в апреле 1783 г. к нему был отправлен специальный резидент – надворный советник С. Л. Лашкарев. Введенный в «тайну присоединения Крыма» он должен был уговорить пока еще действующего крымского хана принять условия отставки, предложенные Екатериной II: предоставление имени в России при 200 тыс. рублей пансиона в год с предоставлением 50 тысяч рублей дорожных «на выезд». Хан на все предложения отвечал снисходительно, обещал подумать и даже послал свой обоз в Петровскую крепость, но его приближенные внушали муллам, чтобы те не доверяли русским. Сославшись на болезнь, Шагин-Гирай сначала медлил с отъездом, а потом выехал с полуострова через Тамань, лелея последние надежды не потерять власть и поднять ногайские орды, но, видимо, и сам уже не верил. Однако всего через месяц после присяги ногайцы перерезали пророссийски настроенных мурз. Потемкин знал, что ногайские орды всегда будут создавать нестабильность на Кубани и решил перегнать кочевников в приволжские и приуральские степи. Подготовленная А. В. Суворовым военная операция в октябре 1783 г. привела к уничтожению цвета ногайской конницы в урочище Керменчик. А сам мятущийся хан посредством уговоров покинул Тамань и до его трагического отъезда в Турцию жил под Воронежем на тех условиях, которые ему были предложены ранее.

После того, как Шагин-Гирая отодвинули в сторону и крымские мурзы поняли, что он не вернется, можно было начинать процесс присоединения Крыма к России. 8 апреля 1783 г. был издан высочайший манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». Никто лучше и колоритнее не пояснит общественной необходимости присоединения, нежели сама Екатерина II, тем более что она его выстрадала: «В прошедшую с Портою Оттоманскою войну, когда силы и победы оружия нашего давали нам полное право оставить в пользу нашу Крым, в руках наших бывший, мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскою, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтоб удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россией и Портою в прежнем татар состоянии. Но ныне, когда, с одной стороны, приемлем в уважение употребленные до сего времени на татар знатные издержки, простирающиеся по верному исчислению за двенадцать миллионов рублей, не включая тут потерю людей, которая выше всякой денежной оценки; с другой же, когда известно нам учинилось, что Порта Оттоманская начинает исправлять верховную власть на землях татарских, и именно: на острове Тамане, где чиновник ее, с войском прибывший, присланному к нему от Шахин-Гирея

хана с вопрошением о причине его прибытия, публично голову отрубить велел и жителей тамошних объявил турецкими подданными; то поступок сей уничтожает прежние наши взаимные обязательства о вольности и независимости татарских народов; удостоверяет нас в том, что предположение наше при заключении мира, сделав татар независимыми, не довлеет к тому, чтоб чрез сие исторгнуть все поводы к распрям, за татар произойти могущие, и поставляет нас во все те права, кои победами нашими в последнюю войну приобретены были и существовали в полной мере до заключения мира. И для того по долгу предлежащего нам попечения о благе и величии отечества, стараясь в пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир, между империями Всероссийскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков наших, решились мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

Присяга крымских мурз 28 июля 1783 г. сняла многие вопросы относительно и Крыма, и будущности русской внешней политики, но не все. Несмотря на то, что Османская империя косвенно признала присоединение Крыма и Прикубанья к России, борьба за полуостров не прекратилась, Россия и Турция готовились к новой войне. В Крыму строились крепости и флот. Демонстрацией готовности России к войне и успехов в освоении южных земель явилось путешествие Екатерины II в Крым в 1787 г. в сопровождении ряда иностранных послов и австрийского императора Иосифа II. Но тогда же летом 1787 г. рейс-эфенди потребовал от России признания верховной власти Турции над Грузией и допуска в Крым турецких консулов. 15 августа 1787 г. Турция предложила русскому посланнику в Константинополе Булгакову немедленно вернуть Крым, чего посланник сделать не мог. Как обычно в таких случаях, посланник был арестован, и это было объявлением войны.

Военные действия развернулись очень быстро. Уже 21 августа 1787 г. турецкий флот напал на русские сторожевые корабли возле Кинбурна. Под командованием А. В. Суворова, руководившего обороной не только Кинбурна, но и всего Черноморского побережья от Херсона до Крыма, российские войска отразили атаки во много раз превосходящего по численности турецкого войска. Разгром турок сорвал их попытки овладеть с моря Крымом и уничтожить главную гавань – Севастополь. Несмотря на военные успехи, внешнеполитическое положение России было очень непростым. Стремясь сорвать поход русской балтийской эскадры в Средиземное море, Англия весной 1788 г. запретила России нанимать английские транспортные суда, делать закупки продовольствия и наем моряков. Летом 1788 г. был создан Тройственный союз, направленный против России. В нем участвовали Англия, Пруссия и Голландия. Наконец, Пруссия, Англия и Турция добились, и это кардинально ухудшило обстановку, военного нападения на Россию Швеции. Правда, союзница России Австрия с января 1788 г. вступила в войну с Турцией, но ее участие было скорее символическим.

В 1788 г. боевые действия русской армии сосредоточились на штурме важнейшей турецкой крепости Очаков. Здесь действовала 132-тысячная армия Г. А. Потемкина и Черноморский флот, так как в гавани Очакова стояли основные силы турецкого флота. Боевые действия начались на море. В сражении у о. Змеиного победила русская эскадра Ф. Ф. Ушакова, а в Днепровско-Бугском лимане была уничтожена турецкая гребная флотилия. Турки понесли огромные потери в людских силах – более 8 тысяч человек. В декабре 1788 г. русские войска предприняли решительный и успешный штурм Очакова. Несколько ранее 50-тысячная армия П. А. Румянцева взяла Хотин. Летом 1789 г., когда турецкие войска численностью в 30 тыс. человек, форсировав Дунай, взяли направление на Фокшаны, австрийцы отступили и призвали русских на помощь. Союзников выручил 10-тысячный корпус А. В. Суворова, который с ходу атаковал турок при Фокшанах. После 9-ти часов упорного сопротивления турки не выдержали штыковой атаки и бежали. К сожалению, успех этой победы из-за позиции Г. А. Потемкина не был развит наступлением русских войск.

Еще более значительная победа была одержана А. В. Суворовым, командовавшим двадцатитысячными совместными силам русских и австрийцев, над 100-тысячной армией Оттоманской империи под Рымником. Столь громадное поражение решило успех кампании 1789 г. Россия продвинула свои войска до низовьев Дуная. Были взяты крепости Гаджибей, Аккерман, Бендеры. Русские войска заняли прочные позиции между реками Днестр и Серет. Под влиянием поражений Турция вступила было в переговоры о мире, но под нажимом Англии и Пруссии отказалась от них, Австрия в 1790 г. заключила сепаратное соглашение, взяв на себя обязательство не оказывать помощь России. Война продолжалась. Севастопольская эскадра в Керченском проливе обратила в бегство турецкий флот, предотвратив попытку высадить турецкий десант в Крыму. А за этой победой последовало взятие крепостей Тульча, Исаакча, Браилов и, наконец, Измаил.

После победы над шведами и заключения с ней мира русская армия сумела одержать над вооруженными силами Турции победы, сделавшие для нее невозможным дальнейшее ведение военных действий. Дело было за дипломатами, но и здесь не обошлось без сложностей. Накануне переговоров умер Г. А. Потемкин, а Великобритания резко усилила антирусский настрой на конференции в Яссах. Однако русская дипломатическая делегация, возглавляемая А. А. Безбородко, сумела к декабрю 1791 г. добиться приемлемых итогов. Россия при противодействии дипломатии Англии и Пруссии отстаивала право на Северное Причерноморье, Черноморский бассейн и Крым. Ясский мир 1791 г. завершил определенный этап в развитии русско-турецких отношений. С этого времени правительство Екатерины II, а затем и правительство Павла I стремились к установлению мирных отношений с Турцией. Территориальную принадлежность Крыма к России оспаривать никто не решался вплоть до мечтаний турецких властей в период Крымской войны 1853–1856 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Речи» Семёна Елизарьева Мальцева о походе татар и турок под Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М., 1947.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. СПб., 1848.
3. *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990.
4. Архив государственного совета. Т. 1. СПб., 1869.
5. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. М., 1952.
6. Барбаро и Контарини о России. М., 1971.
7. *Богданов А.П.* Первые российские дипломаты. М., 1991.
8. Боярский приговор о станичной и сторожевой службе (1571) // Акты Московского государства. Т. I. 1571–1634.
9. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
10. *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды и его время. Пг., 1922.
11. *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.
12. *Генрих Штаден.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925.
13. *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
14. Гийом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев. 1901. [Электронный ресурс]. http://gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=156
15. *Гирай-султан Халим.* Розовый куст ханов или история Крыма. Симферополь, 2008.
16. *Гордеев А.А.* История казаков. Ч. 1. Золотая орда и зарождение казачества. М., 1992.
17. *Д'Асколи.* Описание Чёрного моря и Татарии префектом Кафы, Татарии и проч. Эмиддио Дортелли Д'Асколи. 1634 г. // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей (ЗОИДР). Т. XXIV. Одесса, 1902.
18. *Де-Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Книга Марка Поло. М., 1997.
19. *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб., 1885–1889. Т. 1.
20. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
21. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. М., 1997.
22. *Жак Маржерет.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
23. *Цебриков И.М.* Справедливые действия при врате Крыма в Таврике 1783 года! [Электронный ресурс]. <<http://www.crimea.metakultura.ru>>
24. История внешней политики России. XVIII век. М., 2000.
25. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

26. *Капитанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
27. *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999.
28. *Лопатин В.С.* Новое о планах князя Г.А. Потемкина по присоединению Крыма к России // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000. № 2.
29. *Любавский М.К.* Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
30. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
31. Пименово хождение в Царьград // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984.
32. *Платонов С.Ф.* Сочинения по русской истории. Т. 1. СПб., 1993.
33. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.
34. ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.
35. *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
36. *Санин С.Г.* Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–11 года. [Электронный ресурс]. <<http://www.moscow-crimea.ru/history/hanstvo/war1710-11.html>>
37. Сборник РИО. Т. 41. 1885.
38. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
39. *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2001.
40. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. Одесса, 1889.
41. *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1999.
42. *Унежев К.Х.* История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005.
43. *Фадеева Т.М., Шапошников А.К.* Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2005.
44. *Цебриков И.М.* Справедливые действия при врате Крыма в Таврике 1783 года! [Электронный ресурс]. <[http // www.crimea.metakultura.ru](http://www.crimea.metakultura.ru)>
45. Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1875. Кн. 4. Отд. 2.
46. *Эвлия Челеби.* Книга путешествий. Симферополь, 1996.
47. *Юзефович Л.А.* Как в посольских обычаях ведётся. М., 1988.
48. *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869.
49. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.

Туманный Альбион

Заметки на ладони

Честные игры

Простой «совковый» школьный преподаватель с необязывающей к большим покупкам зарплатой оказался на два месяца в Англии. Даже по прошествии нескольких лет я могу лишь подозревать, какая сила подтолкнула меня к поездке в страну, которую я тихо ненавидел в пятом классе из-за английского языка, который нам безуспешно пытались впихнуть в сельской школе неумелые преподаватели-троечники, напрочь отбивавшие даже возможность зарождения вкуса к полиглотству. То ли перестроечные ветры, занесшие в нашу общеобразовательную обитель скромных итальянских спонсоров, поспособствовали моей командировке с более чем смутными целями. То ли я сам стал для администрации слишком беспокойным элементом в процессе дележа становящейся ничьей государственной собственности и поэтому меня отправили подальше – не мешать вышеназванному процессу. То ли в силу еще каких-либо неведомых мне причин и следствий.

Так или иначе, я, воспользовавшись представившейся мне возможностью отправиться подальше, пошел на поводу у своей фатальности и русской ментальности в форме «а, будь что будет!», поехал на халяву вкушать «неограниченные» сладости западного образа жизни.

Я был образчиком человека, который во всевозможных анкетах и личных делах в графе «знание иностранного языка» всегда отмечал банальное – «со словарем». Лихорадочные предпоездочные поиски вариантов мгновенного освоения языка привели к противоположному результату – я окончательно запутался во всех случайно оставшихся в моей голове временных формах английской грамматики. Никакие заучивания перекладыванием карточек с одной стороны на другую все новых и новых слов и их бесконечных значений не могли радовать мое мятущееся сознание. Оставалось уповать на волю всевышнего и некоторую временную паузу, обязанную, со слов моих коллег, произвести чудо и утрясти, расположив по порядку, все мои недюжинные познания в чужом языке. Итак, я прилетел на Туманный Альбион.

Герцог Веллингтонский, один из почитаемых британских полководцев, как-то бросил сакраментальную фразу, его пережившую и до сих пор произносящуюся в учебных заведениях с очень важным видом, о том, что битва при Ватерлоо XIX в. была выиграна на спортивных площадках Итона. Итон – наиболее авторитетный и элитный англиканский колледж в среде других платных публичных школ. В диапазон целей моей командировки в Англию входила система образования. Собственно, гостем такой публичной, правда католической школы Бенедиктинского ордена в Амплфосе, что в Йоркшире, я и был, имея возможность в течение длительного времени наблюдать изнутри жизнь этой «фабрики джентльменов». Надо признать, что в моей памяти остались двойкие впечатления.

Итак, великий герцог ничуть не покривил душой, говоря о спорте, как одной из важных мер воспитания будущих «сильных мира сего». Про-

езжая Англию, можно видеть сотни и сотни спортивных полей и площадок, торчащие Н-образные ворота для регби и овалы беговых дорожек. Каждый уважающий себя колледж имеет минимум 3–4 поля и 2–3 спортивных зала и хотя бы один бассейн. Причем предпочтение всегда отдается коллективным видам спорта. Собственно, и школьной дисциплины, такой как «Физическая культура» нет, потому что есть более емкое: «Games», т. е. игры. И если ты уж попал в публичную школу – ты просто не можешь не играть в футбол или регби, иначе прослывешь изгоем, которому в тяжелую минуту никто не подаст руки. Кстати, весьма характерный признак социальной дифференцированности общества: в регби играют в элитных колледжах, в футбол – менее значимых. В Амплфосе я сильно засомневался, что футбол популярнейший спорт в Англии. Ни разу я не видел футбольного мяча, зато набивные «эллипсы» для регби взмывали в воздух при любом удобном случае, число переломанных в играх рук и ног при мне достигло четырех. «Счастливые» обладатели таковых с неподдельной гордостью и некоторой высокомерностью смотрели на окружающих – им можно – они герои! Участники команды регбистов, выигравшие какое-либо межшкольное состязание, считаются уважаемыми людьми, а их имена навечно выгравировываются на специальных щитах почета в главных коридорах учебного заведения. Победу празднуют так, как будто выиграли Кубок мира – в лучшей столовой, с лучшими блюдами, с лучшим вином из местных погребов.

Спорт культивируется не только ради физической закалки, но прежде всего и как средство воспитания определенных черт характера. Соперничество спортивных команд – эффективное средство воспитания «командного духа». Хороший игрок в составе школьной команды обретает задатки руководителя и общественного деятеля, которые пригодятся ему на любом поприще. Недаром создатель системы школьного воспитания Томас Арнольд в прошлом веке выделил основные принципы воспитания в следующем порядке: мораль, джентльменское поведение, умственные способности. Причем первые два должны, по мнению реформатора, формироваться через спорт. Таким образом, средневековый рыцарский кодекс чести постепенно перерос в понятие «честной игры» посредством спортивных игр.

Очень рядом с пропагандой спорта находится «Военное дело», почти напрочь заброшенное в наших школах. Не раз по понедельникам я становился свидетелем своего рода шоу, устраиваемое «Королевскими вооруженными силами Великобритании» специально для учащихся. Вертолеты, выполняющие различные финты, разные дельтапланы с моторчиками и без, самолеты различных модификаций, стрельба, пальба, задымление. Всем этим безусловно подогревается интерес и уважение к собственной армии. Что интересно, учатся по желанию, вне обязательности, да и количество желающих весьма большое. Популяризацию этого предмета руководство школы накладывает даже на монахов, которых утром весьма забавно видеть в военном камуфляже, а уже вечером смиренных в коричневом бенедиктинском с капюшоном монашеском одеянии. Патронаж над такими занятиями берет

на себя непосредственно руководство армейскими подразделениями. На афишах, предваряющих эти занятия, встречаются надписи: «Сегодня для вас – гвардейский корпус герцога Эдинбургского» и т. д. Поставлено все на хорошую ногу. Ненавязчиво, но убедительно.

Крен всеобщего образования в Англии делается в сторону спартанского образа жизни, своего рода школы выживания в прямом и переносном смысле, не только потому, что классы с центральным отоплением редкость. Уже стало традицией отдавать свое чадо на подобное испытание с ранних лет. Согласитесь, в России далеко не каждый родитель сможет оторвать от себя своего шестилетнего отпрыска, поместив его в платную школу-интернат, да еще в ста милях от отчего дома, зная, что на любимого сыночка обрушится град житейских невзгод. Если вы живете где-нибудь в Сассексе или Уэльсе, то, считая себя традиционалистом, вы должны обязательно определить потомство куда-нибудь в Йорк или Манчестер, оплата для состоятельных семей не имеет значения. По-видимому, средней ценой будет 13 тысяч фунтов стерлингов в год, не считая штрафов, скрупулезно записывающихся старшим по «дому», впоследствии предъявляется нередко изумленным родителям.

Жестокость существования исходит больше от внутренней школьной субординации среди воспитанников, то есть системы старшинства или более знакомого русскому уху «дедовщины». Подобная организация делается сознательно и опять же традиционно. Ученики живут не классами, а домами, в которых есть представители разных форм. Всего существует 6 форм, каждая форма – это 2 года обучения. Шестая форма – старшекласники, выполняющие унтер-офицерские обязанности. В домах, как правило, учащиеся живут одним составом, за исключением выпускников, и остаются весь срок обучения, от первого до последнего дня.

Именно через старшекласников публичные школы преподают самый первый и самый суровый урок: необходимость беспрекословно подчиняться всякому, кто по школьной субординации стоит хотя бы на ступеньку выше. Иногда и любопытно, и где-то неприятно было смотреть на несущих молоко малышей для старших «товарищей», первосадящихся за обеденный стол верзил и стоящих рядом младших, готовых уже уносить посуду не только за себя. Совершенно официально представители шестой формы обучения вправе применять к младшим дисциплинарные наказания и поощрения. Подобные отношения, а также однополость таких колледжей приводят к неординарным последствиям, заглушать которые пытаются лишь большим количеством занятий, игр и выполнением домашних заданий. Обычный учебный день начинается в 7 ч. 30 мин. завтраком. С 8 ч. 40 мин. – уже уроки, длящиеся с перерывом на ланч и «чайные полчаса» до 19 ч. Послеобеденный перерыв заполняется обычно регби, а образовавшиеся в расписании окна необходимо проводить в библиотеке или в специальных помещениях для подготовки к грядущему дню. Ответственным за это ставится администрацией школы один из монахов, он же старший по дому («домовой») и тьютор, типа нашего классного руководителя.

Насыщенность предметами достигается не обязателькой, а свободным выбором определенных дисциплин нужного количества и выбором преподавателей этих предметов. Надо сказать, что вопрос о поведении на уроках практически не стоит, ибо родительские деньги и внушения о необходимости их отработать с малолетства сидит в юных головах. Никому и в голову не придет не учиться, чтобы вылететь из школы. Кстати, в таком случае деньги не возвращаются.

Оценки в обычном понимании почти не ставятся, а если есть нужда, то шкала выглядит не цифрами, а буквами в соответствии с первыми буквами латинской алфавита: a, b, c, d, e, f. Итого шесть, «a» – высший балл, выставленный крайне редко, в исключительных случаях, показавшему выдающиеся знания ученику. Каждый преподаватель по своему предмету волен объявить такое количество уже цифровых баллов, которое ученик должен накопить, чтобы быть допущенным к экзамену. Баллы обычно зарабатываются написанием «эссе» или «реферата» после каждой пройденной темы. Например, чтобы иметь разрешение сдавать экзамен по истории, учащийся должен набрать 50 баллов. Максимальное количество за эссе – 10. Талантливому ученику стоит написать только 5 работ, менее способному больше, пока не достигнет нужной цифры. Весьма полезная система. За занятиями и подготовкой к ним проходит львиная доля ученического времени. Далеко не каждый сдюжит такое напряжение, снять которое можно по-разному. Например, подурачиться и побеситься, пустив пиротехническую ракету в главном здании колледжа, за что весь ученический состав 700 человек лишат выходных дней, в течение которых обычно разрешается сходить в паб (пивная) и выпить 3 пинты пива, как будто кто-то следит, сколько и кем выпито. К пиву подпускаются подростки, или как говорят на западе, – тинэйджеры, с тринадцатилетнего возраста, но категорически воспрещается приносить спиртное на территорию учебного заведения самостоятельно. Может иногда «домовой» угостить вином или с его разрешения можно отпраздновать тихо какой-либо юбилей. Однако все имеющиеся запреты существуют порой лишь на бумаге, чему в известной мере доказательством служат комнаты воспитанников, которые неприкрыто обставляются различного рода бутылками и бутылочками «для понту». Только когда «борзость» в этом запрете перепрыгнет разумные пределы, принимаются «глобальные» меры. На Ассамблее – собрании всех, имеющих отношение к колледжу, за исключением технического персонала, которого, кстати, здесь едва ли не треть от числа учащихся, – проводится промывание мозгов. Директор или его ближайшие замы читают мораль в течение 20 минут о том, что нельзя ходить пьяными по дорогам, кричать благим матом, мешая спать местным жителям.

Существуют и наказания за проступки. Не отменены розги до сих пор, правда, не видел и не слышал об их применении. В Амплфосе иногда прощтрафившийся работает в монастырском саду, собирая яблоки или окапывая вековые, может быть еще со времен Реформации, деревья.

Таковы неполные правила игры, четкие границы которой в настоящее время стираются, отдавая дань времени. Правила, остающиеся быть таковыми, поскольку без них нет и не может быть Честной игры, будь то жизнь или подготовка к ней, как бы суровы они не были. Англичане к этому привыкли, сами по себе они одиноки, ибо играет каждый за себя. Вся система образования, да и мышления тоже, вращается вокруг одиночества. С малолетства вместе с другими, оторванными от семей, англичанин один, за исключением каникул. И когда он возвращается домой через 15–20 лет с дипломом Кембриджа или Оксфорда, он хочет уехать снова как можно скорее, чтобы жить своей собственной жизнью, как диктуют правила игры, составлявшие веками.

Иди и учись

Немного адаптировавшись в сельской местности северного Йоркшира, я решил последовать настойчивому совету французского публициста Пьера Мэйо, писавшего: «Если бы у меня спросили, как нужно изучать Англию, я бы сказал: ходи по дорогам, проселкам и тропинкам, постарайся сначала ощутить эту страну, а потом уже познать ее, избавившись от предубеждений...»

Необходимо отметить, что хождение по дорогам для англичан процесс не совсем обычный, скорее, наоборот. Менталитет чопорно-высокомерной, островной и первенствующей во всем нации плюс научно-технический прогресс сослужили с ними, на мой взгляд, в современном мире нехорошую службу – англичане стали ленивее. Кажется, что произносимые ими слова становятся все короче и короче, а их разговорная речь – все слитнее и неразделимее и от того менее понимаемой для несведущих иностранцев. Последние, в том числе и я, вынуждены в связи с этим нетактично по несколько раз переспрашивать смысл сказанного, наивно ожидая от носителя языка только классического произношения, которому нас к тому же недоучили в школе. Однако обломовщина проявляется не только в лингвистике. Если кому-либо из островитян необходимо пройти, скажем, половину мили (в английской миле порядка 1,6 км), то при дилемме: на автомобиле или пешком – выбор на 90 % падет на первый вариант. Именно поэтому мое сообщение, что я был в Хэлмзли или Гиллинге (четыре и две мили соответственно) от Эмплфоса, у собеседников автоматически вызывало стандартный вопрос: «Сам ездил или возил кто?» Каково же было нескрываемое удивление, равносильное шоку, на то, что я прошел пешком столько километров туда, да еще и обратно! Понимая мою любознательность к образу их жизни, мои знакомые так и не смогли осознать, почему же я все-таки решился пойти, а не попросил кого-либо подвезти.

Справедливости ради следует сказать, что именно с этого я и начинал, то есть просил об этой транспортной услуге. Но, увы, англичане очень за-

нятой (может быть и не очень) и экономный народ, и, как следствие, мои не столь назойливые просьбы натыкались на весьма вежливый отказ. Ожегшись пару раз, в дальнейшем я не настаивал и прекратил попытки ублажить собственную лень. Отказывали не прямо и открыто, а опосредованно, что живо напомнило мне одну из уважаемых игр англичан – футбол. Действительно, британские любители этого вида спорта обожают лицезреть на телеэкранах игру в пас, дриблинг . . . , но в данном случае мячом оказывался именно я, имея возможность оценить все прелести чисто английского футбола. Владельцы автомобилей отвечали на мои домогательства, что обязательно как-нибудь свозят и добавляли, дескать, они знают, кто это может сделать сейчас. Но тот, кто бы мог это сделать сейчас, хитро подмигнув и умоляя не раскрывать секрета, заговорщически указывал другой адресат. Дальше ситуация повторялась. Оставалось, вспомнив национальную гордость великороссов, тихо плюнуть и двинуться познавать Англию изнутри без технических средств передвижения.

Дороги, как и симпатичные йоркширские городки, содержатся в идеальном порядке. Любую информацию по направлениям вы сможете найти на каждом перекрестке, где устанавливается внушительный указатель со всевозможными стрелками, данными расстояний в милях до каждого маломальски населенного пункта и другими непонятными мне условными обозначениями. Ни один из указателей не пробит дробью, не согнут и не перевернут в другую сторону. За несколько миль от городов и весей в местах, опасных для движения, в поле или в лесу, в темное время суток горят ряды сигнальных столбиков, призванных оповещать водителей о всевозможных неприятностях. Честно признаюсь, даже мне, взрослому человеку, на мгновение неизвестно, в связи с какими нахлынувшими вдруг сентенциями захотелось пнуть ногой этот столбик. Может быть, в тайных движениях наших душ и кроется разгадка, отчего же наши российские дороги избежали подобных не бог весть каких технических излишеств.

Вдали от индустриальных центров, в кантрисайдах, дороги очень похожи на российские – впечатление, мелькнувшее в голове, едва я увидел путь от Йорка дальше на север. К сожалению, одинаковость не в качестве, а в размерах по ширине. Узость шоссе мне объясняли дороговизной частных владений, через которые они проходят, и экономией земли. А извилистость, которой страдают здешние дороги, исходит из далекого прошлого, когда королевской властью высочайше было разрешено брать землю в аренду на 99 лет, передавая ее (аренду) по наследству. Арендной платой за землю считается ежегодный налог государству. Так вот, земли были сданы в пользование при одной оговоренной детали: неприкосновенность общественных троп и дорожек, испещривших Британскую империю в очень причудливых конфигурациях. Зачастую можно видеть рядом с частными хозяйствами указатель: «Общественная тропа». На заре автомобилестроения по таким дорожкам и начинали строиться скоростные трассы. Они действительно скоростные и в связи с этим не отягощены многочисленными дырками или заплатами.

А если таковые и существуют, что можно было бы признать случаем исключительным, то оформляются многочисленными предупреждающими знаками и тельняшкой на асфальте, чтобы де значит издалека видели этот едва заметный бугорок или промоину, которые при здешних скоростях могут стать причиной аварии.

Англичане делают дороги под себя и, разумеется, не для русского пешехода – вдоль них нет милых сердцу широких обочин. Здесь, если ты уж и вырвался пешком идти за несколько миль, то придется идти строго по узкому кусочку асфальта, оттененному белой линией, каждую секунду напрягаясь от звука летящей навстречу машины. Иногда этих очерченных полосок просто не бывает и ничего не сделать – идешь по проезжей части. В темноте или в тумане, обычно не являющихся причиной снижения скоростей, особенно ощущаешь себя камикадзе, а не мирно следующим пилигримом. Трагикомизм ситуации нарастает в уикенд, когда совсем нельзя быть уверенным в четкости движений водителей, ибо в упомянутое время ошастливленные практическим отсутствием в этих местах полиции, они по дороге не прочь пропустить пару пинт пива во встречающихся по пути кабаках. Кстати, ближе к ночи, выходя из такого паба, оказываешься в кромешной темноте. Упомянутые ранее дорожные столбики находятся не везде, поскольку не везде есть опасность перевернуться или врезаться. Привычных российских столбов, пускай даже через одну-две качающимися на ветру желтеющими лампочками или мигающих дневным светом фонарей нет, о чем я долго ностальгически жалел, ибо свет для англичанина – это фары его автомобиля. Бедному русскому пешеходу остается только втираться в придорожные колючие кусты повсеместно растущей здесь ежевики при виде приближающихся и по-драконьи светящихся фар. Неумолимо приходит чувство ничтожности собственного бытия, непредусмотренного силами мироздания. Пойманный пабский хмель доброго пива улетучивается на таких дорогах весьма скоро, оставляя в сознании неизгладимые впечатления от познаваемой так по совету добрых людей Англии.

Замечания об умывальниках и «иже с ними»

Удивительная вещь – знакомиться с иными традициями, тем более что свои почти перестали сберегать. Чего об англичанах говорить «не моги» – обидятся. С сохранением прошлого Англии – все о'сау. Традиционалистом считает себя каждый. Может быть, поэтому у власти часто находится консервативная партия. Ведь «консерватизм» – сохранение. То, что осталось в настоящее время – это лучшее, прошедшее сито веков. Не хочется распинаться о том, о чем гласят многие путеводители: о геометрических газонах, подстригающихся не реже раза в три дня, о смене британской гвардии в экзотических нарядах у Букингемского дворца или о головных уборах странноватого вида у полицейских.

Сейчас – несколько слов об умывальниках и о том, что с ними связано. Сталкиваясь с ними лицом к лицу, долго и утомительно размышляешь, почему в стране развитой индустрии умывальник с двумя кранами без смесителя, столь привычного нам, у кого, конечно, бывает иногда горячая вода. Пытаешься умыться – тщетно. Надо выбирать: какой кран включать для омовения, или же надо немисливо быстро двигать руками от струи с ледяной водой к струе с горячей и обратно. Не всегда замечаешь сразу, да и не везде есть пробка для задержки слива воды, чтобы наполнить раковину. Англичане от средневековых тазиков строго традиционно перешли к водопроводу. Изменилось только наполнение и вид сосуда. Ранее содержимое кувшинов выливалось в емкость и, пожалуйста, полощись. Ныне – включи воду, закрой отверстие и, минуя пару минут, – тот же тазик, только фаянсовый – полощись... Традиция впереди видимого удобства.

С раковинами понятно, а вот с ванными как? Да и душа над ванной нет. Души устанавливаются отдельно. Представьте нонсенс – два разнотемпературных душа, разве что лечить психические расстройства разницей температур.

Вообще, англичане любят свежий холодный воздух, даже в душевой и ванной комнатах нет привычных русскому стилю эдакого: греться – так греться, мыться – так в тепле. Даже моясь, открывают окна, форточки почти нараспашку, не взирая на уличную, далеко не летнюю температуру. Вздумалось попробовать и мне. Открыл окно, набрал ванну горячей в меру воды, погрузился. Голову от возможного менингита спасал только пар, исходящий от воды. Правда кричащие в уличной темноте и тишине ребенком английские совы придавали, несмотря на электрическое освещение, впечатление чего-то средневекового и таинственного. Может быть, ретро-романтика заставляет и британцев следовать путем традиций? Однако уверен, далека от романтики другая сантехническая проблема английского быта: трубы, радиаторы, души, ванны, раковины свистят, хрипят, сипят, сморкаются в свое удовольствие, отнюдь не в угоду вынужденным жить рядом людям. Это тема, над которой смеются во всем мире, судя по высказываниям знакомых со всего света. Ночью можно несколько раз проснуться, оттого что экономные англичане сливают и заполняют маслом центральное отопление. Вероятно, к этому также тяжело привыкнуть, как и к жилью на первом этаже у трамвайного перекрестка где-нибудь в Санкт-Петербурге.

Если в доме существует много соседей и кто-то из них, вернувшись поздно, решил умыться, считайте, что вы уже не заснете, ибо ваша раковина, тем более, если она находится в комнате, где вы спите, а это встречается часто, будет издавать столь причудливые музыкальные композиции или очень непотребные звуки, что вы, гарантирую, засомневаетесь: не плохо ли вашему соседу. Да, уж, действительно, – разные обычаи.

Паб. По-русски – пивная

Однажды, проверяя свои знания языка, я спросил у одного знакомого англичанина, во всех ли деревнях есть пабы? Через доли секунды я понял, что я глупейший человек на свете, ибо подобного вопроса не мог бы задать даже ребенок. В английской деревне, может не быть магазина или почты, может не быть школы или еще чего-нибудь, но чтобы не было паба?! – просто немыслимо. Даже, если в деревне шесть домов, то обязательно будет седьмой, и вы безошибочно определите его по черно-белому окрасу и экзотической вывеске, связанной с каким-либо животным – «Белый лебедь», «Красная корова» и т. д. – это паб, или просто пивная, отнюдь не похожая на наши среднестатистические забегаловки, «гордо» носящие имя «Бар». Никакие питерские «Петрополь» или «Жигули» середины 90-х годов не сравнились бы с самым плохоньким пабом в самой захудалой по британским меркам деревеньке.

В пабе есть все: как минимум три-четыре сорта пива, три-четыре варианта совсем не дорогой по тем же меркам еды, легкая, чаще – кантри, музыка, горящие дрова в камине, аккуратные столики и интерьер, подчеркивающие всегда грубую старину, имеющую, однако, неповторимую элегантность и умиротворение, особенно для человека, уставшего от бурной урбанизированной жизни. В пабе можно найти не только пиво, но практически любой напиток, в том числе к некоторому моему удивлению и русскую водку. Никогда не подозревал, что в деревне, в Северной Англии, где плотность населения самая низкая по стране, встречу человека, который бы мне объяснял, где и когда лучше брать водку в России, сколько на обратной стороне этикетки должно быть клеевых полос, определяющих заводское производство. Узнав, что я – русский, почему-то всегда считали нужным сказать несколько слов о водке и, поднимая вверх указательный палец, многозначительно завершить свой спич, хитро улыбаясь прищуренными глазами, восклицанием по слогам: «Столичная!», и трясая поднятым пальцем, как будто нашкодившему дошкольнику, выразить непонятное чувство недоумения и восхищения. Самого меня охватывало нечто подобное, глядя на сие действие, только в обратном порядке. Восхищение – поскольку хоть один продукт в России – мировых стандартов, недоумение – так как это едва ли не единственная в своем роде тема, интересующая собеседника в вопросе о России. Все остальные то ли в силу английской сдержанности, то ли еще в чью-либо силу не охватывают энтузиазмом говорящих. Раз уж в Англии не разделяют русского и водку, стало быть, не разделены вовек!

Паб – это сердце деревенской жизни, может быть, одно из редких мест, где односельчане могут собраться и спокойно поговорить меж собой о работе или о машинах, придти сюда с женой, отметив окончание трудовых дней. Но, смотря со стороны, я не смог увидеть эмоциональных бесед, чувственных жестов. Скрытно разглядывая посетителей в один из вечеров, невольно вспомнил русского историка начала XIX века Н. М. Карамзина, говаривавшего,

что его русское сердце, любящее изливаться в искренних живых разговорах с игрой глаз, скорыми переменами лица, с выразительными движениями рук, так и не приспособилось к англичанам, которые молчаливы, равнодушны, говорят как читают, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений. Прошло почти два века – мало что изменилось в менталитете британца. Англичане не общительны даже между собой, тем более, если речь заходит об иностранце. За внешней вежливостью и заинтересованностью всегда можно засечь стремления побыстрее отделаться от тебя. К сожалению для себя, я не знал этого и часто лез с всякими разговорами к представленным мне ранее людям. Как правило, после пяти минут общения с натянутой улыбочкой, несостоявшиеся собеседники, «вдруг» вспомнив о многочисленных делах извиняются, произносят «See you» (увидимся) и быстро растворяются в толпе, коридорах или еще где-нибудь, дабы я не задал еще какой вопрос. «See you» – и ты должен попрощаться тоже, хочешь или не хочешь того. Таковы правила игры. В Англии считается грубым спешить поддержать разговор, хотя в соседней Франции, если верить Андре Моруа, – оказывается непочтительно дать беседе угаснуть. Если вы не откроете рта на протяжении долгого времени, про вас наверняка подумают: «Этот русский производит приятное впечатление». Не любят там навязчивых людей, может, оно и правильно.

Если в деревне два паба, то они посещаются людьми различных социальных категорий. В городах тоже есть «свои» пабы – элитные и «рабочие», хотя разница только в посетителях. Как-то в одном из неэлитных пабов, взяв по пинте (чуть больше поллитра) темного густого пива, что считается негласно истинно мужским сортом, в отличие от более легкого – светлого, мы заговорили по-русски, не заметив, что привлекли внимание скучающих одиночек. Один из них молча и уверенно слез с вертящегося стула у стойки и сел за наш столик без каких-либо слов, слушая некоторое время нашу стихающую беседу. Потом по-английски спросил: «Вы русские?» После утвердительного ответа также молча протянул свою крупную руку, для рукопожатия. Пожал и ушел. Было и приятно, и непонятно, однако впоследствии мне объяснили, что русских очень уважают в рабочих окраинах и всегда не преминут упустить случай выразить свое уважение, может быть, не только в таком варианте, как наш. Видимо, не всегда правильная информация все-таки отложила в мозгах средних обывателей – пролетариев, что Россия – страна рабочих и для рабочих. О, наивное заблуждение!

Я несколько раз убеждался, что средние и ниже среднего социального уровня англичане гораздо теплее относятся ко мне. Подобное отношение вряд ли диктуется интересом к России. Скорее, в какой-то степени ответственностью за собственную нацию. Англичане ведь знают самих себя: когда я покидал Амплфосский колледж, коллеги-преподаватели сухо прощались, а едва вспомнивший о моем отъезде директор сдержанно кивнул головой. С другой стороны, совершенно искренне огорчались работники столовой, в которой я имел честь питаться. Бывший моряк, а теперь уборщик, не без «помпы» вручил мне литр лучшего шотланского! виски. Трудно объяснить

подобные вещи..., когда в одном случае тобой овладевает недоумение, во втором хочется пустить слезу. Вероятно, англичанам, поднявшимся на средний уровень жизненной лестницы присуща самая суть снобизма: считать, что есть, по крайней мере, один слой ниже их, хотя бы одна группа, которую можно считать нижестоящей. У «людей без Оксфорда» этого не увидишь.

Под легким хмелем все эти различия стираются, держась искусственно разделением пабов. Пусть уж грифельные доски с указанием цен сегодняшнего пива зазывают всех в паб, чтобы хоть тот стал сближающим фактором нации, и мы, иностранцы, смогли бы говорить о ней только хорошее.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	4
К читателю (<i>Ю. В. Высоцкий</i>).....	5
Повесть о Петре и Февронии. Очерки социально-политической истории Мурома-Рязанской земли.....	7
С митрополитом Иларионом по Мангупу. Геополитические заметки	56
Россия и Средняя Азия. Геополитические очерки	72
Россия и Крымское ханство в XV–XVIII веках. Историко-геополитические очерки.....	134
Туманный Альбион. Заметки на ладони.....	199

Научное издание

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
МЕЖДУНАРОДНОГО БАНКОВСКОГО ИНСТИТУТА**

**Выпуск № 5
От Древней Руси до современной Англии**

Под научной редакцией А. С. Харланова

Корректор *И. С. Ловкис*
Технический редактор *Л. В. Соловьева*

Директор РИО А.И. Стригун

Подписано в печать 25.12.13.
Усл. печ. л. 13,4. Тираж 500. Заказ 623.

РИО МБИ
191011 Санкт-Петербург, Невский пр., 60
тел. (812) 242-13-84